

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМІЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

М. Л. Толстой,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Л. Н. ТОЛСТОГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. ДѢМАКОВА, Новый пер., д. № 7.
1894.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 сентября 1894 года.

ИЗЪ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Года полтора тому назадъ мнѣ въ первый разъ довелось прочесть книгу Амиеля: „Отрывки задушевнаго дневника“ (Fragments d'un journal intime). Я былъ пораженъ значительностью и глубиной содержанія, красотой изложенія и, главное, искренностью этой книги. Читая ее, я отмѣчалъ изъ нея мѣста, особенно поразившія меня. Дочь моя взялась перевести эти мѣста, и такъ составились эти выдержки изъ „Fragments d'un journal intime“, т. е. выдержки изъ выдержекъ всего многого и не напечатаннаго дневника Амиеля, веденнаго имъ изо дня въ день въ продолженіе 30 лѣтъ.

Henri Amiel родился въ 1821 году въ Женевѣ и рано остался сиротою. Окончивъ въ Женевѣ курсъ высшаго образованія, Амиель поѣхалъ за границу и тамъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ гейдельбергскомъ и берлинскомъ университетахъ. Вернувшись въ 1849 году на родину, онъ, 28-ми-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, получилъ въ женевской академіи мѣсто профессора сначала эстетики, а потомъ философіи и занималъ его до самой смерти.

Вся жизнь Амиеля прошла въ Женевѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1881 году, ничѣмъ не выдѣлившись изъ большого числа тѣхъ самыхъ обыкновенныхъ профессоровъ, которые, механически компилируя свои лекціи изъ послѣднихъ вышедшихъ по ихъ специальности книгъ, также механически передаютъ ихъ своимъ слушателямъ, и изъ еще большого числа безсодержательныхъ стихотворцевъ, которые поставляютъ этотъ хотя и никому не нужный, но все еще покупаемый, товаръ на десятки тысячъ издающихся журналовъ.

Амиель не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха ни на ученомъ, ни на литературномъ поприщѣ. Уже приближаясь къ старости, онъ писалъ про себя слѣдующее:

„Что-же я сумѣлъ извлечь изъ тѣхъ даровъ, которые мнѣ были даны, изъ особенныхъ условій моей полувѣковой жизни? Что я извлекъ

изъ своей почвы? Развѣ всѣ мои бумагомаранія, собранныя вмѣстѣ, моя переписка, *эти тысячи задушевныхъ страницъ*, мои лекціи, мои статьи, мои стихи, мои различные замѣтки — развѣ все это не есть только сухіе листья! Кому и на что я, когда-либо, былъ нуженъ? И развѣ имя мое проживетъ хоть днемъ дольше меня, и будетъ для кого-нибудь имѣть какое-либо значеніе? Ничтожная, пустая жизнь! *Vie nulle*“.

Объ Амьелѣ и о дневникѣ его уже послѣ его смерти писали два извѣстные французскіе писателя: его другъ, извѣстный критикъ Э. Шереръ и философъ Каро. Интересенъ тотъ сочувственный, но отчасти покровительственный тонъ, съ которымъ оба эти писателя относятся въ Амьелю, сожалѣя о томъ, что онъ былъ лишень тѣхъ качествъ, которыя нужны для совершенія настоящаго труда. А между тѣмъ, тѣ настоящіе, труды этихъ двухъ писателей—критическіе труды Э. Шерера и философскіе Каро, едва-ли долго переживутъ своихъ авторовъ, тогда какъ нечаянный, не настоящій трудъ Амьеля, его дневникъ останется навсегда живою, нужною для людей и плодотворно дѣйствующею на нихъ книгой.

Писатель вѣдь дорогъ и нуженъ намъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ открываетъ намъ внутреннюю работу своей души, само собою разумѣется если работа эта новая, а не сдѣланная прежде. Что-бы онъ ни писалъ: драму, ученое сочиненіе, повѣсть, философскій трактатъ, лирическое стихотвореніе, критику, сатиру, намъ дорога въ произведеніи писателя только эта внутренняя работа его души, а не та архитектурная постройка, въ которую онъ большей частью, да я думаю и всегда, уродуя ихъ, укладываетъ свои мысли и чувства.

Все, что Амьель отливалъ въ готовую форму: лекціи, трактаты, стихотворенія, было мертво; дневникъ-же его, гдѣ, не думая о формѣ, онъ говорилъ только самъ съ собой — полною жизни, мудрости, поучительности, утѣшенія, и навсегда останется одной изъ тѣхъ лучшихъ книгъ, которыя намъ нечаянно оставляли люди, какъ Маркъ Аврелій, Паскаль, Эпиктетъ.

Паскаль говоритъ:

„Есть только три рода людей: одни тѣ, которые, найдя Бога, служатъ Ему, другіе, которые, не найдя Его, заняты исканіемъ Его, и третьи тѣ, которые, не найдя Его, все-таки не ищутъ Его“.

„Первые разумны и счастливы, послѣдніе безумны и несчастны, средніе несчастны, но разумны“.

Я думаю, что разница, которую устанавливаетъ Паскаль между первыми и вторыми, между тѣми, которые, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, найдя Бога, всѣмъ сердцемъ служатъ Ему, и тѣми, которые, не найдя Его, всѣмъ сердцемъ ищутъ Его, не только не такъ

велика, какъ онъ это думалъ, но и вовсе не существуетъ. Я думаю, что тѣ, которые всѣмъ сердцемъ своимъ и страдая (*en gemissant*, какъ говоритъ Паскаль) ищутъ Бога — уже служатъ Ему. Служатъ тѣмъ, что этими страданіями исканія прокладываютъ и открываютъ для другихъ путь къ Богу, какъ это сдѣлалъ самъ Паскаль въ своихъ мысляхъ и какъ это всю свою жизнь дѣлалъ Амiель въ своемъ дневникѣ.

Вся жизнь Амiеля, какъ она представляется намъ въ этомъ дневникѣ, полна этого, всѣмъ сердцемъ своимъ страдающаго, исканія Бога. И созерцаніе этого исканія тѣмъ болѣе поучительно, что оно никогда не перестаетъ быть исканіемъ, никогда не останавливается, не переходитъ въ сознаніе обрѣтенія истины и въ поученіе. Амiель не говоритъ ни себѣ, ни другимъ: „я знаю теперь истину, слушайте меня!“ Напротивъ, ему кажется, какъ это и свойственно тому, кто искренно ищетъ истину, что чѣмъ больше онъ узнаетъ, тѣмъ больше ему нужно знать и онъ, не переставая, дѣлаетъ все, что можетъ, чтобы болѣе и болѣе познавать истину, и потому постоянно чувствуетъ свое незнаніе. Онъ постоянно загадываетъ о томъ, каково должно быть христіанство и состояніе христіанина, ни на минуту не останавливаясь на мысли о томъ, что христіанство есть то самое, что онъ исповѣдуетъ, и что онъ самъ осуществляетъ въ себѣ состояніе христіанина. А между тѣмъ, весь дневникъ его полонъ выраженіями самаго глубокаго христіанскаго пониманія и чувства. И выраженія эти дѣйствуютъ особенно сильно на читателя именно своей бессознательностью и искренностью. Онъ говоритъ самъ съ собою, не думая о томъ, что его слушаютъ, не стараясь казаться увѣреннымъ въ томъ, въ чемъ онъ не увѣренъ, не скрывая своего страданія и исканія.

Какъ будто присутствуешь безъ вѣдома хозяина при самой таинственной и глубокой и страстной, обыкновенно скрытой отъ посторонняго взгляда, внутренней работѣ души.

И потому можно найти много болѣе стройныя и краснорѣчивыя выраженія религіознаго чувства, чѣмъ выраженія религіознаго чувства Амiеля, но трудно найти болѣе задушевныя и хватающія за сердце. Не за долго до своей смерти, зная, что болѣзнь его всякій день можетъ кончиться задушеніемъ, онъ пишетъ:

„Когда не мечтаешь уже о томъ, что имѣешь передъ собой свободными десятки лѣтъ, годъ, мѣсяцъ, когда считаешь уже десятками часовъ, и будущая ночь несетъ въ себѣ уже угрозу неизвѣданнаго, очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки, политики и довольствуешься бесѣдой съ самимъ собой, а это возможно до самаго конца. Внутренняя бесѣда эта — одно, что остается приговоренному къ смерти, казнь котораго откладывается. Онъ (этотъ приговоренный) сосредоточивается въ себѣ самомъ. Онъ уже не лучеиспускаетъ, а

только бесѣдуетъ съ своей душой. Онъ уже не дѣйствуетъ, а созерцаетъ... Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать къ своему жилищу; и жилище это его совѣсть, его мысль. Пока онъ можетъ держать перо и имѣть минутку уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ Богомъ.

„Это, впрочемъ, не нравственное изслѣдованіе, не покаяніе, не призывъ. Это только „аминь“ покорности“.

„Дитя мое, отдай мнѣ свое сердце“.

„Отреченіе и согласіе мнѣ менѣе трудны, чѣмъ другимъ, потому что я ничего не хочу. Я-бы желалъ только не страдать. Христось въ Геосиманскомъ саду просилъ о томъ же. Сдѣлаемъ же то же, что и Онъ. „Впрочемъ пусть будетъ не моя воля, но Твоя“ — и будемъ ждать“.

Таковъ онъ наканунѣ своей смерти. Онъ не менѣе искрененъ и серьезенъ и въ продолженіе всего дневника, не смотря на изыщество и во многихъ мѣстахъ кажущуюся изысканность своей рѣчи, ставшей для него привычкой. Въ продолженіе всѣхъ 30-ти лѣтъ своего дневника онъ чувствуетъ то, что мы всѣ такъ старательно забываемъ, — то, что мы всѣ приговорены къ смерти и казнь наша только отсрочена. И отъ этого-то такъ искренна, серьезна и полезна эта книга.

Левъ Толстой.

Берлинъ. 16 іюля 1846 г. Одно только нужно: сознать Бога. Всѣ чувства, всѣ силы души и ума, всѣ внѣшнія средства пониманія суть только просвѣты на божество: суть только способы вкушать и обожать Бога. Надо умѣть оторваться ото всего, что можетъ быть потеряно, и привязаться исключительно къ вѣчному и основному, всѣмъ же остальнымъ наслаждаться, какъ даннымъ взаимы на время. Обожать, понимать, принимать, чувствовать, давать, дѣйствовать: вотъ твой законъ, твой долгъ, твое счастье, твое небо,—пусть будетъ что будетъ, хотя бы и смерть. Установи внутреннее согласіе, живи передъ Богомъ, въ общеніи съ Нимъ и предоставь вѣчнымъ силамъ, съ которыми не можешь бороться, руководить твоею жизнью. Если смерть еще не беретъ тебя, тѣмъ лучше. Если она унесетъ тебя, опять тѣмъ лучше. Если она убьетъ тебя на половину, все-таки тѣмъ лучше, она закрываетъ для тебя поприще успѣха для того, чтобы открыть тебѣ поприще подвига, самоотреченія, нравственнаго величія. Всякая жизнь имѣетъ свое величіе и таеъ какъ тебѣ невозможно выйти изъ Бога, то лучше сознательно выбрать Его своимъ обиталищемъ.

20 іюля 1848 г. Берлинъ. Судить о нашемъ времени съ точки зрѣнія всемірной исторіи, исторію съ точки зрѣнія геологическихъ періодовъ, геологію съ точки зрѣнія астрономіи, вотъ что дѣлаетъ мысль свободной. Когда продолжительность жизни человѣка или народа намъ представляется такой-же микроскопической, какъ и жизнь мушкарки и наоборотъ, жизнь эфемерида также безконечна, какъ жизнь небснаго тѣла со всею своею пылью народовъ, мы чувствуемъ себя и очень малыми и очень великими и мы со всей высоты небесныхъ сферъ можемъ разсматривать наше собственное существованіе и тѣ маленькіе вихри, которые волнуютъ нашу маленькую Европу.

Въ сущности есть только одинъ предметъ изученія: это разные виды и превращенія духа. Всѣ другіе предметы сводятся къ этому-же, всѣ другія изученія приводятъ къ нему-же.

3 мая 1849 г. Ты никогда не ощущалъ въ себѣ внутренней увѣренности генія, предчувствія славы и счастья. Ты никогда не во-

ображалъ себя великимъ, знаменитымъ, или хоть бы мужемъ, отцомъ, вліятельнымъ гражданиномъ. Это равнодушіе къ будущему, это полное недовѣріе, суть безъ сомнѣнія указанія. То о чемъ ты мечтаешь, смутно и неопредѣленно; ты не долженъ жить, потому что ты сейчасъ неспособенъ къ жизни. Держи себя въ порядкѣ; оставь живыхъ жить, сведи къ одному твои мысли и сдѣлай завѣщаніе того, что ты передумалъ и того, что ты переживалъ; это самое полезное, что ты можешь сдѣлать.

Отвергнись отъ себя и возьми свою чашу—все равно, наполненную медомъ или желчью, сдѣлай такъ, чтобы Богъ вошелъ въ тебя, впередъ пропитайся имъ, такъ чтобы душа твоя сдѣлалась храмомъ Св. Духа, дѣлай добрыя дѣла, содѣйствуя счастью и совершенствованію другихъ.

Только бы не было въ тебѣ личнаго честолюбія и тогда ты приришишься съ жизнью или смертью что-бы не случилось.

Мая 27 1849 г. Быть непонятымъ даже тѣми, кого любишь, вотъ чаша горечи и крестъ жизни, это-то накладываетъ на уста выдающихся людей ту скорбную и грустную улыбку, которая поражаетъ насъ: въ этомъ самое жестокое испытаніе людей, которые жертвуютъ собой, и это-то и должно было чаще всего сжимать сердце Сына Человѣческаго; а если бы Богъ могъ страдать, то это была-бы рана, которую мы наносили бы и Ему каждый день. Онъ, главное Онъ, всегда непризнанный, и въ высшей степени непонятый. Увы! Увы! не тяготиться, не остывать, быть терпѣливымъ, отзывчивымъ, добродушнымъ, слѣдить за рождающимся цвѣткомъ и отрывающимся сердцемъ, всегда надѣяться, какъ Богъ всегда любить, вотъ въ чемъ долгъ.

Долгъ имѣетъ свойство заставлять насъ чувствовать реальность дѣйствительнаго міра и вмѣстѣ съ тѣмъ отрываетъ насъ отъ него.

30 декабря 1850 г. Всякій бутонъ разцвѣтаетъ только разъ и у всякаго цвѣтка есть только одинъ моментъ совершенной красоты, также въ саду души у cadaго чувства есть какъ-бы моментъ разцвѣта, т. е. единственный моментъ распутившейся прелести и царственнаго блеска.

Всякая звѣзда только разъ въ ночь проходитъ меридіанъ надъ нашими головами и блеститъ на немъ только одно мгновеніе; также въ небѣ разумнія существуетъ для каждой мысли, если можно такъ выразиться, только одинъ зенитный моментъ, во время котораго она блеститъ во всей своей силѣ и царственномъ величіи. Артистъ, художникъ, поэтъ или мыслитель, лови свои мысли и чувства въ этотъ опредѣленный, но бѣглый моментъ, чтобы остановить, увѣковѣчить ихъ, такъ какъ это высшая ихъ точка. До этого мгновенія у тебя

были только смутные намеки или темныя предчувствія ихъ; послѣ него, у тебя останутся только ослабленныя воспоминанія и безсильныя раскаянія. Это мгновеніе есть мгновеніе идеала.

Чѣмъ больше отталкиваешь свой крестъ, тѣмъ онъ становится тяжелѣе.

Досада (le dépit) это злоба, которая боится обнаружиться: это безсильное бѣшенство, чувствующее свое безсиліе.

Ничто такъ не походитъ на гордость, какъ уныніе.

Для управленія своею жизнью привычки важнѣе правилъ, потому что привычка есть живое правило, ставшее кровью и плотью. Передѣлать свои правила это не важно, это значить перемѣнить заглавіе книги. Приобрѣсти же новыя привычки это — все, потому что этимъ захватывается жизнь въ ея сущности. Жизнь есть только сплетеніе привычекъ.

6 апреля 1851 г. Я не вѣрю самъ себѣ, не вѣрю счастью, потому что знаю себя. Идеалъ отравляетъ для меня неполное обладаніе всѣмъ несовершеннымъ. Все, что опредѣляетъ будущее и разрушаетъ мою внутреннюю свободу, поработачаетъ меня вещамъ или заставляетъ быть инымъ, чѣмъ я хотѣлъ и долженъ былъ бы быть, все, что умаляетъ мое представленіе о совершенномъ человѣкѣ, дѣлаетъ мнѣ больно, сжимаетъ меня, огорчаетъ меня, даже въ мысляхъ, даже раньше времени. Я ненавижу бесполезныя сожалѣнія и раскаянія. Необходимость послѣдствій, связанныхъ съ каждымъ изъ нашихъ поступковъ, — это главная мысль драмы, и мрачная и трагическая сторона нашей жизни удерживаетъ меня болѣе непреодолимо, чѣмъ рука командора. Я дѣйствую всегда только съ сожалѣніемъ и почти насильно.

Быть зависимымъ для меня невыносимо, но зависѣть отъ неоправимаго, отъ случайнаго, отъ непредвидѣннаго и главное зависѣть по своей же винѣ, зависѣть отъ ошибки, т. е. лишиться своей свободы, своей надежды, лишиться сна и счастья — это адъ!

Все необходимое, роковое, вообще все невмѣняемое я перенесу, мнѣ кажется, съ душевнымъ мужествомъ. Но отвѣтственность убійственно отравляетъ всякое горе. Поступокъ же, по существу своему, всегда свободенъ. И потому я поступаю какъ можно меньше.

Послѣдній отпоръ личной воли, который противится, скрывается, ищетъ покоя, удовлетворенія, независимости!

Нѣтъ-ли остатка эгоизма въ этомъ безкорыстіи, въ этой боязни, въ этой празднои чуткости? Ты хочешь исполнить долгъ, но гдѣ

онъ, въ чемъ онъ? Вотъ тутъ-то выступаетъ желаніе и становится на мѣсто прорицателя. Послѣдній вопросъ таковъ: должно-ли повиноваться своей природѣ, даже лучшей и самой духовной, или побѣждать ее?

Заключается-ли жизнь главнымъ образомъ въ воспитаніи ума и духа, или въ воспитаніи воли и въ чемъ состоитъ воля: въ силѣ или въ отреченіи? Если цѣль жизни въ достиженіи отреченія, то приходите болѣзни, препятствія, страданія всякаго рода! Если-же цѣль въ проявленіи человѣка со всеми его свойствами, то тогда надо оберегать его цѣльность. Вызывать испытанія—значить искушать Бога. Въ сущности Богъ справедливости заслоняетъ мнѣ Бога любви. Я трепещу, но не довѣряю. Всякій двойственный голосъ, борющійся въ сознаніи, не есть еще голосъ Божій. Спустись глубже въ самого себя до тѣхъ поръ, пока не услышишь только одинъ голосъ, простой голосъ, уничтожающій всякое сомнѣніе, дающій убѣжденіе, ясность и спокойствіе. Счастливы тѣ, говоритъ апостоль, которые находятся въ согласіи съ самими собой и которые не осуждаютъ себя въ избираемомъ ими жребіи. Это внутреннее тождество, это единство убѣжденій тѣмъ болѣе трудно, чѣмъ болѣе умъ различаетъ, разлагаетъ и предвидитъ. Свободу трудно соединить съ непосредственнымъ единствомъ инстинкта. Увы! надо, стало быть, тысячи разъ взбираться на тѣ же вершины, вновь пріобрѣтать уже достигнутыя точки зрѣнія, надо *πολεμειν-πολεμων*. Сердце, также какъ и цари, подъ видомъ постоянного мира, подписываетъ только перемирія. Итакъ, вѣчную жизнь нужно вѣчно пріобрѣтать. Увы, да! даже миръ есть борьба, или скорѣе борьба и дѣятельность это законъ жизни. Мы находимъ покой только въ усилии, какъ пламя находитъ существованіе только въ горѣннѣ. О, Гераклитъ! Стало быть вѣншній видъ счастья таковъ-же, какъ и страданія; тревога и прогрессъ, рай и адъ одинаково подвижны. Алтарь Весты и казнь Вельзевула горятъ тѣмъ-же огнемъ. Да, въ этомъ жизнь, жизнь двусторонняя, жизнь обоюдоострая. Одинъ и тотъ-же огонь уничтожаетъ и освѣщаетъ. Стихія Боговъ могутъ превратиться въ стихію проклятыхъ.

15 августа 1851 г. Великое дѣло умѣть быть готовымъ! это драгоценное свойство, включающее въ себя расчетъ, глазомѣръ и рѣшительность. Для этого надо умѣть рѣзать, потому что не все можно развязать; надо умѣть освобождать существенное отъ опутывающихъ его мелочей, такъ какъ нельзя дѣлать всехъ дѣлъ вмѣстѣ — однимъ словомъ, надо умѣть упрощать свои обязанности, свои дѣла и свою жизнь. Умѣть быть готовымъ—значитъ умѣть тронуться съ мѣста.

Удивительно, какъ мы бываемъ обыкновенно опутаны тысячами препятствій и обязанностей, не существующихъ въ дѣйствительности,

но тѣмъ не менѣе запутывающихъ насъ въ свою паутину и препятствующихъ движенію нашихъ крыльевъ. Беспорядокъ дѣлаетъ насъ рабами. Сегодняшній беспорядокъ уменьшаетъ свободу завтрашняго дня.

Загроможденіе мѣшаетъ свободѣ, а загроможденіе происходитъ отъ отеладыванія. Умѣть быть готовымъ—значитъ умѣть кончать. Ничто не сдѣлано, что не окончено. Дѣла, которыя мы оставляемъ за собой, впоследствии опять возстанутъ передъ нами и затруднятъ нашъ путь. Пусть каждый нашъ день управится съ тѣмъ, что его касается, очиститъ свои дѣла, пусть бережетъ послѣдующій день, и тогда мы всегда будемъ готовы. Умѣть быть готовымъ—въ сущности значитъ умѣть умереть.

6 сентября 1851 г. Время великихъ людей уходитъ. Наступаетъ эпоха муравейника, жизни толпы. Очень можетъ случиться, что если только отвлеченное равенство восторжествуетъ, то въ вѣкъ индивидуализма не будетъ больше появляться настоящихъ индивидуальностей. Постоянное уравниеніе и раздѣленіе труда сдѣлаетъ то, что общество будетъ все, а человѣкъ ничего.

Также какъ дно долинъ поднимается вслѣдствіе оголенія и осыпанія горъ, такъ все среднее поднимется въ ущербъ всякаго величія. Исключеніе сгладится. Плоскость все менѣе и менѣе волнистая безъ контрастовъ, безъ противоположеній, однообразная, — таковъ будетъ видъ человѣческаго общества. Статистикъ отмигитъ возрастающій прогрессъ, а моралистъ постепенный упадокъ. Прогрессъ вещей, упадокъ душъ. Полезное займетъ мѣсто прекраснаго, ремесло—искусства, политическая экономія—религіи и ариметика—поэзіи. Сплинъ сдѣлается болѣзью вѣка равенства.

Неужели такова будетъ рововая судьба демократической эры? Не слишкомъ-ли дорого будетъ куплено всеобщее благосостояніе, если оно куплено будетъ такою цѣною? Неужели процессъ творчества, который сначала стремился къ постоянному выдѣленію и увеличенію безъ конца различій, вернется назадъ, съ тѣмъ, чтобы одно за другимъ уничтожить эти различія? И равенство, которое въ началѣ существованія есть еще инерція, оцѣпченіе, смерть, станетъ въ концѣ концовъ естественной формой жизни? Или, быть можетъ, сверхъ равенства экономическаго и политическаго, къ которому стремится социалистическая и не социалистическая демократія, принимая ее слишкомъ часто за предѣлъ своихъ усилій, установится новое царство духа, церковь, какъ убѣжище, республика душъ, въ которой, сверхъ права и гнусной пользы, красота, самопожертвованіе, святость, героизмъ, энтузіазмъ, необыкновенное и безконечное будутъ имѣть поклоненіе и прибѣжище. Неужели утилитарный матеріализмъ, бесплодное благосостояніе, поклоненіе своей плоти и своему я, поклоненіе временному

и мамонѣ — представляютъ предѣлъ нашихъ усилій и всю награду, обѣщанную намъ за труды человѣческаго рода? Я не думаю этого. Идеаль человечества безъ сравненія выше. Но животное первое заявляетъ требованіе и, потому, прежде чѣмъ вернуться къ духовному благу, должно сначала уничтожить излишнія страданія общественнаго происхожденія.

18 ноября 1851 г. Энергическая, съ вѣрою въ себя утверждающая себя самоё, субъективность, не боящаяся быть чѣмъ либо особеннымъ и опредѣленнымъ, не имѣющая сознанія своей субъективной иллюзіи и не стыдящаяся ея — мнѣ совершенно чужда. Я преимущественно объективенъ въ своей умственной жизни, и моя отличительная спеціальность состоитъ въ томъ, что я могу стать на всевозможныя точки зрѣнія, видѣть всякими глазами, — стало быть не быть запертымъ ни въ какую индивидуальную темницу. Отсюда способность къ теоріямъ и нерѣшительность въ практикѣ; отсюда критическій талантъ и трудность самобытнаго творчества; отсюда тоже продолжительная неопредѣленность убѣжденій и мнѣній до тѣхъ поръ, пока способность моя оставалась истиннымъ; но теперь когда она стала сознательною и владѣетъ собою, она можетъ заключать и въ свою очередь утверждать самоё себя. Такъ что эта способность, производившая прежде безпокойство, даётъ теперь успокоеніе. Она говоритъ: успокоеніе ума только въ абсолютномъ, чувство только въ безконечномъ и душа только въ божественномъ. Все конечное неправдиво, неинтересно и не достойно занимать меня. Все особенное неисключительно, а все, что исключительно, отталкиваетъ меня. Не исключительно только Все; только черезъ общеніе съ Существомъ я нахожу свою цѣль. Только тогда въ свѣтѣ абсолютнаго всякая мысль становится достойной изученія, въ безконечномъ всякая жизнь — достойной уваженія, въ божественномъ всякое существо — достойнымъ любви.

2 декабря 1851 г. Отдѣли въ самомъ себѣ частицу тайны, не распаивай себя всецѣло плугомъ изслѣдованія, но удержи въ сердцѣ своемъ невспаханный уголокъ пару для сѣмянъ, приносимыхъ вѣтромъ, и поберегай тѣнистый уголокъ для пролетающихъ птицъ небесныхъ; имѣй въ душѣ своей мѣсто для нежданнаго гостя и алтарь для невѣдомаго Бога. И если птица запоетъ въ твоей листьѣ, не спѣши подходить къ ней, чтобы приручить ее. И если ты ощутишь въ глубинѣ своего существа зародженіе чего-то новаго — мысли или чувства, не спѣши подносить къ нимъ свѣта или взгляда; защити забвеніемъ рождающійся зародышъ, окружи его миромъ, не сокращай его ночи, дай ему образоваться и вырасти и не разглашай своего счастья. Священное дѣло природы, всякое зародженіе должно быть завѣшано тройнымъ покрываломъ стыдливости, молчанія и тѣни.

Доброта есть основа такта, и уваженіе къ другимъ—первое условіе *avoir vécu*—умѣнья жить.

Кто молчитъ, того забываютъ, кто воздерживается, того ловятъ на словѣ (признавая его безсильнымъ), кто не подвигается—пятится, кто останавливается, того перешли, перегнали, задавили; кто перестаетъ расти, тотъ уже — уменьшается; кто перестаетъ дѣйствовать, тотъ — отрывается отъ власти; состояніе неподвижности есть начало конца, это опасный признакъ и предвѣстникъ смерти. И такъ жить—значитъ безпрестанно торжествовать, утверждать себя противъ разрушенія, болѣзни, уничтоженія и разсѣянія нашего физическаго и нравственнаго существа. Жить, стало быть, значитъ безпрерывно желать или ежедневно возобновлять свою волю.

Не исторія учить совѣсть честности, но совѣсть учить этому исторію. Факты развращаютъ, мы исправляемъ ихъ, не отступая отъ своего идеала. Душа морализируетъ прошедшее съ тѣмъ, чтобы не быть деморализованной имъ. Какъ средневѣковые дѣлатели золота, она находитъ въ сосудѣ испытанія только то золото, которое она вложила въ него.

26 апрѣля 1852 г. In der Beschrenckung zeigt sich erst der Meister,— говоритъ Гёте. Мужественное самоотверженіе есть точно также девизъ мастеровъ жизни: мужественное,— потому что храброе, дѣятельное, рѣшительное, упорное; — самоотверженіе, стало быть, лишеніе, отреченіе, сосредоточеніе, ограниченіе. Самоотверженная энергія это мудрость сыновъ земли. Это единственно возможная душевная ясность въ этой жизни усилій и борьбы; это миръ мученика и общаніе побѣды.

28 апрѣля 1852 г. Весеннее умиленіе, ты вновь вернулось и посѣтило меня послѣ долгаго отсутствія. Сегодня утромъ и поэзія, и пѣніе птицъ, и спокойные лучи, и воздухъ зеленѣющихъ полей — все подступило мнѣ въ сердцу. Теперь все молчитъ. О, молчаніе, какъ ты страшно! Страшно, какъ спокойствіе океана, въ не постижимую бездну котораго погружается нашъ взглядъ; ты показываешь намъ въ насъ самихъ глубины, отъ которыхъ кружится голова, неутолимая потребности, сокровища страданія и сожалѣнія. Приходите же бури! Они по крайней мѣрѣ хоть колеблютъ поверхность этихъ волнъ, прикрывающихъ страшныя тайны. Вѣйте страсти! подымая волны душевныя, онѣ ими скрываютъ бездонную пропасть. Намъ веѣмъ, дѣтямъ грѣха, сынамъ времени—вѣчность внушаетъ невольный ужасъ, а безконечность какой-то таинственный страхъ. Намъ кажется, что мы вступаемъ въ царство смерти. Бѣдное сердце, ты жаждешь жизни, любви, мечты, и ты все-таки право, потому что жизнь священна.

До какой степени иначе представляется жизнь въ тѣ мгновѣнія, когда находишься съ глазу на глазъ съ безконечнымъ! Какъ все, что занимаетъ, поглощаетъ, волнуется и наполняетъ насъ обыкновенно, представляется намъ вдругъ пустымъ, ничтожнымъ и тщетнымъ. Мы представляемся самимъ себѣ маріонетками, которыя, серьезно продѣлывая фантастическія роли, принимаютъ побрякушки за драгоценныя вещи.

Какъ тогда все преобразуется и кажется инымъ. Беркелей и Фихте тогда правы и Эмерсонъ тоже: міръ есть только аллегорія; мысль реальнѣ факта; волшебныя сказки, легенды такъ же истинны, какъ и естественная исторія, даже болѣе, такъ какъ онѣ болѣе прозрачныя символы; собственно говоря единственная сущность — это душа; что же все остальное? тѣнь, предлогъ, образъ, символъ и свидѣніе; одно сознаніе только безсмертно, положительно и совершенно реально; міръ есть фейерверкъ — величественная фантазмагорія, цѣль котораго есть увеселеніе и образованіе души. Сознаніе есть вселенная, солнце котораго есть любовь.

29 апрѣля 1852 г. Сегодня утромъ воздухъ былъ тихъ, небо слегка заволочено. Мнѣ хотѣлось въ саду прослѣдить успѣхи растительности; я пересмотрѣлъ ирисы, сирень, влудбы и бесѣдки. Прелестная неожиданность! На поворотѣ одной изъ аллей, почти скрытый въ чащѣ *chochogus*, со своими маленькими листиками, разцвѣлъ за ночь. Свѣжій и нарядный, какъ свадебный букетъ, этотъ вѣнчанный кустикъ блестялъ передо мной во всей прелести начавшагося разцвѣтанія. Сколько весенней невинности и изящной цѣломудренной красоты было въ этихъ бѣлыхъ вѣничкахъ, подобно мыслямъ, улыбающихся вамъ при пробужденіи, скромно распутившихся надъ этой молодой листвою такой дѣвственной зелени. Мать всѣхъ чудесъ, таинственная и вѣжная природа, отчего мы не живемъ ближе къ тебѣ? Поэтическія праздные юноши Тѳофера, его Карлы, его Юліи, страстные друзья и любовники твоихъ тайныхъ прелестей, эти восхищенные и ослѣпленные наблюдатели, представлялись моему воображенію какъ укоризна и урокъ. Скромный садикъ священника, узкій горизонтъ чердака заключаютъ въ себѣ для того, кто умѣетъ смотрѣть и ждать, болѣе поучительнаго, чѣмъ цѣлая бібліотека, даже чѣмъ бібліотека „моего дяди“! ¹⁾ Да, мы слишкомъ озабочены, слишкомъ загромождены, слишкомъ заняты и слишкомъ дѣятельны! Мы слишкомъ много читаемъ. Надо умѣть сбрасывать черезъ бортъ весь грузъ своихъ хлопотъ, заботъ и педантства. Сдѣлаться молодымъ, простымъ, превратиться въ

¹⁾ Знаменитая книга Тѳофера «Библіотека моего дяди».

ребенка, жить настоящей минутой, быть благодарнымъ, наивнымъ и счастливымъ. Да, надо умѣть быть празднымъ, что не значитъ лѣнивымъ. Во внимательномъ и сосредоточенномъ бездѣйствіи сѣядки нашей души сглаживаются, она расправляется, разворачивается и потихоньку оживаетъ, какъ стоптанная трава у дороги, и какъ поврежденный листъ растенія, восстанавливаетъ свой ущербъ, становится опять новой, самобытно - правдивой, оригинальной. Мечтаніе, какъ ночной дождь, заставляетъ вновь зеленѣть усталыя и поблекшія отъ дневного жара мысли. Нѣжное и плодотворное, оно будитъ въ насъ тысячи заснувшихъ зародышей. Оно шутя накопляетъ матеріалъ для будущаго и образы для таланта. Мечтаніе есть праздникъ мысли, и, кто знаетъ, что важнѣе и плодотворнѣе для человѣка, — напряженная-ли работа недѣли, или оживляющій отдыхъ дня субботняго? Беззаботная праздность такъ умно восхваленная и воспѣтая Тѣлферомъ, не только пріятна, но и полезна. Это — цѣлительная ванна, которая придаетъ силу и гибкость всему существу, какъ душѣ, такъ и тѣлу, это признакъ и праздникъ свободы, это радостный и цѣлительный пиръ, пиръ бабочки, рѣзвящейся и кормящейся въ долинахъ и лугахъ. А душа въ сущности — та же бабочка.

2 мая 1852 г. (Воскресенье). Сегодня утромъ читалъ посланіе св. Іакова, толкованіе этого посланія Селерье, нѣкоторыя мысли Паскаля, послѣ того какъ провелъ все-таки болѣе часа съ дѣтьми въ саду. Я заставлялъ ихъ всматриваться въ цвѣты, кусты, обращалъ ихъ вниманіе на жуковъ, улитокъ, чтобы развивать въ нихъ наблюдательность, чувство восхищенія прекраснымъ и добродушіе. Какъ велико значеніе первыхъ бесѣдъ для ранняго дѣтства! Я это сознавалъ съ благоговѣніемъ. Невинность и дѣтство — священны. Святель, кидаящій сѣмена, отецъ или мать, которые бросаютъ въ душу ребенка плодотворное слово, совершаютъ священное дѣло и должны-бы всегда совершать его религиозно съ благоговѣніемъ и молитвой, ибо они трудятся для Царствія Божія. Всякій посѣвъ есть дѣло таинственное, попадаетъ-ли брошенное сѣмя на земную почву или въ души человѣческія. Всякій человѣкъ подобенъ земледѣльцу; вся задача его, если ее хорошо понять, заключается въ разработкѣ жизни и разсѣваніи ее повсюду; таково призваніе человѣчества и призваніе это — свято. И слово—его главное орудіе. Мы слишкомъ часто забываемъ, что слово въ одно и то же время — и посѣвъ и откровеніе. Послѣдствія слова, сказаннаго во-время, неисчислимы. О, какъ глубоко значеніе слова! но мы тупы, потому что мы тѣлесны. Мы видимъ камни, деревья по сторонамъ дороги, обстановку нашихъ жилищъ, мы видимъ все, что есть вещь и матерія. Но мы не разли-

чаемъ вереницы невидимыхъ мыслей, которыя наполняютъ воздухъ и постоянно бьютъ своимъ крыломъ вокругъ каждаго изъ насъ.

6 мая 1852 г. Подобно горной флорѣ женщины опредѣляютъ съ наиболѣе характерной точностью градацію возвышающихся другъ надъ другомъ слоевъ общества. Ступени цивилизаціи рѣзче всего выражаются въ нихъ. Онѣ менѣе рѣзки въ мужчинахъ. Въ женщинахъ они смѣняются съ правильностью явленій природы. Въ мужчинахъ онѣ проявляютъ неожиданныя особенности свободы. Дѣло въ томъ, что мужчина своей дѣятельностью самъ себя образуетъ, женщину же образуетъ судьба; мужчина своею энергіею измѣняетъ и передѣлываетъ по своему обстоятельства; женщина же подчиняется имъ и отражаетъ ихъ въ своей вротости. Женщина скорѣе — родъ, мужчина — индивидъ.

Такимъ образомъ, странное дѣло, женщины въ одно и то же время являются поломъ наиболѣе однообразнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе различнымъ: наиболѣе однообразнымъ съ точки зрѣнія моральной, наиболѣе различнымъ съ точки зрѣнія социальной. Братство въ первомъ случаѣ и іерархія во второмъ. Всѣ ступени культуры, всѣ условія жизни ясно выражены въ ихъ наружности, обхожденіи и вкусахъ; но ихъ внутреннее братство выступаетъ въ ихъ чувствахъ, инстинктахъ и ихъ желаніяхъ. Женскій полъ одновременно представляетъ естественное равенство и историческое неравенство. Онѣ поддѣрживаютъ единство рода и разграничиваютъ категоріи общества; онѣ приближаетъ и раздѣляетъ, совокупляетъ и разъединяетъ, онѣ порождаетъ касты или разрушаетъ ихъ. Въ сущности назначеніе женщины — удерживать старое, но она удерживаетъ все безъ разбора. Съ одной стороны она удерживаетъ дѣло Вожье, то что есть неизмѣннаго, возвышеннаго, истинно человѣческаго въ человѣкѣ: поэзію, религію, добродѣтель, нѣжность, — съ другой стороны она удерживаетъ дѣло случая, то что есть преходящаго, мѣстнаго, искусственнаго въ обществѣ, т. е. обычаи, слабости, предразсудки и мелочности, она окружаетъ одинаковой почтительной и упорной вѣрой — серьезное и пустое, дурное и хорошее. Что дѣлать! нельзя отдѣлить дыма отъ огня. Это роковой законъ и потому онъ хорошъ. Женщина — консерваторъ, преданіе, точно такъ же, какъ мужчина — прогрессъ. А потому, такъ какъ не можетъ быть семьи и человѣчества безъ этихъ двухъ половъ, безъ этихъ двухъ силъ не можетъ быть и исторіи.

14 мая 1852 г. (Ланси). Вчера я философствовалъ на тему радости, молодости, улыбающейся весны и опьяняющихъ розъ. Я проповѣдывалъ силу, забывая, что если-бы я былъ такъ же огорченъ и испытанъ въ жизни, какъ тѣ два друга, съ которыми я гулялъ, я-бы разсуждалъ и говорилъ, какъ они.

Наши міровоззрѣнія, какъ говорятъ, суть выраженія нашего характера или оправданіе нашего положенія, т. е., что мы охотно принимаемъ за приобрѣтенное то, что намъ дано, что мы думаемъ, что сами создали свою природу и считаемъ свой жребій за завоеваніе. Иллюзія, порожденная нашимъ тщеславіемъ, а также и потребностью свободы. Намъ непріятно признать себя произведеніемъ случайныхъ обстоятельствъ или раскрывшимся внутреннимъ зародышемъ, а между тѣмъ мы получили все, и часть дѣйствительно намъ принадлежащая очень мала, ибо главнымъ образомъ ее составляютъ отрицаніе, противодѣйствіе, ошибки и заблужденія. Мы получаемъ все — и жизнь и счастье, но способъ, какимъ мы это беремъ, вотъ что наше. Будемъ-же брать это довѣрчиво, не краснѣя, безъ боязни. Примемъ отъ Бога и нашу природу, будемъ относиться къ ней съ любовью, твердостью и заботливостью: не примемъ зла и болѣзни, которая въ насъ, но примемъ самихъ себя, не смотря на болѣзни и зло. Не будемъ бояться чистой радости; Богъ благъ, и то, что онъ дѣлаетъ, хорошо сдѣлано. Примемъ съ покорностью все, даже и счастье, будемъ просить себѣ духа самопожертвованія и отрѣшенія отъ всего, а главное духа радости и благодарности, истиннаго религіознаго оптимизма, который видитъ въ Богѣ отца и не требуетъ благодарности за добрыя дѣла свои. Надо дерзать быть счастливымъ и смѣть высказывать это, признавая себя хранителемъ, а не творцомъ своего счастья.

12 августа 1852 г. (Ланси). Всякая сфера жизни стремится къ сферѣ болѣе возвышенной и имѣетъ уже откровенія и предчувствія о ней. Идеаль во вѣхъ своихъ формахъ есть упрежденіе, пророческое видѣніе о жизни высшей, чѣмъ собственная, которой постоянно стремится достигъ всякое существо. Эта жизнь, высшая по своему достоинству, по своей природѣ болѣе внутренна, т. е. болѣе духовна. Какъ вулканы приносятъ намъ тайны нѣдръ земного шара, такъ энтузіазмъ, экстазъ суть переходящіе взрывы этого внутренняго міра души. И человѣческая жизнь не что иное, какъ приготовленіе къ наступленію этой духовной жизни. Ступени посвященія въ нее неисчислимы. Итакъ, бодрствуй, ученикъ жизни, кризолида ангела, работай надъ твоимъ будущимъ развѣтомъ, потому что божественная Одиссея есть не больше, какъ рядъ превращеній все болѣе и болѣе одухотворенныхъ, гдѣ всякая форма есть результатъ предъидущихъ и вѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе тѣхъ, которые за ней слѣдуютъ. Божественная жизнь есть рядъ послѣдовательныхъ смертей, въ которыхъ духъ отбрасываетъ свои несовершенства и свои символы и уступаетъ возрастающему притяженію невыразимаго центра тяжести солнца, разума и любви.

27 сентября 1852 г. (Ланси). Сегодня мнѣ исполнилось 31 годъ. Самая прекрасная поэма — это жизнь, жизнь, которую въ одно и то-же время читаешь и сочиняешь, въ которой увлеченіе и совѣсть соединяются и помогаютъ другъ другу, жизнь, которая признаетъ себя микрокосмомъ и передъ Богомъ представляетъ въ маломъ видѣ всемірную божественную поэму. Да, будь человѣкомъ, т. е. будь природой, будь духомъ, будь образомъ Бога, будь тѣмъ, что только есть самаго великаго, самаго прекраснаго и самаго возвышеннаго во всѣхъ сферахъ существованія, будь мыслью, безконечной волей и воспроизведеніемъ великаго цѣлаго. И будь все, не будучи ничѣмъ, обезличиваясь, давай Богу войти въ тебя, какъ воздухъ входитъ въ пустое пространство, признавая свое эгоистическое *я* только за сосудъ, содержащій божественную сущность. Будь кротокъ, сосредоточенъ и молчаливъ, чтобы слышать тихій и глубокой голосъ внутри тебя самаго. Будь духовенъ и чистъ, чтобы войти въ общеніе съ чистымъ разумомъ. Входи часто въ святилище твоей совѣсти, входи въ точку атома, чтобы освободиться отъ пространства, времени, матеріи, соблазна, разбѣянія, чтобы уйти отъ твоихъ органовъ, отъ твоей собственной жизни, т. е. умирай часто и вопрошай себя передъ лицомъ этой смерти, для приготовленія къ послѣдней и настоящей. Тотъ, кто можетъ безъ содрганія вообразить себя слѣпымъ, глухимъ, парализованъ, кого не ужасаетъ болѣзнь, предательство, нищета, тотъ, кто безъ трепета можетъ предстать передъ лицомъ высшей справедливости, тотъ только можетъ считать себя приготовленнымъ къ смерти, временной или совершенной. О, какъ далеко я отъ этого, какъ далеко мое сердце отъ такого стоицизма! Но по крайней мѣрѣ отрѣшиться отъ всего того, что можетъ быть отнято, принимать все какъ ссуду, какъ даръ и дорожить только неглѣннымъ, вотъ что надо испытать. Вѣрить въ Бога добраго, отеческаго и воспитывающаго, умѣряющаго вѣтеръ для остриженной овцы, наказывающаго только по необходимости и отнимающаго только съ сожалѣніемъ: это убѣжденіе даетъ смѣлость и сознаніе безопасности. О! какъ мы нуждаемся въ любви, нѣжности, привязанности, добротѣ и какъ мы уязвимы, мы, сыны Бога, мы бессмертные и владыки, сильные какъ міръ или слабые какъ червяки, смотря потому, изображаемъ-ли мы Бога или самихъ себя, опираемся-ли мы на Существо или мы одни.

Только мировоззрѣніе религіозное, религіи дѣятельной, нравственной, духовной и глубокой, одно только придаетъ жизни все ея достоинство и энергію. Оно дѣлаетъ неуязвимымъ и непобѣдимымъ. Землю можно побѣдить только именемъ неба. Всѣ блага даются кромѣ того тому, кто ищетъ только мудрости. Только тогда бываешь сильнѣе всего, когда вполне безкорыстенъ, и міръ у ногъ того, кого онъ не

можетъ обольстить. Почему? потому что духъ властвуетъ надъ матеріей и міръ принадлежитъ Богу. „Мужайтесь, — сказалъ небесный голосъ, — я побѣдилъ міръ!“

Боже, дай силы слабымъ, желающимъ добраго.

6 ноября 1852 г. Я способенъ на всѣ страсти, потому что, онѣ всѣ во мнѣ; какъ усмиритель дивихъ звѣрей, я держу ихъ въ клѣткахъ и на-привязи, но слышу иногда ихъ рычанія. Я задушилъ въ себѣ не одну зарождающуюся любовь. Почему? Потому что вѣрнымъ пророческимъ чутьемъ нравственнаго сознанія я чувствовалъ, что она не живуча и менѣе продолжительна, чѣмъ моя жизнь. Я задушилъ ее въ пользу будущей, окончательной привязанности. Любовь чувственная, воображаемая и сентиментальная, — я видѣлъ тщету ея и отбросилъ, я хотѣлъ любви настоящей и глубокой. И я теперь вѣрю въ нее. Я не хочу этихъ страстей, которыя вспыхиваютъ, какъ солома, ослѣвляють, сжигаютъ и изсушаютъ; я призываю, надѣюсь и жду великой, святой, важной и серьезной любви, которая живетъ всѣми фибрами, всѣми силами души. И если мнѣ суждено остаться одинокимъ, я предпочитаю унести съ собою свою надежду и мечту, чѣмъ связать неравнымъ бракомъ свою душу (*mésailler mon âme*).

8 ноября 1852 г. Отвѣтственность передъ собою — это мой главный, невидимый кошмаръ. Страдать по своей винѣ, — это страданія проклятыхъ, потому что смѣшная сторона этого увеличиваетъ страданія. Нѣтъ ничего хуже, какъ стыдиться передъ самимъ собою. У меня бываетъ сила и энергія только противъ золь, приходящихъ извнѣ, но непоправимое зло, сдѣланное мною самимъ, отказъ отъ своей воли на всю жизнь, отъ своего спокойствія, свободы, — одна мысль эта приводитъ меня въ бѣшенство. Я долженъ платить за свое преимущество. Преимущество-же мое въ томъ, что я присутствую при драмѣ своей жизни, сознаю траги-комедію моей судьбы, мало того, знаю секретъ этого траги-комизма, состоящаго въ томъ, что я не могу принимать серьезно моихъ иллюзій, что я смотрю на себя изъ залы на сцену, съ того свѣта на эту жизнь, и долженъ притворяться, что интересуюсь своей индивидуальной ролью, тогда какъ я пользуюсь довѣренностью сочинителя, не считающаго важными всѣ эти обстоятельства, и знающаго то, чего не знаютъ зрители. Это странное положеніе, которое становится жестокимъ, когда страданіе заставляетъ меня возвратиться къ моей маленькой роли, съ которой оно меня связываетъ, предупреждая меня о томъ, что я слишкомъ эманципируюсь послѣ моихъ разговоровъ съ поэтомъ, предполагая, что я могу освободиться отъ роли слуги въ комедіи. Шекспиръ долженъ былъ испытать это чувство и Гамлетъ, мнѣ кажется, гдѣ-то и вы-

ражаетъ его. Это двойничество, Doppelgänger, — совершенно нѣмецкое, которое вполнѣ объясняетъ столь обычное отвращеніе отъ общественной жизни нѣмецкихъ мыслителей. Есть какал то деградация, гностическое паденіе въ томъ, чтобы, сложивъ свои крылья, вернуться въ грубую скорлупу простого смертнаго. Безъ страданія, которое составляетъ ту бичевку, на которой держится этотъ смѣлый летучій змѣй, человѣкъ поднялся-бы слишкомъ скоро и слишкомъ высоко, и избранные люди были-бы потеряны для своего рода, какъ балоны, которые безъ тяготѣнія не вернулись-бы изъ небесныхъ пространствъ.

Какъ-же увеличить въ себѣ смѣлость для дѣятельности?

Допуская въ себѣ безсознательность, непосредственность, инстинкты, которые возвращаютъ къ землѣ и указываютъ на добро относительное и полезное.

Практически вѣруя въ провидѣніе, которое прощаетъ и позволяетъ исправить испорченное, болѣе наивно и просто принимая условія человѣческой жизни, менѣе боясь труда, менѣе разсчитывая и болѣе надѣясь, т. е. уменьшая отвѣтственность предвидѣніемъ и уменьшеніемъ отвѣтственности уменьшая робость, приобретаая болѣе опытности потерями и уроками.

Ошибка тѣмъ опаснѣе, чѣмъ болѣе она заключаетъ правды... Для того, чтобы рѣшить что вѣрно, пересмотри разъ и другой, для того, чтобы узнать, что красиво — взгляни только одинъ разъ.

Всякій понимаетъ только то, что находить въ себѣ.

6 января 1853 г. Религія ребенка зависитъ отъ образа дѣйствій, а не отъ образа выраженій его родителей. Внутренній и безсознательный идеалъ, направляющій ихъ жизни, есть именно то, что доходить до ребенка; слова-же ихъ, выговоры, наказанія, вспышки даже, для него не что иное, какъ комедія, громъ; вѣру-же ихъ онъ предчувствуетъ и чувствуетъ инстинктомъ. Ребенковъ видитъ, каковы мы, съвозъ то, чѣмъ мы хотимъ казаться; отъ этого то его репутація фізіономиста. Онъ распространяетъ свою власть надъ каждымъ изъ насъ, на сколько можетъ. Это тонкій дипломатъ. Онъ безсознательно подвергается вліянію каждаго и отражаетъ его, преображая посредствомъ своей собственной природы; это увеличивающее зеркало. Вотъ почему первый принципъ воспитанія слѣдующій: воспитывай самъ себя; и первое правило, которому надо слѣдовать для того, чтобы владѣть волей ребенка: овладѣй своей.

20 марта 1853 г. Сонъ есть просѣваніе своихъ волненій, сбрасываніе своей тины, успокоеніе своей души, вылечиваніе своей лихорадки, возвращеніе себя въ нѣдра материнской природы и тамъ преображеніе себя въ лучшаго и болѣе сильнаго. Сонъ есть нѣкотораго рода невинность и очищеніе. Благословенъ тотъ, кто далъ сынамъ человѣческимъ этого вѣрнаго и твердаго спутника жизни, этого ежедневнаго возстановителя и утѣшителя.

27 октября 1853 г. Благодарю тебя, Господи, за часъ, который я только что провелъ въ твоёмъ присутствіи. Я узналъ твою волю, я оцѣнилъ свои ошибки, счелъ свои слабости и почувствовалъ твою доброту ко мнѣ. Я наслаждался своимъ ничтожествомъ. Ты далъ мнѣ миръ твой. Въ горечи сладость, въ горѣ радость, въ сокрушеніи сила, въ Богѣ казнящемъ—Богъ любящій. Потерять жизнь, чтобы пріобрѣсти ее, отдавать, чтобы получить ее, ничего не имѣть, чтобы все покорить, отречься отъ своего „я“, чтобы Богъ отдался намъ—какая невозможная задача и какая дивная дѣйствительность! Безъ страданія не узнаешь истиннаго счастья и выкупленный счастливымъ избраннаго.

(Въ тотъ-же день). Торжество страданій, превращеніе зла въ добро — есть преимущественно божественное чудо. Вернуть посредствомъ любви свободное существо къ Богу и грѣшный міръ къ добру: это довершеніе творческаго дѣла, это вѣчная воля безконечнаго милосердія. Всякая, обращающаяся отъ зла къ добру, душа, есть символъ исторіи міра. Быть счастливымъ, имѣть жизнь вѣчную, быть въ Богѣ, быть спасеннымъ — все это одно и то-же: это рѣшеніе задачи, дѣлъ существованія. И блаженство растетъ, какъ можетъ расти и горе. Неизмѣнно мирный и вѣчный ростъ, все болѣе глубокое вникновеніе, все болѣе сильное и духовное овладѣваніе небесной радостью — вотъ въ чемъ счастье. Счастью нѣтъ границъ, потому что въ Богѣ нѣтъ ни дна, ни береговъ, а счастье есть овладѣваніе Богомъ черезъ любовь.

Центръ жизни ни въ мысли, ни въ чувствѣ, ни въ волѣ, ни даже въ сознаніи, на сколько оно мыслить, чувствуетъ и хочетъ, потому что нравственная истина можетъ быть усвоена всеми этими средствами и все-таки ускользнуть отъ насъ. Глубже нашего сознанія находится наше существо: наша сущность, наша природа. Только тѣ истины, которыя входятъ въ эту область, сдѣлавшись нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и безсознательно, только тѣ составляютъ дѣйствительную нашу жизнь, т. е. болѣе чѣмъ нашу собственность. Пока мы различаемъ какое-либо пространство между истиной и нами, мы внѣ ея. Мысль, чувство, желаніе, сознаніе жизни — все это еще не есть жизнь. Въ сущности мы можемъ найти миръ и спокойствіе

только въ жизни и въ жизни вѣчной. Жизнь-же вѣчная—это жизнь божественная—это Богъ. Быть божественнымъ существомъ—вотъ въ чемъ стало быть цѣль жизни: только тогда истина не можетъ быть нами утрачена, потому что она уже болѣе не внѣ насъ, ни даже въ насъ, но мы сами составляемъ истину, а истина насъ; мы тогда истина, воля и дѣло Божье. Свобода дѣлается тогда нашей природой, твореніе составляетъ одно съ творцомъ, соединяется съ нимъ любовью, дѣлается тѣмъ, чѣмъ оно должно быть. Его воспитаніе окончено и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходитъ и появляется свѣтъ вѣчнаго блаженства.

Наши плотскія сердца могутъ назвать это мистицизмомъ, но это мистицизмъ Христа. „Я и Отецъ одно. Я въ Отцѣ моемъ и вы во мнѣ и я въ васъ“.

17 декабря 1854 г. Когда мы не дѣлаемъ ничего особеннаго, тогда только мы живемъ всѣмъ существомъ нашимъ. И мы перестаемъ расти только для того, чтобы овладѣвать собою и овладѣвать. Воля перестаетъ дѣйствовать, но природа и время дѣйствуютъ постоянно, и несмотря на то, что жизнь наша уже не есть наше дѣло, дѣло жизни все-таки продолжается. Съ нами, безъ насъ или вопреки намъ, наше существованіе проходитъ всѣ свои видоизмѣненія; наша невидимая Психел тклетъ шелкъ своей кризолиды, наша судьба совершается, и каждый часъ нашей жизни приближаетъ насъ къ тому разцвѣту, который мы называемъ смертью. Итакъ эта дѣятельность неизбѣжна; сонъ и праздность не останавливаютъ ее, но она можетъ сдѣлаться свободной и нравственной, можетъ стать радостью, вмѣсто ужаса.

Ничто такъ не характеризуетъ человѣка, какъ его обращеніе съ дураками.

Намъ очень трудно не соглашаться съ нашимъ самолюбіемъ и не находить пріятными тѣхъ, кто насъ одобряетъ.

Будемъ правдивы, въ этомъ тайна краснорѣчія и добродѣтели, въ этомъ нравственное вліяніе, въ этомъ высшее правило искусства и жизни.

16 апрѣля 1855 г. О, какая сладостная вещь—хоть немного самаго простого, наивнаго счастья! Даже теперь духовая музыка, остановившаяся на улицѣ, заставляетъ вздрагивать мое сердце, какъ въ 18 лѣтъ. Благодарю тебя, Боже мой! Уже нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ я считалъ себя старикомъ. Приходите-же поэзія, природа, молодость, любовь, перемѣните жизнь вашими волшебными руками, начните вновь во мнѣ ваши бессмертные хороводы, пойте свои пѣсни

сирень, дайте мнѣ пить изъ чаши безсмертія, верните меня на Олимпъ моей души. Или нѣтъ, лучше безъ лъщества! Богъ радости и печали, дѣлай изъ меня, что хочешь; хороша и печаль, хорошо и веселье. Ты ведешь меня черезъ веселье. Я принимаю ее отъ тебя и благодарю за нее.

27 іюля 1855 г. Съ точки зрѣнія счастья вопросъ жизни неразрѣшимъ, такъ какъ самыя высокія наши стремленія мѣшаютъ намъ быть счастливыми. Съ точки зрѣнія долга то-же затрудненіе, такъ какъ исполненный долгъ даетъ миръ, а не счастье. Только божественная святая любовь и обладаніе Богомъ вѣроу уничтожаетъ это затрудненіе, потому что если жертва стала радостью постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обезпечена достаточнымъ хотя и неопредѣленнымъ питаніемъ.

21 января 1856 г. Вчерашній день для меня такъ-же далекъ, какъ прошлый годъ; все прошлое представляется моей памяти стоящимъ на одномъ планѣ, какъ звѣздное небо моему глазу. Я также не могу найти въ моей памяти ни одного дня изъ прошлаго, какъ не могъ-бы найти стакана воды, вылитаго въ озеро; они не пропали, но распустились, индивидуальное вошло въ общее; раздѣленія времени суть категоріи, не могущія формировать моей жизни, такъ-же, какъ и отдѣленія, намѣченныя тростью—палкой на поверхности воды, не оставляютъ на ней продолжительнаго отпечатка. Я — теченіе и надо примириться съ этимъ.

22 октября 1856 г. Жизнь есть обученіе прогрессивному отреченію, постоянному уменьшенію нашихъ требованій, нашихъ надеждъ, нашихъ силъ, нашей свободы. Кругъ все болѣе и болѣе суживается: хотѣлъ все узнать, все видѣть, всего достигнуть, все завоевать, и во всѣхъ направленіяхъ приходишь къ своему предѣлу. Non plus ultra. Богатство, слава, любовь, власть, здоровье, счастье, долголѣтіе, всѣ блага, которыми пользовались другіе люди, представляются сначала обѣщанными и достижимыми, а потомъ надо дунуть на эту мечту, уменьшать постепенно свою личность, сдѣлать себя маленькимъ, смиреннымъ, чувствовать себя ограниченнымъ, слабымъ, зависимымъ, незнающимъ, хилымъ, бѣднымъ, всего лишеннымъ, и положить во всемъ на Бога, потому что не имѣлъ ни на что права, и потому что дурень. Въ этомъ-то ничтожествѣ и находишь еще жизнь, потому что искра Божія въ глубинѣ его. Смирнешься и въ довѣрчивой любви вновь завоевываешь истинное величіе.

27 октября 1856 г. Въ важныхъ вопросахъ жизни мы всегда одни, и наша настоящая исторія почти никогда не можетъ быть по-

нята другими. Лучшая часть этой драмы есть монологъ или скорѣе задушевное разсужденіе между Богомъ, нашей совѣстью и нами. Слезы, горести, уныніе, обманы, оскорбленія, хорошія и дурныя мысли, рѣшенія, нерѣшительности, взвѣшиванія, все это—наши тайны; почти все это не сообщаемо и не передаваемо другимъ, даже когда мы и хотимъ высказать это, даже когда пишемъ объ этомъ. Самое драгоценное въ насъ никогда не показывается, оно не находитъ себѣ выхода даже въ дружбѣ, достигаетъ даже нашего сознанія только отчасти, проявляется вполнѣ только въ молитвѣ и, вѣроятно, можетъ быть понято только Богомъ, потому что наше прошедшее уходитъ отъ насъ. Наша монада можетъ подвергаться вліянію другихъ, но она все-же остается въ своемъ центрѣ также непроницаема для нихъ, и въ концѣ концовъ мы сами-же остаемся вѣдъ нашей собственной тайны. Центръ нашего сознанія безсознателенъ, такъ-же какъ ядро солнца темно. Все, что мы есмь, все, чего мы хотимъ, дѣлаемъ, знаемъ— все болѣе или менѣе поверхностно, и тѣмъ не постижимой сущности находится ниже лучей нашей периферіи.

Но темное существуетъ только для того, чтобы перестать быть имъ, оно есть необходимое условіе всякой побѣды и всякаго прогресса. Называйся оно предопредѣленіемъ, смертью, ночью или матеріей, — оно все-таки предесталь жизни, свѣта, свободы, духа, потому что оно сопротивленіе, т. е. точка опоры дѣятельности, условія ея развитія и торжества.

17 декабря 1856 г. Какъ часто мы лицемеримъ, когда остаемся наружно и для другихъ самими собой, сознаемъ въ себѣ и для себя внутреннюю переменну. Это не есть лицемеріе въ прямомъ смыслѣ слова, потому что мы не представляемъ другое лицо, а самихъ себя, но это все-таки нѣчто вродѣ лжи. Эта ложь унижаетъ, и униженіе это есть наказаніе, въ родѣ того, которое накладываетъ маска на лицо, это есть наказаніе, которое наше настоящее несетъ за прошедшее, и это униженіе полезно, потому что оно производитъ стыдъ, а стыдъ порождаетъ раскаяніе. И такимъ образомъ въ правдивой душѣ зло превращается въ добро, и паденіе приводитъ къ возрожденію.

Долгъ состоитъ въ томъ, чтобы быть полезнымъ не такъ, какъ намъ хочется, но такъ, какъ возможно.

Стремленіе къ личному благу есть только продолженіе въ насъ животности; человѣчность-же начинается въ человѣкѣ только съ отреченіемъ отъ него.

Кто хочет вполне ясно все рассмотреть передъ тѣмъ, какъ рѣшиться, никогда не рѣшается. Кто боится раскаянія, боится жизни.

Судить — значитъ видѣть правду, это значитъ заботиться о справедливомъ, и слѣдовательно быть безпристрастнымъ, болѣе того — быть безкорыстнымъ, болѣе этого быть безличнымъ.

Легко сдѣлать то, что трудно другимъ — въ этомъ талантъ; сдѣлать то, что невозможно таланту — въ этомъ гений.

Обучая, мы учимся, рассказывая наблюдаемъ, утверждая слѣдуемъ, показывая видимъ, и, когда пишемъ, думаемъ. Качая воду, мы притягиваемъ ее въ свой колодезь.

28 мая 1857 г. Мы останавливаемся въ Женевѣ, чтобъ слышать „Тангейзера“ Рихарда Вагнера, исполненнаго въ театрѣ нѣмецкой дѣйствующей труппой. Вагнеръ могущественный умъ и владѣетъ чувствомъ высокой поэзіи. Его произведеніе даже больше поэтично, чѣмъ музыкально. Уничтоженіе лирическаго элемента, слѣдовательно и мелодіи, у него систематично и умышленно. Нѣтъ болѣе ни дуэтовъ и тріо; монологъ и аріи также исчезли. Остается декламация, речитативъ и хоры. Чтобы избѣгнуть условности въ пѣніи, Вагнеръ впалъ въ другую условность, въ ту, чтобы не пѣть. Онъ подчиняетъ голосъ отдѣльно произносимымъ словамъ, и изъ страха, чтобы муза не улетѣла, онъ отсѣкаетъ ей крылья. Поэтому его произведенія спорѣе симфоническія драмы, чѣмъ опера. Голосъ низведенъ на степень инструмента, поставленъ на уровень со скрипкой, цимбалами и гобоями, и съ нимъ обходятся какъ съ инструментомъ. Человѣкъ низведенъ съ своего высшаго положенія и центръ тяжести произведенія переходитъ въ палочку дирижера. Это музыка обезличенная, музыка новогегеліанская, музыка — толпы, вмѣсто музыки — личности.

Въ этомъ случаѣ она дѣйствительно музыка будущаго, музыка социальной демократіи, замѣняющая аристократическое, героическое и субъективное искусство. Увертюра мнѣ еще менѣе понравилась, чѣмъ въ первый разъ; она соответствуетъ до-человѣческой природѣ; все въ ней громадно, дико, первобытно, какъ шумъ лѣсовъ и ревъ животныхъ. Это чудовищно и темно, потому что человѣкъ, т. е. духъ, включъ въ загадѣ, личность, созерцатель отсутствуютъ. Замыселъ пьесы широкъ: это борьба сладострастія съ чистой любовью, словомъ, — плоти съ духомъ, животнаго съ ангеломъ въ человѣкѣ. Музыка все время выразительна, хоры прекрасны, оркестровка умѣлая, ensemble утомителенъ и преувеличенъ, слишкомъ полный, слишкомъ тяжелый; въ ней недостаетъ въ концѣ концовъ веселости, легкости,

естественности и живости, т. е. крыльевъ и улыбки. Въ поэтическомъ смыслѣ чувствуешь себя охваченнымъ ею, но музыкальное наслажденіе нерѣшительно, часто сомнительно и ничего не помнишь кромѣ впечатлѣнія.

Музыка Вагнера представляетъ отреченіе отъ себя и освобожденіе всѣхъ побѣжденныхъ силъ. Это возвращеніе къ спинозизму, торжество предопредѣленія. Эта музыка имѣетъ свое начало въ двухъ направленіяхъ нашего времени—матеріализма и социализма, двухъ направленіяхъ, ложно понимающихъ истинное назначеніе человѣческой личности и потому жертвующихъ ею для цѣльности природы или общества.

18 іюня 1857 г. Я только что окончилъ чтеніе Бирана. Нѣтъ ничего меланхоличнѣе и утомительнѣе этого дневника Майнъде-Биранъ. Это неизмѣнное однообразіе разсужденій, повторяющихся безъ конца, раздражаетъ и приводитъ въ уныніе. Такъ вотъ она жизнь знаменитаго человѣка, въ самыхъ интимныхъ ея подробностяхъ. Это длинное повтореніе, съ незамѣтнымъ перемѣщеніемъ центра въ его взглядѣ на самого себя. Этому мыслителю нужно тридцать лѣтъ, чтобы двинуться съ эпикурейскаго спокойствія къ квіетизму Фенелона, и то только отвлеченно, такъ какъ практическая жизнь остается все та же, и все его антропологическое открытіе состоитъ въ повтореніи теорій трехъ жизней (низшей, человѣческой и высшей), которыя есть уже у Паскаля и даже у Аристотеля. И это во Франціи называется философомъ! На ряду съ великими философами, какой слабой представляется эта умственная жизнь! Это путешествіе муравья, совершающееся въ предѣлахъ поля, крота, тратящаго свои дни на устройство своей норы. Какимъ душнымъ показался бы тотъ кругъ, которымъ ограничиваются кротъ и муравей, ласточкѣ, перелетающей черезъ старый свѣтъ и сфера жизни которой заключаетъ въ себѣ Африку и Европу.

Я испытываю съ книгой Бирана что-то вродѣ асфиксіи и то же, какъ и всегда, омертвѣніе по сочувствію и внушеніе по симпатіи. Я чувствую къ нему состраданіе и я боюсь своей жалости, потому что я чувствую, какъ я самъ близокъ къ тѣмъ-же страданіямъ и къ тѣмъ же ошибкамъ.

26 іюля 1857 г. (Вандеврз). Въ десять часовъ вечера, подъ звѣзднымъ небомъ, толпа деревенскихъ жителей, ставши подъ огнями гостиниой, орала безобразныя шансонетки. Почему это ухорское карканіе умышленно фальшивыхъ нотъ и насмѣшливыхъ словъ—веселость этихъ людей? Зачѣмъ это безстыдное хвастовство безобразіемъ? Почему эта отвратительная гримаса антипозіи есть ихъ способъ развернуться и раздвѣсть въ этой величественной, безмолвной и тихой ночи? Почему? По тайному и печальному инстинкту. По потребности чувствовать

себя обособленной личностью, по потребности самоутверждения исключительнаго, эгоистическаго, идолопоклонническаго обладанія самимъ собой, противопоставляя свое *Я* всему остальному, грубо противопоставляя его природѣ, насъ окружающей, поэзи, восхищающей насъ, гармоніи, соединяющей насъ съ другими, и обожанію, влекущему насъ къ Богу. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ; одинъ *Я* и довольно; *Я* въ отрицаніи, въ безобразіи, въ кривляніи и насмѣшкѣ; *Я* въ своемъ самодурствѣ, въ своей независимости и въ своемъ безответственномъ самовластіи; освобожденный смѣхомъ, вольный какъ демонъ, ликующій отъ своеволія, *Я*—хозяинъ самого себя, непобѣдимая монада, существо, довольствующееся собой, живущее наконецъ хоть разъ само собой и для себя самого. Вотъ что въ основаніи этой радости; это эхо сатаны, искушеніе сдѣлаться центромъ всего. Но это также мгновенное сознаніе абсолютной стороны личной души, это грубое возвеличеніе субъекта, злоупотребляющаго своимъ правомъ субъективности, это карикатура нашего драгоценнѣйшаго преимущества, пародія нашего апофеоза и оюзореніе нашего высшаго величія. Ревите же, цыяницы! Вашъ отвратительный концертъ, въ своемъ отталкивающемъ безобразіи, все-таки свидѣтельствуетъ, не зная того, о величіи и высочайшемъ могуществѣ души.

24 сентября 1857 г. Вчера я размышлялъ объ Атала и о Рене—и Шатобрианъ мнѣ сталъ понятенъ. Великій художникъ, но не великій человекъ, огромный талантъ, но еще болѣе огромная гордость; пожираемый честолюбіемъ, но нашедшій въ мірѣ достойной любви и обожанія только свою личность; неутомимый въ трудѣ, способный ко всему, кромѣ дѣйствительнаго самопожертвованія, самоотреченія и вѣры. Завистливый ко всякому успѣху, онъ всегда былъ въ оппозиціи, для того, чтобы имѣть право отрицать всякую заслугу и всякую славу, кромѣ своей.

Легитимистъ во время имперіи, парламентаристъ во время легитимизма, республиканецъ во время конституціонной монархіи, защитникъ христіанства во Франціи во время философовъ, отвернувшійся отъ религіи, какъ только она снова стала серьезной силой, — тайна этихъ безграничныхъ противорѣчій заключается въ потребности быть единымъ какъ солнце, въ неутолимой жаждѣ торжества, неизлечимомъ и ненасытномъ тщеславіи, которое присоединяетъ къ жестокости тираніи высшее отвращеніе къ какому-либо раздѣленію славы. Великолѣпное воображеніе и отвратительный характеръ, неоспоримая сила, но антипатичный эгоизмъ, сухое сердце, могущее терпѣть около себя только обожателей и рабовъ. И все-таки измученная душа и печальная жизнь, несмотря на его ореолъ славы и лавровые вѣнки.

Особенно завистливый и раздражительный Шатобрианъ съ самаго

начала воодушевляется задоромъ, потребностью противорѣчить, уничтожить и побѣдить, и это остается постояннымъ и особеннымъ мотивомъ его дѣятельности. Руссо представляется мнѣ его исходной точкой, чело-вѣкомъ, у котораго, по противоположности и сопротивленію, онъ будетъ черпать всё свои возраженія и нападки. Руссо революціонеръ; Шато-бріанъ напишетъ свой „Опытъ о революціяхъ“. Руссо республиканецъ и протестантъ. Шатобріанъ сдѣлается роялистомъ и католикомъ; Руссо буржуа; Шатобріанъ будетъ прославлять только дворянство, честь, рыцарство и героевъ; Руссо завоевалъ для французской ли-тературы природу, въ особенности природу горъ, озеръ Савои и Швейцарію, онъ отстаивалъ ее передъ цивилизаціей; Шатобріанъ во-оружится новой колоссальной природой океана и Америки, но заста-вить своихъ дикарей говорить языкомъ Людовика XIV, заставить Атала преклоняться передъ католическимъ миссіонеромъ и освятить мессой страсти, зародившіяся на берегахъ Миссисипи. Руссо создалъ апологію мечтательности, Шатобріанъ воздвигнетъ ей памятникъ, чтобы разбить его въ Рене. Руссо краснорѣчиво проповѣдуетъ деизмъ въ „савойскомъ священникѣ“, Шатобріанъ обовѣтъ гирляндами своей по-эзіи римскій символъ въ *Геніи христіанства*. Руссо требуетъ восстановленія естественнаго права и проповѣдуетъ будущность наро-довъ, Шатобріанъ будетъ воспѣвать прелести прошедшаго, пепель исторіи и благородныя развалины имперіи. Постоянная рисовка, лов-кость, предвзятость, потребность извѣстности, задача воображенія, вѣра по заказу, рѣдко искренность, честность, правдивость. Всегда дѣйствительное равнодушіе, принимающее личину страсти въ истинѣ; всегда исканіе славы вмѣсто преданности добру; всегда тщеславный художникъ, а не гражданинъ, не вѣрующій, не чело-вѣкъ—Шатобріанъ всю свою жизнь игралъ роль соекучившагося колосса, улыбающагося изъ жалости передъ карликомъ міромъ и притворяющагося въ томъ, что онъ изъ презрѣнія ничего не хочетъ брать отъ него, тогда какъ онъ могъ бы взять отъ него все своимъ геніемъ.

Мы никогда не бываемъ болѣе недовольны другими, какъ когда мы недовольны собой. Сознаніе вины дѣлаетъ насъ нетерпимыми, а наше лукавое сердце старается раздражиться тѣмъ, что внѣ его, для того, чтобы заглушить то, что внутри его.

Способность умственныхъ превращеній есть первая способность, критика. Безъ нея онъ неспособенъ понять другіе умы, вслѣдствіе этого онъ долженъ молчать, если онъ правдивъ. Добросовѣстному критику предстоитъ критика самого себя: о томъ, чего не понимаешь, не имѣешь права судить.

14 іюня 1856 г. Безъ обладанія вѣчною, безъ религіознаго взгляда на жизнь, эти бѣглыя мгновенія суть только поводы къ ужасу.

Счастье должно быть молитва и несчастье также. Вѣра въ нравственный порядокъ, въ отеческое покровительство божества возникла передо мной во всей своей серьезной прелести.

Мысли, люби, дѣйствуй и страдай въ Богѣ — въ этомъ великая наука.

14 іюля 1858 г. Мечталъ одинъ, сидя у окна, послѣ десяти часовъ вечера, когда звѣзды зажигались между облаками, а огни сосѣдей одинъ за другимъ потухали въ окрестныхъ домахъ. Мечталъ о чемъ? о смыслѣ этой траги-комедіи, которую мы всѣ играемъ тутъ. Увы, увы! Я былъ такъ-же грустенъ, какъ Екклезіастъ. Сто лѣтъ представлялись мнѣ сномъ, жизнь — однимъ дыханіемъ и все — ничтожествомъ. Сколько нравственныхъ мученій, — и все это, чтобы умереть черезъ нѣсколько минутъ. Чѣмъ интересоваться и зачѣмъ?

Время ничто для души; дитя, твоя жизнь полна и сей день стоитъ сотни лѣтъ, если ты въ теченіи этого дня найдешь Бога.

Обязанность, которую ты предчувствуешь, связываетъ тебя съ того самаго момента, какъ ты угадалъ ее.

14 іюля 1859 г. Я только что перечелъ Фауста. Увы! Каждый годъ я бываю вновь охваченъ этой безпокойной жизнью и этой темной личностью. Это именно та тоска, къ которой меня влечетъ, и я встрѣчаю въ этой поэмѣ все больше и больше словъ, поражающихъ меня прямо въ сердце. Безсмертный, злоторный, проклятый типъ. Призракъ моей совѣсти, привидѣніе моего мученія, изображеніе непрерывной борьбы, которая не нашла своей пищи, своего мира, своей вѣры, — не есть-ли ты примѣръ жизни, пожирающей себя, потому, что не встрѣтила своего Бога и которая въ своемъ блужданіи черезъ міры несетъ съ собою, какъ комета, неугасимый пожаръ желанія и казнь неизлечимаго разочарованія? И я тоже приведенъ къ небытію и чувствую себя охваченнымъ тоской по неизвѣстному, измученнымъ жаждой безконечнаго, уничтоженнымъ передъ невыразимымъ, а содрогаюсь на краю великой пустоты своего внутреннего существа. Я тоже иногда ощущаю эти глухія бѣшенства жизни, эти отчаянные порывы къ счастью, но чаще всего полное изнеможеніе и молчаливую безнадѣжность. А отчего это? отъ сомнѣнія въ мысли, въ самомъ себѣ, въ людяхъ и въ жизни, отъ сомнѣнія, которое, расслабляетъ волю, лишаетъ возможности исполненія, которое заставляетъ забывать Бога, пренебрегать молитвой, обязанностями, отъ тревожнаго, развѣдающаго сомнѣнія, которое дѣлаетъ существованіе невозможнымъ и насмѣхается надъ всякой надеждой.

17 июля 1859 г. Всегда и вездѣ спасеніе есть мѹка, освобожденіе — смерть, успокоеніе въ жертвѣ. Чтобы получить благодать, нужно цѣловать раскаленное желѣзо креста; жизнь есть рядъ терзаний, Голгоа, на которую восходятъ только изранивъ себѣ колѣва. Развлекаешься, разсѣиваешься, одуряешься, чтобы избавить себя отъ испытаній, отворачиваешься, стараешься не видать свою *via dolorosa*. И все-таки надо вернуться къ ней. Надо признать то, что каждый изъ насъ носить въ самомъ себѣ своего палача, своего демона, свой адъ въ своемъ грѣхѣ, и что этотъ грѣхъ его — его идолъ, и что этотъ идолъ, который соблазняетъ волю его сердца, — есть его проклятіе. Умереть грѣху — это удивительное слово христіанства остается высшимъ теоретическимъ разрѣшеніемъ внутренней жизни. Въ этомъ только спокойствіе совѣсти, а безъ этого спокойствія нѣтъ мира.

Я только что прочелъ семь главъ Евангелія. Это чтеніе дѣйствуетъ успокоительно. Исполнять свой долгъ любовно и послушно, дѣлать добро — вотъ главныя выступающія мысли. Жить въ Богѣ и дѣлать Его дѣло — вотъ религія, спасеніе, вѣчная жизнь, вотъ дѣйствіе и признакъ святой любви и св. Духа. Это новый человѣкъ, провозглашенный Иисусомъ, новая жизнь, въ которую входишь вторымъ рожденіемъ. Переродиться — это значить отказаться отъ прежняго себя, отъ природнаго человѣка, отъ грѣха, это значить усвоить себѣ другое начало жизни, это значить существовать для Бога другимъ человѣкомъ, съ другой волей, съ другой любовью.

9 августа 1859 г. Природа забывчива. Міръ — кажется еще болѣе; стоитъ человѣку только не противиться этому, и забвеніе окутаетъ его какъ саванъ. Это быстрое и неумолимое растяженіе всеобщей жизни, которое покрываетъ, залиываетъ и поглощаетъ отдѣльныя существа, которое стираетъ нашу жизнь и уничтожаетъ память о насъ, убійственно грустно. Родиться, суетиться, исчезнуть — въ этомъ вся эфемерная драма человѣческой жизни. Едва-ли въ нѣсколькихъ сердцахъ, а то и не въ одномъ, память о насъ пройдетъ, какъ волна по водѣ, какъ дуновеніе вѣтра въ воздухѣ. Если нѣтъ ничего безсмертнаго въ насъ, то какъ ничтожна эта жизнь! Какъ сновидѣніе, которое дрожить и улетаетъ при первомъ свѣтѣ зари, все мое прошлое, все мое настоящее распускается во мнѣ и отдѣляется отъ моего сознанія, когда оно возвращается само на себя. Я чувствую себя тогда пустымъ и ничего не имѣющимъ, какъ выздоравливающій, который ничего не помнить. Мои путешествія, мои чтенія, мои изученія, мои планы, надежды — исчезли изъ моего сознанія. Это странное состояніе. Всѣ мои способности уходятъ какъ плащъ, который снимаешь, какъ кризолида бабочки. Я чувствую, что перехожу въ другую форму, или, скорѣе, возвращаюсь въ первобытное состояніе.

Я присутствую при своемъ раздѣваніи. Я забываю еще больше чѣмъ забываемъ. Я медленно живой еще вхожу въ свой гробъ. Я испытываю невыразимый миръ уничтоженія и неясную тишину нирваны; я чувствую какъ передо мной и во мнѣ течетъ быстрая рѣка времени, скользять безтѣлесныя тѣни жизни и чувствую это съ каталептическимъ спокойствіемъ.

13 декабря 1859 г. Пятая лекція о „вѣчной жизни“ ¹⁾ (доказательство Евангелія сверхъестественнымъ) также талантлива и красно-рѣчива, но ораторъ не понимаетъ, что сверхъестественное должно быть исторически доказано, если-же нѣтъ, то онъ не долженъ выходить изъ области вѣры и вступать въ область исторіи и науки. Онъ приводитъ Штрауса, Ренана, Шерера, но онъ беретъ только ихъ букву, а не духъ. Все тотъ-же картезіанскій дуализмъ, отсутствіе генетическаго, историческаго, умозрительнаго и критическаго смысла. Идея живой эволюціи не проникла еще въ сознаніе оратора. Съ самыми лучшими намѣреніями быть объективнымъ, онъ остается субъективнымъ, риторичнымъ. Это происходитъ оттого, что онъ полемизируетъ, а не ищетъ.

Нравственность у Навиля преобладаетъ надъ разсудочностью, и мѣшаетъ ему видѣть то, чего онъ не хочетъ видѣть; въ его метафизикѣ воля первенствуетъ надъ разсудкомъ и въ его личности характеръ выше ума: все это послѣдовательно. Вслѣдствіе этого онъ можетъ удержать то, что расшатано, но не можетъ побѣждать; онъ консерваторъ истинъ или вѣрованій, но лишентъ инициативы и обновленія. Онъ проповѣдуетъ, но не внушаетъ. Популяризаторъ, вульгаризаторъ, апологетъ, ораторъ высшаго достоинства, онъ въ сущности схоластикъ: онъ разсуждаетъ точъ въ точъ какъ въ XII вѣкѣ, и защищаетъ протестантизмъ, какъ тогда защищали католичество. Лучшій способъ доказать недостаточность такой точки зрѣнія состоитъ въ томъ, чтобы выказать посредствомъ исторіи, до какой степени стара уже эта точка зрѣнія. Это химера простой и безусловной правды, совершенно въ духѣ католицизма и анти-исторична. Умъ Навиля математиченъ, а предметъ его — нравственность; математизировать нравственность — вотъ его дѣло. Какъ только дѣло касается того, что развивается, измѣняется, образовывается, какъ только приступаютъ къ подвижному міру жизни, и особенно жизни духовной, онъ уже болѣе не компетентенъ. Языкъ для него есть только система опредѣленныхъ знаковь: человекъ, народъ, книга — это опредѣленныя геометрическія

¹⁾ «Вѣчная жизнь», семь рѣчей, прочитанныхъ въ Женевѣ и Лозаннѣ 1859—1860 годахъ над. 1861 г.

фигуры, свойства которыхъ нужно изслѣдовать. Вотъ еще приложение закона внутреннихъ противорѣчій, потому что Навиль любитъ жизнь сердцемъ, если онъ ее теоретически не понимаетъ.

Всякая потребность утихаешь, а всякій порокъ увеличивается отъ удовлетворенія.

Упрямство — это воля, утверждающая, но не могущая оправдать себя, это настаиваніе безъ достаточной, настоящей причины, это упорство самолюбія, подставленное вмѣсто упорства разума или совѣсти.

17 апрѣля 1860 г. Ночныя птицы улетѣли. Мнѣ лучше. Я былъ въ состояніи совершить свою обычную прогулку. Всѣ бутоны распустились и молоденькіе ростки зеленѣли на всѣхъ сучьяхъ. Странное дѣйствіе производитъ на больного журчаніе свѣтлыхъ водъ, веселое щебетаніе птицъ, молодая свѣжесть растений, шумныя игры дѣтства! Или скорѣе мнѣ было странно смотрѣть глазами слабого или умирающаго на это проявленіе жизни и вступать въ него. Этотъ взглядъ очень грустенъ. Чувствуешь себя отрѣзаннымъ отъ природы, вѣ общенія съ нею, потому что она вѣчная сила, радость и здоровье. Не мѣшайте живымъ! — кричитъ она намъ: — Что вы омрачаете мою лазурь вашими горестями. Каждому своя очередь; сторонитесь! — Чтобы придать себѣ смѣлости надо сказать себѣ: Нѣтъ, полезно показывать міру страданія и умаленія, они придаютъ особенный вкусъ радости беззаботныхъ и служатъ предупрежденіемъ для мыслящихъ. Жизнь была дана намъ въ долгъ и мы должны показать своимъ спутникамъ, какъ мы употребляемъ ее до конца. Мы должны показать своимъ братьямъ, какъ должно жить и умирать. Эти первыя предупрежденія имѣютъ кромѣ того еще божественную цѣну. Они позволяютъ намъ заглянуть за кулисы жизни, увидеть ея страшную дѣйствительность и неизбѣжный конецъ. Они учатъ насъ сочувствію. Они совѣтуютъ намъ пользоваться временемъ пока еще свѣтло. Они учатъ насъ благодарности за тѣ блага, которыя остаются намъ и смиренію по отношенію тѣхъ даровъ, которыя даны намъ. Эти страданія, стало-быть благо, они призывъ свыше, они ударъ отцовскаго хлыста.

Какая хрупкая вещь здоровье, и какая тонкая оболочка защищаетъ нашу жизнь отъ поглощенія извнѣ и отъ разстройства внутри ея. Дуновеніе! И лодочка трескается или опрокидывается! Вездѣлица, и все погублено! Туча — и все темно. Жизнь есть тотъ цвѣтокъ, который завядаетъ въ одно утро и скашивается ударомъ крыла; это свѣтильникъ вдовы, который потухаетъ отъ малѣйшаго дуновенія. Чтобы живо ощущать поэзію утренней зари, надо высвободиться изъ когтей коршуна, называемаго болѣзнию. Вверху и внизу всего —

кладбище. Единственная достовѣрность въ этомъ мірѣ пустыхъ тревоженій и безконечныхъ безпокойствъ — это смерть и предвѣстникъ смерти, разнѣнная монета ея — страданіе.

Пока отворачиваешься отъ этой безпощадной дѣйствительности, трагическая сторона жизни скрывается, но какъ только помотришь ей въ лицо, то тотчасъ-же восстанавливаются истинныя отношенія вещей и торжественное опять вступаетъ въ жизнь. Ясно видишь, что раньше только игралъ, дулся, противился, забывалъ и былъ неправъ.

Надо умирать и отдать отчетъ своей жизни, вотъ во всей своей простотѣ великое наставленіе болѣзни. Сдѣлай какъ можно скорѣе все то, что тебѣ надо сдѣлать, приведи себя въ порядокъ, подумай о своемъ долгѣ, приготовься къ отъѣзду: вотъ что кричать тебѣ совѣсть и разумъ.

3 мая 1860 г. Перевелъ стихами страницу изъ Фауста Гёте, въ которой излагается пантеистическое исповѣданіе вѣры. Миѣ кажется, что дѣло идетъ недурно. Но какая разница между двумя языками въ отношеніи ясности; это растушевка и рѣзецъ: одинъ изображаетъ усиліе, другой обозначаетъ результатъ дѣйствія; одинъ заставляетъ испытывать нѣчто неопредѣленное, пустое, безформенное, — другой опредѣляющій, утверждающій, рисующій даже неопредѣленное; одинъ изображаетъ причину, силу, преддверья, изъ которыхъ выходятъ предметы, другой самъ предметъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ темная глубина безконечнаго, во французскомъ — радостная ясность конечнаго.

5 мая 1860 г. Стариться труднѣе, чѣмъ умирать, оттого что одинъ разъ цѣликомъ отказаться отъ какого-нибудь блага легче, чѣмъ каждый день и по мелочамъ возобновлять жертву имъ. Переносить спокойно свое увяданіе и сознательно принимать свое умаленіе есть болѣе горькая и рѣдкая добродѣтель, чѣмъ презрѣніе смерти. Надъ преждевременной и трагической смертью есть нѣкоторый ореолъ, а въ возрастающей дряхлости только долгая печаль. Но рассмотримъ это получше: безропотная и религіозная старость представится тогда болѣе трогательной, чѣмъ героическая пылкость молодыхъ годовъ.

Созрѣваніе души дороже, чѣмъ блескъ и избытокъ силъ, и вѣчное въ насъ должно воспользоваться тѣмъ разрушеніемъ, которое производитъ въ насъ время. Эта мысль утѣшаетъ.

22 мая 1860 г. Во мнѣ есть какая-то тайная сдержанность, мѣшающая миѣ выказывать мое настоящее волненіе, сказать то, что можетъ нравиться, отдаться настоящей минутѣ, — глупая сдержанность, которую я всегда съ грустью замѣчалъ въ себѣ. Мое сердце никогда не осмѣливается говорить серьезно, стыдись лести и боясь не найти подходящаго оттѣнка. Я всегда шучу въ настоящую минуту, и только когда она прошла, испытываю волненіе. Моей неповорной

природѣ противно признавать торжественность настоящей минуты; ироническій инстинктъ, происходящій отъ моей застѣнчивости, всегда заставляеть меня легко относиться къ тому, чѣмъ я обладаю, подъ предлогомъ чего-то другого и другого момента. Страхъ увлеченія и недовѣріе къ самому себѣ преслѣдуютъ меня даже тогда, когда я растроганъ и по какой-то непобѣдимой гордости я не могу рѣшиться сказать какой-нибудь минутѣ: остановись! рѣши мою судьбу! Будь высшей минутой! выдѣлись изъ однообразнаго фона вѣчности и отиѣть собою единственную точку моей жизни.

Свободное существо, которое отдается самому себѣ, этимъ же самымъ отдаетъ себя дьяволу; въ нравственномъ мірѣ нѣтъ земли безъ хозяина, а неопредѣленные земли принадлежать лукавому.

28 апрѣля 1860 г. Такъ же какъ сновидѣніе по своей природѣ преобразуетъ событія сна, — душа превращаетъ въ психическія явленія мало опредѣленные впечатлѣнія организма.

Неловкое положеніе тѣла становится кошмаромъ, тяжелый грозовой воздухъ вызываетъ нравственные страданія. Воображеніе и сознаніе — не вслѣдствіе механическаго воздѣйствія и прямой причинности, но по своей природѣ производятъ аналогичныя дѣйствія, они переводятъ на свой языкъ и отливаютъ въ свою форму то, что приходитъ къ нимъ извнѣ. Такимъ образомъ сновидѣніе можетъ служить medicinѣ и прорицанію. Такимъ-же образомъ метеорологическое явленіе вызываетъ изъ души страданія, которыя она смутно скрывала внутри себя. Жизнь вызывается только внѣшними явленіями и не производитъ никогда ничего, кромѣ самой себя; оригинальность состоитъ въ томъ, чтобы быстро и ясно реагировать противъ внѣшнихъ вліяній и давать имъ нашу индивидуальную форму.

Думать — это значитъ сосредоточиться въ своемъ впечатлѣніи, освободить его въ себѣ и проявить его въ своемъ личномъ сужденіи. Въ этомъ-же и облегченіе, освобожденіе и побѣда надъ собой.

Все, что приходитъ извнѣ, есть вопросъ, на который мы должны отвѣчать — давленіе, которому мы должны противодействовать до тѣхъ поръ, пока мы живемъ и хотимъ оставаться свободными. Развитие нашей бессознательной природы слѣдуетъ по астрономическимъ законамъ Птолемея. Оно все — перемѣна, циклъ, эпициклъ и превращеніе.

25 ноябрь 1861 г. Искусство есть рельефное выдвиганіе мыслей природы. Упрощеніе линій и высвобожденіе невидимыхъ фигуръ. Подъ огнемъ вдохновенія выступаютъ рисунки, начертанные симпатическими чернилами: таинственное становится очевиднымъ, смутное дѣлается

яснымъ, сложное простымъ, случайное необходимымъ. Однимъ словомъ, искусство раскрываетъ природу, выражая ея намѣренія и формулируя ея желанія. Всякій идеаль есть разгадка длинной загадки. Великій художникъ всегда упрощаетъ.

Всякій человѣкъ подобенъ укротителю дикихъ звѣрей, а эти звѣри—его страсти. Вырвать имъ клыки и когти, зануздать ихъ, приручить, сдѣлать изъ нихъ домашнихъ животныхъ, слугъ, хотя-бы и рычащихъ, но все-таки покорныхъ,—въ этомъ личное воспитаніе.

18 май 1862 г. Вернувшись часъ тому назадъ, я пѣлъ въ своей уединенной комнатѣ всевозможныя пѣсни. Откуда взялась во мнѣ эта веселость? Отъ проведенныхъ здоровыхъ нѣсколькихъ часовъ послѣ обѣда въ благодушномъ обществѣ и отъ совокупности пріятныхъ впечатлѣній. Я любилъ всѣхъ вокругъ себя, и моя симпатія возвращалась на меня-же въ видѣ любви. Я всѣхъ развеселилъ: и нашихъ друзей, и родителей, и дѣтей, и гостей. Я смѣялся, игралъ, шалилъ. Я вернулся къ дѣтской простотѣ, къ наивной и первобытной радости, которая такъ благодѣтельна. Я чувствовалъ непреодолимое и все побѣждающее вліяніе доброты. Она умножаетъ жизнь, какъ роса умножаетъ цвѣты. Я чувствую въ себѣ сокровища нѣжности и самоотверженія для времени, когда жизнь вдвоемъ и обязанности отца потребуютъ ихъ. У меня нѣтъ никакого мірскаго честолюбія; семейная жизнь и жизнь умственная только однѣ улыбаются мнѣ. Любить и мыслить — вотъ двѣ мои неразрушимыя потребности. При тонкомъ, поворотливомъ, сложномъ и хамелеонистомъ умѣ, у меня сердце ребенка; я люблю только совершенство или шутку, — двѣ крайности. Истинные художники, истинные философы, истинно-религіозные люди уживаются только съ простотою маленькихъ дѣтей или величіемъ высшихъ произведеній духа, т. е. съ чистой природой или съ чистымъ идеаломъ. И я въ своей бѣдности чувствую тоже. Все среднее кажется мнѣ ничтожнымъ, надо прилаживаться и къ нему, но люблю я другое. Полу-наука, полу-талантъ, полу-деликатность, полужизнь, полу-достоинство—таковъ свѣтъ. И воспользоваться этимъ свѣтомъ можно только тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ него себѣ шлоу терпѣнія и кротости. Но для доброты у меня нѣтъ ни критики, ни сопротивленія, ни сдержанности; я прощаю ей все, потому что она важнѣе всего. Я жажду и алчу простой доброты, потому что на-смѣшка, подозрѣніе, недоброжелательство, зависть, горечь, дерзкія сужденія, ядовитая злоба начинаютъ занимать теперь все большее и большее мѣсто, и въ обществѣ воюютъ почти всѣ противъ всѣхъ, а въ частной жизни производятъ бесплодность пустыни.

9 августа 1862 г. Жизнь, которая хочет утверждать самоё себя въ насъ, стремится возстановлять самоё себя независимо отъ насъ, она сама поправляетъ свои прорѣхи, чинитъ свои паутины, когда онѣ прорываются; возстановляетъ условія нашего благосостоянія; вновь ткеть повязку на наши глаза, возвращаетъ нашимъ сердцамъ надежду, вновь вливаетъ здоровье въ наши органы; вновь золотитъ химеру въ нашихъ воображеніяхъ. Безъ этого опытъ жизни износилъ, изнурилъ и изсушилъ-бы насъ безвозвратно много раньше срока, и отрокъ былъ-бы старше столѣтняго старца. Самая мудрая часть нашего существа не есть-ли та, которая не знаетъ самоё себя? и разсудительнѣе всего въ человѣкѣ это то, что не разсуждаетъ; инстинктъ, природа, духовная и безличная дѣятельность излечиваютъ насъ отъ нашихъ личныхъ сумасшествій; невидимый геній нашей жизни неустанно поставляетъ матеріалъ расточительности нашего я. Главную и материнскую основу нашей сознательной жизни составляетъ наша безсознательная жизнь, которую мы такъ-же мало видимъ, какъ наружное полушаріе луны видитъ земля, несмотря на то, что оно неразрывно и вѣчно связано съ ней, Это наше *ἀντιχθων*, какъ говоритъ Пинелгоръ.

7 ноября 1862 г. До какой степени вредны, заразительны и нездоровы: постоянная улыбка равнодушной критики, эта безчувственная насмѣшка, которая разѣдаетъ, пересмѣиваетъ и разрушаетъ все, которая разочаровывается во всякой личной обязанности, во всякой брэнной привязанности и которая дорожитъ только пониманіемъ, а не дѣйствиємъ!

Критицизмъ, ставшій привычкой, типомъ и системой—становится уничтоженіемъ нравственной энергіи, вѣры и всякой силы. Одна изъ моихъ склонностей влечетъ меня къ этому, но я отступаю передъ послѣдствіями, когда встрѣчаю еще болѣе чистый типъ, чѣмъ я самъ. По крайней мѣрѣ я не могу упрекнуть себя въ томъ, что когда-либо пробовалъ уничтожить нравственную силу въ другихъ. Мое уваженіе къ жизни запрещало мнѣ это и мое недовѣріе къ самому себѣ избавляло меня отъ этого соблазна.

Этотъ родъ ума очень опасенъ въ насъ, потому что онъ поощряетъ всѣ дурные инстинкты: распущенность, неуваженіе, эгоистическій индивидуализмъ, и приводитъ къ соціальному атомизму.

Не презирай своего положенія: въ немъ ты долженъ дѣйствовать, страдать и побѣдить. На всякой точкѣ земли мы одинаково близки къ небу и къ безконечному.

Внѣ элемента, общаго всѣмъ людямъ, есть элементъ, раздѣляющій

ихъ. Этотъ элементъ можетъ быть религіей, родиной, языкомъ, воспитаніемъ. Но если предположить, что и это все общее, то остается еще что-то, служащее разграниченіемъ, и это — идеалъ. Имѣть или не имѣть идеала, имѣть такой или иной идеалъ, вотъ что прорываетъ пропасть между людьми, даже между тѣми, которые живутъ въ одномъ кругу, подъ одной крышей или въ одной комнатѣ. Надо любить одной любовью, думать одной мыслью, чтобы избѣгнуть одиночества.

Обоюдное уваженіе включаетъ скромность и сдержанность въ самой нѣжности, заботу соблюсти наибольшую часть свободы тѣхъ людей, жизнь которыхъ раздѣляешь. Надо не довѣрять своему истинету внимательства, потому что желаніе преобладанія своей воли часто скрывается подъ видомъ заботливости.

13 января 1863 г. Обыкновенно слово служить для объясненія дѣйствія. Въ французской же трагедіи дѣйствіе есть только приличный предлогъ для того, чтобы говорить; это приемъ, употребляемый для того, чтобы извлечь самыя красивыя рѣчи изъ устъ людей, участвующихъ въ этомъ дѣйствіи и созерцающихъ его въ его различные моменты и фазы. Любовь и природа, долгъ и слонности, и десятки другихъ нравственныхъ антитезъ суть члены, движимые ниткой драматурга и рисующіе всѣ трагическія положенія. Что дѣйствительно любопытно и забавно, это то, что самый живой, веселый и умный народъ всегда понималъ благородное самымъ чопорнымъ и напыщеннымъ образомъ. Но это неизбѣжно.

8 апрѣля 1869 г. Вновь перелисталъ 3800 страницъ „*Misérables*“, отыскивая единство этого большого сочиненія. Основная мысль слѣдующая. Общество порождаетъ печальныя и ужасныя бѣдствія (проституцію, бродяжничество, классъ людей безъ опредѣленнаго положенія, злодѣевъ, воровъ, каторжниковъ, войну, революціонныя собранія и баррикады). Оно должно сказать себѣ это и не относиться ко всѣмъ тѣмъ, кто нарушаетъ законъ, какъ къ простымъ уродамъ. Очеловѣчить законъ и общественное мнѣніе, поднять падшихъ такъ же, какъ и побѣжденныхъ, образовать социальное искупленіе—вотъ задача. Но какъ? Уничтожить порокъ, разливая свѣтъ, превращать виновныхъ прощеніемъ—вотъ средство. Въ сущности распространеніе милосердія отъ грѣшника до приговореннаго, примѣненіе уже въ этой жизни того, что церковь болѣе охотно примѣняетъ къ будущей—не есть ли это охристіаненіе общества. Возвратить къ порядку и добру неустанной любовью, вмѣсто того, чтобы задавить непреклонной карой и суровой справедливостью: таково направленіе книги.

Оно благородно и высоко. Но оно немного оптимистично и напоминает Руссо. Представляется, что личность всегда невиновата, а виновато всегда общество. Въ сущности идеалъ (для XX вѣка) есть демократическій, золотой вѣкъ, всемірная республика, въ которой война, смертная казнь и пауперизмъ исчезнутъ; это религія и царство прогресса; однимъ словомъ, это утопія XVIII вѣка, взятая въ большемъ видѣ. Много великодушія и не мало химеры. И химера состоитъ въ слишкомъ вѣшнемъ пониманіи зла. Авторъ хочетъ не знать и дѣлаетъ видъ, что забылъ инстинктъ извращенности, любовь къ злу для зла, которые содержитъ въ себѣ человѣческое сердце. Великая и спасительная идея этого произведенія въ томъ, что законная честность есть кровожадное лицемѣріе, какъ только она собирается дѣлить общество на избранныхъ и отверженныхъ и смѣшиваетъ относительное съ абсолютнымъ. Капитальное мѣсто это то, гдѣ соскочившій съ рельсовъ Жаверъ опрокидываетъ всю нравственную систему строгаго, неподкупнаго Жавера, этого шпиона, священника, этого прямолинейнаго полицейскаго. Эта глава показываетъ намъ общественное милосердіе, просвѣчивающее сквозь точную и безчеловѣчную справедливость, уничтоженіе общественнаго ада, т. е. непоправимыхъ заклеменій, безсрочныхъ и неизлѣчимыхъ прегрѣшеній: эта идея истинно религіозна.

Викторъ Гюго рисуетъ сѣрной кислотой и освѣщаетъ электричествомъ; онъ скорѣе оглушаетъ, ослѣпляетъ и закруживаетъ своего читателя, чѣмъ очаровываетъ или убѣждаетъ его. Сила въ такой степени есть околдованіе; не покоряя,—она плѣняетъ; не очаровывая—она околдовываетъ. Его идеалъ—необыкновенное, гигантское, опрокидывающее, несоизмѣримое; его характерныя выраженія это: „огромное, колоссальное, громадное, великанское, чудовищное“. Онъ ухитряется даже преувеличивать дѣтское и наивное; единственное, что кажется недоступнымъ ему—это естественное. Однимъ словомъ, его страсть—величіе; его ошибка—излишество; его отличительная черта, это титаническое съ страннымъ диссонансомъ ребячества въ великолѣпіи; его слабая сторона—это чувство мѣры, вкусъ, чувство смѣшнаго и умъ въ тонкомъ смыслѣ этого слова. Викторъ Гюго—офрануженный испанецъ; или вѣрнѣе—въ немъ всѣ крайности юга и сѣвера, скандинава и африканца; но онъ менѣе всего имѣетъ свойства галла. И, по странной случайности, онъ одинъ изъ литературныхъ гениевъ Франціи XIX вѣка! Его средства неисчерпаемы и года, кажется, на него не вліяютъ.

Какое безконечное количество словъ, мыслей, формъ онъ волочитъ съ собой; и какія горы произведеній отмѣчающихъ его путь, онъ оставляетъ за собой. Это точно изверженіе вулкана, и этотъ бас-

нословный работникъ продолжаетъ подымать, распатывать, мѣсить и строить свой особенный міръ, міръ индусскій скорѣе, чѣмъ эллинскій.

Онъ поражаетъ меня. Но все-таки я предпочитаю генія, который даетъ чувство правды и увеличиваетъ внутреннюю свободу. У Гюго чувствуется цинлонъ и усиліе; но опять-таки я предпочитаю звучный лукъ Аполлона и спокойное чело Юпитера Олимпійскаго.

2 сентября 1863 г. Какъ назвать то неуловимое ощущеніе, которое преслѣдовало меня сегодня утромъ въ полумракѣ пробужденія? Это было прелестное, но смутное воспоминаніе, безъ имени, безъ очертаній, какъ образъ женщины, смутно представляющійся глазамъ больного въ темнотѣ его комнаты и въ неопредѣленности бреда. У меня было ясное чувство, что это было симпатичное лицо, которое я гдѣ-то встрѣчалъ и которое когда-то взволновало меня, а потомъ было забыто мной. Но все остальное было смутно — и мѣсто, и время и сама личность, потому что я не видѣлъ ни лица, ни выраженія. Все виѣтъ было какъ летающій вуаль, подъ которымъ серывалась загадка счастья. И я былъ достаточно пробужденъ, чтобы быть увѣреннымъ, что это не былъ сонъ.

Такъ вотъ послѣдніе слѣды вещей, которыя утопаютъ въ насъ, послѣдніе слѣды умирающихъ воспоминаній. Неуловимый, блуждающій огонекъ, освѣщающій неопредѣленное впечатлѣніе, про которое мы не знаемъ; страданіе-ли это или радость; свѣтъ надъ могилой? Какъ это странно!.. Дѣло въ томъ, что я не могъ заставить это привидѣніе сказать мнѣ свое имя, не могъ заставить это воспоминаніе усвоить прежнюю ясность.

25 ноября 1863 г. Молитва есть существенное орудіе религіи. Тотъ, кто не можетъ молиться, потому что сомнѣвается въ бытіи Того, къ Кому восходятъ молитвы и отъ Кого нисходятъ благословенія—тотъ жестоко одинокъ и необычайно бѣденъ. Ну, а ты, что ты думаешь объ этомъ? Въ эту минуту мнѣ трудно-бы было сказать это. Всѣ твои положительныя вѣрованія направлены къ изученію и подлежатъ измѣненіямъ. Истина прежде всего, даже тогда, когда она разстраиваетъ. Вѣрю же я въ то, что самое высокое понятіе, которое мы можемъ себѣ составить въ началѣ вещей, будетъ и самое истинное, и что самая истинная истина будетъ та, которая сдѣлаетъ человѣка наиболѣе гармонически добрымъ, наиболѣе мудрымъ, великимъ и счастливымъ. Мой символъ вѣры въ передѣлѣ. Но все же я вѣрю въ Бога и въ безсмертіе души. Я вѣрю въ святость, правду, въ красоту; я вѣрю въ искупленіе души черезъ вѣру въ прощеніе. Я вѣрю въ любовь, въ самоотверженіе, въ честь. Я вѣрю

въ долгъ и въ нравственную совѣсть. Я вѣрю даже въ молитву. Я вѣрю въ основное духовное сознание человѣческаго рода, и вѣрю въ великія утвержденія вдохновенныхъ людей всѣхъ временъ. Я вѣрю, что наша высшая природа — есть и наша настоящая.

Можетъ-ли изъ этого выйти теологія и теодицея. Вѣроятно да, но въ настоящую минуту я не ясно вижу это. Такъ давно уже я не смотрѣлъ съ точки зрѣнія *своей* метафизики и живу чужой мыслью. Я начинаю даже спрашивать себя, необходима-ли кристаллизація моихъ догматовъ. Да, для того, чтобъ проповѣдывать и дѣйствовать, но меньше для того, чтобъ наблюдать, созерцать и учиться.

4 декабря 1863 г. Видѣть всѣ вещи въ Богѣ, сдѣлать изъ своей жизни движеніе къ идеалу, жить благодарностью, сосредоточеніемъ, кротостью и мужествомъ: въ этомъ удивительная точка зрѣнія Марка Аврелія. Прибавить къ этому колѣноприклоненное смиреніе и жертвующее собой милосердіе, и это будетъ мудрость дѣтей божіихъ. Въ этомъ бессмертная радость истинныхъ христіанъ. Какое плохое христіанство то, которое злословить мудрость и обходится безъ нея. Въ такомъ случаѣ я предпочитаю мудрость, которая оправдываетъ Бога, даже въ этой жизни. Признакъ фальшивой религіозной мысли, это отслаивать жизнь и различать святого человѣка отъ добродѣтельнаго. Эта ошибка отчасти была ошибкой среднихъ вѣковъ и, можетъ быть, католицизма въ его сущности. Но истинное христіанство должно быть освобождено отъ этой пагубной ошибки.

Вѣчная жизнь не есть будущая жизнь; это жизнь въ порядкѣ, жизнь въ Богѣ, и надо приучаться смотрѣть на время, какъ на движеніе вѣчности, какъ на колебанія океана Бгтія. Жить, поддерживая совѣсть *sub specie aeterni*, это значить быть мудрымъ; жить, осуществляя вѣчное — это значить быть религіознымъ.

Если національность — соглашеніе, то государственность — это насилие.

Свобода, равенство — нехорошіи принципы! Истинно человѣчскій принципъ, — это справедливость, а справедливость относительно слабого, — это покровительство и доброта.

2 апрѣля 1864 г. Снѣгъ, чичерь, апрѣльскіе капризы, и затѣмъ потоки солнца, и какъ-бы лучи дождя. Припадки слезъ и смѣха переменчиваго неба, порывы вѣтра, вихри. Погода похожа на капризную дѣвочку, которая двадцать разъ въ одинъ день переменяетъ выраженіе лица и желанія. Это — благодѣянія для растений.

Приливъ жизни въ жилахъ весны. Амфитеатръ горъ нашей долины затаютъ бѣлымъ до подошвы, но два часа солнца — и весь легкій снѣгъ этотъ исчезнетъ. Опять новый капризъ, простая декорація, готовая перемѣниться по свистку машиниста.

Какъ чувствуется неустановимая подвижность всѣхъ вещей. Проявится и исчезнетъ, въ этомъ вся комедія міра, въ этомъ біографія всякой личности, какаѣ-бы ни была продолжительность того цѣля существованія, который она описываетъ. Всякая жизнь есть только тѣнь отъ дыма, только движеніе въ пустотѣ, гіероглифъ, начертанный въ одно мгновеніе на песокъ и стираемый въ слѣдующее мгновеніе дуновеніемъ. Воздушный пузырекъ, который лопается на поверхности великаго потока существованія, видимость, ничтога, ничтожество. Но ничтожество это все-таки символъ Всемирнаго Существа, и эфемерный пузырекъ этотъ содержитъ въ себѣ исторію міра. Человѣкъ, который незамѣтно содѣйствовалъ дѣлу міра—жилъ; человекъ, который хоть сколько-нибудь созналъ его, тоже жилъ. Простой человекъ служить своей дѣятельностью, какъ колесо машины. Мыслитель служить своей мыслью, какъ просвѣтитель думающій, утѣшающій, подымающій и поддерживающій своихъ спутниковъ; смертныхъ и переходящихъ, какъ онъ, дѣлаетъ еще лучше: онъ соединяетъ обѣ первыя пользы. Дѣло, мысль, слово—это одинакіе образы человѣческой жизни. Ремесленникъ, ученый и ораторъ — всѣ трое работники Божіи.

Дѣйствовать, находить, учить—эти три вещи представляютъ изъ себя трудъ, всѣ три хороши, всѣ три необходимы. Хотя и блуждающіе огни, мы все-же можемъ оставить слѣдъ. Хотя и метеоры, мы можемъ продлить нашу гибнущую слабость въ памяти людей или во всякомъ случаѣ въ сплетеніи послѣдующихъ событій. Все исчезаетъ, но ничего не теряется; и цивилизація или гражданственность человека есть не что иное, какъ огромная духовная пирамида, созданная изъ произведеній всего, что жило въ образѣ нравственнаго существа; такъ-же какъ наши известковыя горы образованы изъ остатковъ мириадъ миллиардовъ безыменныхъ существъ, которыя жили въ видѣ микроскопическихъ животныхъ.

16 ноября 1864 г. Шарикъ воздуха въ крови, капля воды въ мозгу, и человекъ разрушается, его машина ломается, его мысль исчезаетъ и міръ исчезаетъ, какъ сонъ при появленіи утра. На краѣ тонкой паутины виситъ наша личная жизнь. Хрупкость, видимость, ничтожество. Если-бы не развлеченія и наша способность забывать, все волшебство, которое увлекаетъ и окружаетъ насъ, казалось-бы намъ солнечнымъ призракомъ во мракѣ, пустымъ видѣніемъ, проходящей

галлюцинаціей. Появился и исчез — вотъ вся исторія человѣка, равно какъ и міра и инфузорій.

Время есть величайшая иллюзія. Она есть только внутренняя призма, черезъ которую мы разлагаемъ бытіе и жизнь, образъ, подѣ которыми мы постепенно видимъ то, что вѣвременно въ идеѣ. Глазъ не видитъ сферу всю сразу, хотя сфера существуетъ вся сразу. Нужно одно изъ двухъ: либо чтобы сфера вертѣлась передъ глазомъ, который смотритъ на нее, либо чтобы глазъ обошелъ вокругъ наблюдаемой имъ сферы.

Въ первомъ случаѣ это міръ, развертывающійся, или какъ будто развертывающійся во времени; во-второмъ случаѣ это наша мысль, анализирующая и постепенно возстанавливающая. Для высшаго разума нѣтъ времени; что будетъ, то есть. Время и пространство—это раскрошеніе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными.

Наша жизнь ничто, это правда, но наша жизнь божественна. Дуновеніе природы уничтожаетъ насъ, но мы превосходимъ природу, проникая далѣе ея удивительной фантамогоріи до неизмѣннаго и вѣчнаго. Посредствомъ внутренняго экстаза уйти отъ водоворота времени, увидать самого себя *sub specie aeterni*—это лозунгъ великихъ религій высшихъ породъ; и эта психологическая возможность есть основа всѣхъ великихъ надеждъ. Душа можетъ быть безсмертна, потому что она способна подниматься до того, что не рождается и не умираетъ, до того, что существуетъ субстанціально, необходимо, неизмѣнно, т. е. до Бога.

Зародыши всего находятся въ каждомъ сердцѣ, и самые большіе преступники и самые большіе герои суть только различные виды насъ самихъ. Только зло дѣлается само собой, а добро требуетъ мужества.

Въ основаніи всего лежитъ печаль, какъ въ концѣ всѣхъ рѣкъ—океанъ. Развѣ можетъ быть иначе въ мірѣ, гдѣ ничто не длится, гдѣ все, что мы любили, любимъ и будемъ любить, должно умереть.

Смерть — такъ вотъ въ чемъ тайна жизни! Трауръ окутываетъ вблизи или издалека всякую сосредоточившуюся въ себѣ душу, какъ ночь окутываетъ вселенную.

Умѣть внушить, это — великая педагогическая тонкость. Для этого надѣ угадывать, что интересуетъ, и читать въ дѣтской душѣ, какъ по нотамъ. И тогда только, переимѣнивъ ключъ, поддерживаешь интересъ и измѣняешь пѣсню.

3 апреля 1865 г. Искра счастья и хоть одинъ лучъ надежды стоятъ всѣхъ докторовъ въ мірѣ. Главная пружина жизни въ сердцѣ.

Радость есть живительный воздухъ нашей души. Печаль есть астмаъ усложненной атоніи. Наша зависимость отъ окружающихъ обстоятельствъ возрастаетъ съ нашимъ ослабленіемъ, и наше сіяніе составляетъ нашу свободу. Здоровье есть первая свобода, а счастье даетъ силу, которая есть основа здоровья. Сдѣлать кого-нибудь счастливымъ значить, строго говоря, увеличить его бытіе, удвоить силу его жизни, открыть ему же его самого, увеличить его и иногда преобразить его. Счастье уничтожаетъ безобразіе и дѣлаетъ даже красоту красивѣе. Можно сомнѣваться въ этомъ только, если никогда не видѣлъ свѣта пробужденія первой нѣжности въ ясномъ взглядѣ. Даже заря ничто въ сравненіи съ этимъ чудомъ.

Для матеріалистической философіи красота есть только случайность и поэтому рѣдко встрѣчающаяся; для спиритуалистической же философіи красота есть правило, законъ, общее свойство, къ которому возвращается всякая форма, какъ скоро уничтожится то, что мѣшало ея проявленію.

Почему мы некрасивы? Потому что мы не въ ангельскомъ состояніи, потому что мы дурны, суровы, несчастны.

Героизмъ, восторгъ, молитва, любовь, энтузіазмъ—все это производитъ ореолъ вокругъ чела, потому что они освобождаютъ душу, душа же дѣлаетъ прозрачной свою оболочку и свѣтится вокругъ нея. Слѣдовательно красота есть явленіе одухотворенія матеріи; она есть мгновенное введеніе въ рай (emparadisement) избраннаго предмета или существа; она есть какъ-бы упавшій съ неба на землю даръ для напоминанія міру объ идеалѣ. Изучать ее слѣдовательно значить почти неизбежно платонизировать. Какъ сильный электрическій токъ можетъ сдѣлать металлы блестящими и открываетъ ихъ сущность по цвѣту ихъ пламени, также и усиленная жизнь и высшая радость украшаютъ до сіянія простого смертнаго. Итакъ, человѣкъ только тогда истинно человѣкъ, когда онъ въ божественномъ состояніи.

Идеалъ въ сущности болѣе истиненъ, чѣмъ сама реальность, потому что идеалъ есть вѣчный моментъ вещей гибнущихъ: онъ ихъ типъ, ихъ число, ихъ причина существованія, ихъ формула въ книгѣ Творца; слѣдовательно, онъ есть ихъ вѣрнѣйшее и въ то же время кратчайшее выраженіе.

13 августа 1865 г. Сколько разныхъ людей въ одномъ человѣкѣ, сколько разныхъ стилей въ одномъ великомъ писателѣ. Руссо, напримѣръ, сколько различныхъ родовъ писаній онъ создалъ! Воображеніе преобразуетъ его и онъ удовлетворяетъ самымъ разнообразнымъ ролямъ, даже роли чистаго логика. Но такъ какъ воображеніе есть та ось, на которой вертится его умственная дѣятельность, его главная способность, то во всѣхъ его произведеніяхъ есть полу-

искренность и полу-споръ. Чувствуется, что его талантъ бьется самъ съ собою объ закладъ, какъ Карнеадъ, въ томъ, чтобы все доказать, хотя бы это было и неправда, какъ скоро это стало дѣломъ самолюбія. Впрочемъ, это есть искушеніе всякаго таланта: подчинять вещи себѣ, а не себя вещамъ; побѣждать для побѣды, подставлять самолюбіе вмѣсто совѣсти.

Талантъ всегда радъ побѣждать въ хорошемъ дѣлѣ, но онъ охотно бываетъ кондотьеромъ и довольствуется побѣдой тамъ, гдѣ его знамя. Мнѣ кажется даже, что успѣхъ тогда, когда защищаемое дѣло слабо и дурно, несравненно болѣе лестенъ для таланта, потому что тогда онъ не раздѣляетъ свой успѣхъ ни съ кѣмъ другимъ.

Парадоксъ есть лакомство умныхъ людей и радость людей съ талантомъ. Такъ пріятно быть правымъ въ противность всеѣмъ людямъ и озадачивать банальный здравый смыслъ и вульгарную пошлость. Любовь къ истинѣ и талантъ не сходятся; ихъ склонности разныя, часто разнятся и ихъ пути. Для того, чтобы заставить талантъ служить, тогда какъ по своему инстинкту онъ хочетъ начальствовать, нуженъ нравственный смыслъ очень чуткій и сильный характеръ. Греки, артисты слова, были хитрецами со временъ Одиссея, софистами—во времена Периклеса, риторамъ, придворными и лубавыми до конца Византіи. Ихъ талантъ былъ причиной ихъ порока.

Выступить въ свѣтъ, какъ Руссо, полемикой — это значитъ приговорить себя къ постояннымъ преувеличеніямъ и войнѣ. Тогда искупаешь свою славу двойной горечью: той, что никогда уже не можешь быть вполне правдивымъ и не можешь уже свободно располагать собой. Сориться съ міромъ привлекательно, но опасно.

Руссо былъ предкомъ во всемъ: онъ создалъ странничество пѣшкомъ раньше Топфера, мечтательность раньше Рене, литературную ботанику раньше Жоржъ Зандъ, культъ природы раньше Бернардина де-Ст. Пьера, демократическую теорію раньше революціи 1789 года, политическія и богословскія разсужденія раньше Мирабо и Ренана, педагогику раньше Пестолоцци, живопись Альпъ раньше де-Сосюра; онъ сдѣлалъ музыку модной и возбудилъ въ обществѣ вкусъ къ исповѣданьямъ; онъ создалъ новый французскій стиль, сжатый, разработанный, плотный и страстный. Словомъ, можно сказать, что ничего не пропало изъ того, что далъ Руссо, и что никто больше него не повліялъ на французскую революцію, такъ какъ онъ былъ ея полубогомъ между Некаромъ и Бонапартомъ, также и то, что никто больше него не повліялъ на XIX вѣкъ, такъ какъ Байронъ, Шатобрианъ, де-Сталь, Жоржъ Зандъ — вытекаютъ изъ него.

7 января 1866 г. Наша жизнь есть только мыльный пузырь, всящій на соломинкѣ: она возникаетъ, расширяется, окрашивается са-

мыми прекрасными цвѣтами радуги; она минутами не подчиняется даже законамъ тяготѣнія; но вскорѣ на немъ появляется черное пятнышко, и золотистый и изумрудный шаръ исчезаетъ въ пространствѣ и обращается въ простую капелюку грязной жидкости. Всѣ поэты дѣлали это сравненіе, оно поразительно своей истинностью. Появиться, блеснуть, уничтожиться, возникнуть, страдать, умереть—не въ этомъ ли вся жизнь эфемера, народа, небснаго тѣла?

Время есть только мѣра трудности пониманія; чистая мысль почти не нуждается во времени, потому что она почти одновременно видитъ оба конца идеи. Природа только трудомъ совершаетъ мысль планеты, но высшій разумъ совершаетъ ее въ одной точкѣ. Слѣдовательно, время есть послѣдовательное раздробленіе бытія, какъ слово есть послѣдовательный анализъ иятуиціи или воли. Само по себѣ оно относительно и отрицательно и исчезаетъ въ абсолютномъ бытіи. Богъ внѣ времени, потому что Онъ мыслить одновременно всякую мысль; природа же во времени, потому что она только слово, дискурсивное развертываніе мысли, содержащейся въ безконечной мысли. Но природа истощается въ этой невозможной задачѣ, потому что анализъ безконечнаго есть противорѣчіе. При безконечной продолжительности, безграничномъ пространствѣ и безпредѣльномъ числѣ природа дѣлаетъ по крайней мѣрѣ то, что она можетъ для того, чтобы передать богатства творческой формулы. По тѣмъ безднамъ, которыя она открываетъ для того, чтобы охватить мысль, не достигая этого, можно судить о величинѣ божественнаго разума.

Въ сущности, современный человекъ чувствуетъ страшную потребность забыться. Онъ испытываетъ тайное отвращеніе передъ всеѣмъ тѣмъ, что умалаетъ его; поэтому вѣчное, безконечное, совершенство—для него пугало. Ему нужно одобрять себя, восхищаться собой, привѣтствовать себя, восхвалять себя и потому онъ отворачивается отъ всеѣхъ безднъ, напоминающихъ ему его ничтожество. Въ этомъ состоитъ истинная мелочность столькихъ могучихъ умовъ нашего времени. Недостатокъ личнаго достоинства нашихъ цивилизованныхъ вертопраховъ, въ сравненіи съ арабомъ пустыни, — все увеличивающееся легкомысліе нашихъ массъ, — правда, все болѣе и болѣе образованныхъ, но болѣе зато и поверхностныхъ въ ихъ пониманіи счастья.

Въ этомъ тоже для насъ заслуга христіанства—этого восточнаго элемента нашей культуры. Онъ дѣлаетъ противовѣсъ нашимъ стремленіямъ къ конечному, преходящему, измѣняющемуся, сосредоточивая умъ на созерцаніи вещей вѣчныхъ, платонизируя нѣсколько наши привязанности, всегда удаленныя отъ идеальнаго міра, возвращая насъ отъ разсѣянія къ концентраціи, отъ свѣтскости къ вдумчивости, вкладывая въ наши души, возбужденныя тысячами пошлыхъ желаній, спо-

койствіе, важность и благородство. И также, какъ сонъ служитъ мо-
лодящей ванной для нашей дѣятельной жизни, также и религія со-
ставляетъ освѣжительную ванну для нашего безсмертнаго существа.
Священное имѣетъ очистительное свойство. И потому я думаю, что
противники религіи вообще ошибаются относительно требованій запад-
наго человѣка и что современный міръ потерялъ-бы свое равновѣсіе,
какъ только онъ отдался-бы исключительно еще плохо созрѣвшему
ученію прогресса. Мы всегда нуждаемся въ безконечномъ, вѣчномъ,
абсолютномъ, и такъ какъ наука довольствуется относительнымъ, то
она оставляетъ пустое мѣсто, которое хочется наполнить созерцаніемъ,
культомъ и обожаніемъ.

„Религія есть аромать“, — сказалъ Ваконъ, „который долженъ
мѣшать жизни портиться“, и это въ особенности въ наше время вѣрно
относительно религіи въ платоническомъ и восточномъ смыслѣ. Глубокая
сосредоточенность дѣйствительно есть условіе высокой дѣятель-
ности.

29 января 1866 г. Что составляетъ прелесть этого существо-
ванія, такого голаго и пустого на видъ? Свобода. Что для меня
отсутствіе комфорта и всего, чего недостаетъ въ моемъ жилищѣ?
Эти вещи для меня безразличны. Я нахожу подъ этой крышей свѣтъ,
спокойствіе, убѣжище. Я живу съ сестрой и ея дѣтьми, которыхъ я
люблю. Моя матеріальная жизнь обезпечена. Этого достаточно для
холостяка. При томъ я — человѣкъ привычки, даже болѣе привязанный
къ извѣстнымъ мнѣ непріятностямъ, чѣмъ ищущій радостей мнѣ не-
извѣстныхъ. Стало быть, я свободенъ, и мнѣ недурно. Значитъ мнѣ хо-
рошо здѣсь и я былъ-бы неблагодарнымъ, если бы сталъ жаловаться.
Я и не дѣлаю этого. Это скорѣе вздыхаетъ мое сердце, которое
желаетъ лучшаго и бѣльшаго. Но вѣдь извѣстно, что сердце — нена-
сытныи обжора, и кто же не вздыхаетъ? Это нашъ земной удѣлъ.
Только одни бесплодно мучаются, чтобы удовлетвориться, другіе, пред-
видя результатъ, покоряются, не дѣлая бесплодныхъ и ненужныхъ
усилій. А такъ какъ нельзя быть счастливымъ, и не зачѣмъ тру-
диться, надо ограничиваться строго необходимымъ, жить умѣренно и
воздержанно, довольствоваться малымъ и цѣнить только спокойствіе
совѣсти и чувство исполненнаго долга.

Правда, что въ этомъ не мало честолюбія и что впадаешь въ
другую невозможность. Нѣтъ, самое простое — прямо и просто подчи-
нить себя Богу. Все остальное, какъ говорить Еклезіастъ, есть только
суета и томленіе духа.

Уже давно я знаю и чувствую это и это религіозное отреченіе мнѣ
пріятно и привычно. Вѣдшія волненія, примѣры міра, неизбежное
увлеченіе теченіемъ вещей заставляютъ забывать пріобрѣтенную мудрость

и усвоенныя правила. Вотъ отъ этого-то такъ утомительно жить. Это вѣчное начинаніе сначала несносно до отвращенія. Какъ хорошо-бы было заснуть, когда уже сорвалъ плодъ опыта, когда уже не сопротивляешься вышей воли, когда освободился отъ своего *я*, когда находишься въ мирѣ со всеѣми людьми. — Тогда какъ нужно вновь начинать кругъ искушеній, споровъ, непріятностей, забвеній, впаденія въ прозу, въ *terre-à-terre*, въ пошлость. Какъ это грустно и унижительно! Поэтому-то и торопятся поэты выводить своихъ героевъ изъ борьбы и не волочать ихъ послѣ побѣды по битымъ дорогамъ обыденной жизни. Любимцы боговъ умираютъ молодыми, говорило древнее изреченіе.

Да, но такая судьба льститъ нашему тайному чувству; это наше желаніе, а не воля Бога. Мы должны быть унижаемы, испытываемы, мучимы, искушаемы до конца. Наше терпѣніе есть оселокъ нашей добродѣтели. Переносить жизнь безъ очарованій, безъ надежды, покориться постоянной борьбѣ, любя миръ, не удалаться отъ свѣта, даже когда онъ претитъ, какъ дурное общество, какъ арена дурныхъ страстей, оставаться вѣрнымъ своему Богу, не порывая сношеній съ сектантами ложныхъ боговъ, не убѣгать изъ людской больницы, терпѣливо сидѣть, какъ Іовъ, на своемъ гноищѣ, — вотъ въ чемъ заключается обязанность человѣка. Когда жизнь перестаетъ быть общаніемъ, она не перестаетъ быть обязанностью, и даже настоящее имя жизни — испытаніе.

28 апрѣля 1866 г. Протестантство есть соединеніе двухъ факторовъ — авторитета писаній и свободнаго изслѣдованія; но какъ скоро одинъ изъ этихъ двухъ факторовъ находится въ опасности или исчезаетъ, протестантство исчезаетъ; его замѣняетъ другая форма христіанства, какъ, на примѣръ, братство св. Духа или христіанскій теизмъ. Что касается меня, я не имѣю ничего противъ такого результата; но я считаю друзей протестантской церкви логичными, когда они отказываются отступать отъ символа апостоловъ, и напротивъ, считаю индивидуалистовъ нелогичными, когда они хотятъ сохранить протестантство безъ авторитета.

Вопросъ о методѣ раздѣляетъ два лагеря. Я отдѣляюсь по существу отъ обоихъ лагерей. По-моему, христіанство прежде всего религіозно, а религія не есть методъ; религія есть жизнь высшая, сверхъестественная, жизнь мистическая въ корнѣ своемъ и практическая по своимъ плодамъ; религія есть общеніе съ Богомъ, глубокая и тихая восторженность, лучистая любовь, дѣятельная сила, изливающаяся счастье: однимъ словомъ, религія есть состояніе души.

Споры о методахъ имѣютъ свое значеніе, но значеніе это второстепенно: они не утѣшаютъ сердца, не просвѣтляютъ совѣсти. Поэтому

я вовсе не интересуюсь этой борьбой духовных партій. Пусть остаются побѣдителями тѣ или другіе, сущность дѣла отъ этого ничего не выиграетъ, потому что догматика, критика, церковь не составляютъ религіи, а сущность — въ религіи, въ божественномъ чувствѣ жизни. „Ищите царствія Божія и правды его, а это все приложится вамъ“. Самое христіанское есть самое святое, — вотъ критерій, съ которымъ меньше всего ошибешься. „По этому узнаютъ, что вы мои ученики, если любовь имѣете между собой“. Какое же чловѣкъ, такова и религія. Народный инстинктъ и философскій разумъ сходятся въ этомъ критеріи. Будьте благочестивы, добры, горюичны и терпѣливы, вѣрны и самоотвержены, смиренны и милосердны: и тотъ катехизисъ, въ которомъ вы научились этому, безошибоченъ. Черезъ религію вы живете въ Богѣ, всѣми же этими спорами живешь только съ людьми и съ черными фраками. Такъ что нѣтъ соотвѣтствія.

Совершенство какъ цѣль, примѣръ какъ поддержка, божественное, доказанное только его совершенствомъ: развѣ не въ этомъ все христіанство? Богъ все и во всѣхъ, развѣ не въ этомъ его совершеніе?

13 декабря 1866 г. Большинство нашихъ талаптливыхъ молодыхъ людей смотритъ на чистый и простой скептицизмъ, какъ на охрану свободы мысли. Уничтоженіе суевѣрій представляется высшей славой чловѣка. А я думаю, что это уничтоженіе суевѣрій выгодно тиранніи. Прислушиваясь нынче вечеромъ къ разговору нѣкоторыхъ образованныхъ людей, я думалъ о времени возрожденія, о Птоломеяхъ, о царствованіи Людовика XV, когда веселая анархія мысли соотвѣтствовала деспотизму власти, и обратно, думалъ объ Англіи, Голландіи, Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ политическая свобода покупается извѣстными предвзятыми мнѣніями и необходимыми предразсудками. Для того, чтобы общество не распалось, нуженъ соединяющій его принципъ, слѣдовательно — общее вѣрованіе, всѣми принятыя и неоспариваемыя принципы, рядъ практическихъ аксіомъ и учрежденій, которыя не могутъ быть разрушены всякимъ капризомъ общественнаго мнѣнія настоящаго дня.

Сомнѣніе — соучастникъ тиранніи. „Если народъ не хочетъ вѣрить, онъ долженъ служить“, — сказалъ Токвиль. Всякая свобода влечетъ извѣстную зависимость и налагаетъ свои условія. Вотъ что забываютъ отрицающіе, фрондирующіе умы. Они думаютъ, что можно задуть религію; они не знаютъ, что религію уничтожить нельзя, и что вопросъ только въ томъ, какая она будетъ. Вольтеръ поддерживаетъ Лойолу, и обратно. Между ними не можетъ быть мира, точно также какъ и для общества, вступившаго въ такую дилемму. Разрѣшеніе вопроса — въ религіи, свободной, свободно выбранной, свободно принятой.

...Удивительно ли то, что недоразумѣніе играетъ такую важ-

ную роль въ мірѣ, когда мы видимъ трудность попытокъ написать вѣрный портретъ съ человѣка, котораго изучаешь въ теченіе 20-ти лѣтъ? Впрочемъ, такое усиліе не пропадаетъ даромъ; его награда заключается въ обостреніи внѣшней наблюдательности. Если я обладаю нѣсколько утонченнымъ пониманіемъ другихъ умовъ, я конечно обязанъ этой способности постоянному анализу самого себя и неудачамъ его. Собственно говоря, я всегда бралъ себя предметомъ изученія; самое пріятное въ этомъ было то, что у меня подъ руками, какъ самый вѣрный образчикъ человѣческой природы, былъ человекъ, на которомъ я могъ безъ навязчивости и нескромности слѣдить за всѣми видоизмѣненіями, за самыми сокровенными мыслями, за каждымъ біеніемъ сердца, за всѣми искушеніями его. Я относился къ себѣ совершенно безлично, съ философской точки зрѣнія. Пользуешься тѣмъ, что имѣешь.

11 января 1867 г. Я явственно слышу, какъ капли моей жизни падаютъ въ пожирающую бездну вѣчности. Я чувствую, какъ летятъ мои дни на встрѣчу смерти. Весь тотъ остатокъ недѣль, мѣсяцевъ или лѣтъ, въ теченіе котораго я еще могу упиваться солнечнымъ свѣтомъ, мнѣ представляется не болѣе какъ одною ночью, лѣтнею ночью, которая и за ночь не считается, такъ какъ она вотъ-вотъ кончится.

Смерть! безмолвіе! бездна! — Страшныя тайны для существа, которое стремится къ безсмертію, къ благу, къ совершенству! Гдѣ буду я завтра, черезъ нѣсколько времени, когда я больше не буду дышать? Гдѣ будутъ тѣ, которыхъ я люблю? Куда мы идемъ? Что мы такое? Вѣчныя загадки постоянно стоятъ передъ нами въ ихъ неумолимой торжественности. Тайны со всѣхъ сторонъ! Вѣра — единственная звѣзда въ этомъ морѣ неизвѣстности...

Ну, что же! лишь-бы міръ былъ произведеніемъ блага и лишь-бы сознаніе долга не обмануло насъ. Доставлять счастье и дѣлать добро — вотъ нашъ законъ, нашъ якорь спасенія, нашъ маякъ, смыслъ нашей жизни. Пусть погибнуть всѣ религіи, только-бы оставалась эта; у насъ будетъ идеалъ и стоитъ жить.

15 апрѣля 1867 г. Нынче ночью буря съ дождемъ. Сыро и мрачно передъ окномъ и крыши глянцевиты отъ воды. Весна дѣлаетъ свое дѣло, да, и неумолимые года толкаютъ насъ къ могилѣ.

Да, каждому своя очередь!

Грусть, вялость, усталость! Предвкушеніе вѣчнаго сна охватываетъ меня изрѣдка перебиваемою потребностью жертвы героической, продолжительной. И въ самомъ дѣлѣ и то, и другое суть два различныхъ средства уйти отъ самого себя. Заснуть или отдаться, чтобы умереть своему я: въ этомъ стремленіе сердца. Бѣдное сердце!

17 апреля 1867 г. Проснись, возстань изъ мертвыхъ! Запасъ твоего мужества, вотъ что нужно тебѣ постоянно освѣжать въ самомъ себѣ. По естественному склону твоего характера ты доходишь до отвращенія къ жизни, до унынія, до пессимизма.

„Человѣкъ счастливый, счастливецъ вѣкъ“, по мнѣнію госпожи ***, есть Weltmüde ¹⁾, который представляется счастливымъ передъ людьми и который отвлекается, насколько онъ можетъ, отъ своей тайной мысли, мысли смертельно грустной, мысли о непоправимомъ. Его спокойствіе есть не что иное, какъ скрытое сокрушеніе; его веселость — не что иное, какъ беззаботность разочарованнаго сердца, не что иное, какъ откладываніе на неопредѣленное время надежды на счастье. Его мудрость есть только приспособленіе къ лишеніямъ, вся его кротость скорѣе терпѣливое, чѣмъ сознательное отреченіе. Словомъ, онъ переноситъ свое существованіе безъ радости и не можетъ скрыть отъ себя, что всѣ выгоды этого существованія не наполняютъ душу до дна. Жажда безконечнаго не утолена. Богъ отсутствуетъ.

Чтобы испытать истинное спокойствіе, нужно чувствовать себя руководимымъ, прощеннымъ, поддерживаемымъ высшей силой; нужно чувствовать себя на своемъ пути, на мѣстѣ, назначенномъ Богомъ, въ Его порядкѣ. Эта вѣра даетъ силу и спокойствіе. У тебя нѣтъ ея. То, что есть, кажется тебѣ произвольнымъ, случайнымъ, могущимъ быть или не быть. Ничего изъ того, что съ тобой случается, не кажется тебѣ предопредѣленнымъ, все кажется тебѣ предоставленнымъ на твою отвѣтственность, и эта-то мысль отвращаетъ тебя отъ управленія твоей жизнью.

Ты хотѣлъ отдаться какой-то высшей любви, какой-то благородной цѣли, ты хотѣлъ-бы жить и умереть за идеаль, т. е. за святое дѣло. Разъ ты убѣдился въ невозможности этого, ты ни за что не взялся всѣмъ сердцемъ и только игралъ своей судьбой, обману которой ты уже не подчинялся. Nada! ²⁾.

Ну, что-жь! Сибаритъ, мечтатель, будешь-ли ты до конца продолжать жить такъ, колеблясь между долгомъ и счастьемъ, ни на что не рѣшаясь? Развѣ жизнь не есть испытаніе нашей нравственной силы, и всѣ эти внутреннія колебанія развѣ не искушенія души?

25 января 1868 г. Когда вѣншній человѣкъ разрушается, тогда становится для него главнымъ дѣломъ—вѣрить въ безсмертіе своего существа и думать вмѣстѣ съ апостоламъ, что внутренній человѣкъ обновляется изо дня въ день. А что же дѣлать тѣмъ, которые сомнѣваются въ этомъ и не имѣютъ этой надежды? Весь остатокъ ихъ

¹⁾ Уставшій отъ міра.

²⁾ «Ничего» — по-испански.

жизненнаго пути сводится къ вынужденному расчлененію ихъ маленькаго царства, къ постепенному разрушенію ихъ существа неумолимою судьбой. Тяжело присутствовать при этомъ продолжительномъ умирании, привалы котораго мрачны и послѣдній предѣлъ котораго неизбѣженъ. Понятно, что стоицизмъ признавалъ право самоубійства. Въ чемъ твоя теперешняя вѣра? Не охватило-ли и тебя всеобщее сомнѣніе или, по крайней мѣрѣ, довольно обыкновенное сомнѣніе науки? Ты отстаивалъ безсмертіе души передъ скептиками, но, и заставивъ ихъ замолчать, ты тѣмъ не менѣе въ глубинѣ не увѣренъ въ томъ, что ты не согласенъ съ ними. Ты хотѣлъ-бы обойтись безъ надежды, а между тѣмъ очень вѣроятно, что у тебя на это нѣтъ уже силы, и что тебѣ нужно, какъ и всякому другому, быть поддерживаемымъ, утѣшаемымъ вѣрованіемъ, — вѣрованіемъ въ прощеніе и безсмертіе, т. е. религіознымъ вѣрованіемъ христіанской формы. Разумъ и мысль устаютъ такъ же, какъ мускулы и нервы. Имъ нуженъ сонъ. И этотъ сонъ есть возвращеніе къ дѣтскимъ преданіямъ, къ обычной надеждѣ. Такъ утомительно держаться на исключительной точкѣ зрѣнія, что впадаешь въ предрасудокъ только потому, что опускаешься, также какъ стоящій человѣкъ всегда кончитъ тѣмъ, что опустится на землю въ горизонтальное положеніе.

Что дѣлать, когда все насъ оставляетъ: здоровье, радость, привязанность, свѣжесть чувства, память, способность къ труду, когда намъ кажется, что солнце холодѣетъ, а жизнь какъ будто теряетъ все свои прелести? Какъ быть, когда нѣтъ никакой надежды? Одурманиваться или каменѣть?

Отвѣтъ всегда одинъ: исполненіе долга. Будь что будетъ, если чувствуешь спокойствіе совѣсти, если чувствуешь себя примиреннымъ и на своемъ мѣстѣ. Будь тѣмъ, чѣмъ ты долженъ быть, — остальное дѣло Божье. И если-бы даже не было Бога, святаго и добраго, а было-бы только всеобщее, великое существо, законъ всего, идеаль безъ упости и реальности, долгъ былъ-бы все-таки разгадкой тайны и полярной звѣздой для движущагося человѣчества.

Fais ce que dois, advienne que pourra ¹⁾.

26 января 1868 г. Благословенно дѣтство, которое среди жесткости земли даетъ хоть немного неба. Эти восемьдесятъ тысячъ ежедневныхъ рожденій, о которыхъ говоритъ статистика, составляютъ какъ-бы изліянія невинности и свѣжести, которая борется не только противъ уничтоженія рода, но и противъ человѣческой испорченности и всеобщаго зараженія грѣхомъ. Все добрыя чувства, вызываемыя около

¹⁾ Дѣлай то, что долженъ, а будь, что будетъ.

колыбели и дѣтства, составляютъ одну изъ тайнъ великаго провидѣнія; уничтожьте вы эту освѣжающую росу, и вихрь эгоистическихъ страстей какъ огнемъ высушитъ человѣческое общество. Если предположить, что человѣчество состояло-бы изъ миллиарда безсмертныхъ существъ, число которыхъ не могло-бы ни увеличиваться, ни уменьшаться, гдѣ бы мы были и что бы мы были, великій Боже! Мы стали-бы, безъ сомнѣнія, въ тысячу разъ ученѣе, но и въ тысячу разъ хуже. Знаніе накопилось-бы, но всѣ добродѣтели, которыя зарождаются отъ страданій и преданности, т. е. семья и общество, были-бы мертвы. Не было-бы возмѣщенія.

Благословенно дѣтство за то благо, которое оно даетъ само и за то добро, которое оно производитъ, не зная и не желая этого, только заставляя, позволяя себя любить. Только благодаря ему, мы видимъ на землѣ частичку рая. Безъ родительскихъ чувствъ, я думаю, что самой любви недостаточно было-бы, чтобы препятствовать безсмертнымъ людямъ пожирать другъ друга, разумѣется такимъ людямъ, какими сдѣлали ихъ наши страсти. Ангелы не нуждаются ни въ рожденіи, ни въ смерти для того, чтобы жить, потому что ихъ жизнь небесна.

19 марта 1868 г. Такъ называемыя маленькія вещи составляютъ причину большихъ, потому что онѣ составляютъ ихъ начало, зародышъ; и исходная точка существованій рѣшаетъ обыкновенно все ихъ будущее. Черное пятнышко есть начало появленія гангрены, урагана, революціи, пятнышко и ничего больше. Изъ незамѣтнаго недоразумѣнія можетъ возникнуть ненависть и раздоръ. Огромная лавина начинается съ оторвавшагося атома, пожаръ города — отъ упавшей спички.

Достаточно заткнуть себѣ уши въ залѣ, гдѣ танцуютъ, чтобы вообразить себя въ домѣ сумасшедшихъ. На человѣка, уничтожившаго въ себѣ религіозное сознаніе, всѣ религіозныя культы человѣчества должны производить такое-же впечатлѣніе. Но рискованно ставить себя внѣ закона человѣческаго рода, и считать себя правѣе всѣхъ остальныхъ людей.

Насмѣшники рѣдко жертвуютъ собою. Зачѣмъ они будутъ это дѣлать? Жертва серьезна, а имъ перестать смѣяться — это значитъ выйти изъ своей роли.

Чтобы жертвовать собою, нужно любить; чтобы любить, нужно вѣрить въ дѣйствительность того, что любишь; нужно уметь страдать, забывать себя, отдаваться, словомъ, быть серьезнымъ. Вѣчный смѣхъ есть полное уединеніе, это есть провозглашеніе совершеннаго эгоизма. Чтобы дѣлать людямъ добро, нужно жалѣть ихъ, а не презирать и не говорить о нихъ: дураки! но говорить: несчастные!

Пессимистическій скептикъ и нигилистъ кажутся менѣе холодными, чѣмъ пасмѣпливый атеистъ. Посмотримъ, что говоритъ мрачный Агасоеръ:

Вы, у которыхъ недостаетъ милосердія,
Трепещите при видѣ моего страннаго наказанія:
Богъ мститъ не за свою божественность,
Но за челоуѣчество!

Лучше погибнуть, чѣмъ спастись одному, и несправедливо по отношенію къ своему роду желать быть правымъ, не подѣлившись этою правотою съ другими. Притомъ это такая иллюзія — воображать возможность такой привилегіи, когда все доказываетъ солидарность людей между собой и когда никто не можетъ думать иначе, какъ только при помощи общей мысли, очищенной вѣками культуры и опыта. Абсолютный индивидуализмъ есть глупость. Можно быть одинокимъ въ своей частной и временной средѣ, но каждая изъ нашихъ мыслей и каждое изъ нашихъ чувствъ находитъ, находило и будетъ находить свой отголосокъ въ челоуѣчествѣ. Для нѣкоторыхъ людей — которыхъ большія части челоуѣчества признаютъ своими вождями, реформаторами и просвѣтителями, отголосокъ этого огромнаго и раздается съ особенною силой, но нѣтъ челоуѣка, мысли котораго не производили-бы на другихъ такого-же, хотя и въ много разъ меньшаго дѣйствія. Всякое искреннее проявленіе души, всякое заявленіе личнаго убѣжденія служатъ кому-нибудь или чему-нибудь, даже если не знаютъ объ этомъ и даже когда зажимаютъ вамъ ротъ или когда накидываютъ вамъ мертвую петлю на шею. Слово, сказанное кому-нибудь, сохраняетъ неразрушимое дѣйствіе, какъ всякое движеніе превращается въ инныя формы, не уничтожаясь. Вотъ почему не слѣдуетъ смѣяться, а слѣдуетъ молчать, утверждать себя, дѣйствовать. Нужно имѣть вѣру въ истину, нужно стремиться къ истинному и распространять его; нужно любить людей и служить имъ.

9 апрѣля 1868 г. Провелъ три часа за толстымъ томомъ Лотце (*Geschichte der Aesthetik in Deutschland*). Первое увлеченіе все убывало и кончилось скукой. Почему? Потому что шумъ мельницы усыпляетъ, потому что эти страницы безъ красной строки, эти нескованная главы, это не прекращающееся діалектическое мурлыканіе производятъ на меня дѣйствіе словесной мельницы. Я кончаю тѣмъ, что начинаю зѣвать, какъ простой смертный передъ этими тяжелоуѣсными сочиненіями. Ученость и даже мысли — это еще не все. Немножко ума, остроумія, живости, воображенія, граціи не повредило бы ничему. Остается-ли у васъ въ памяти образъ, формула, поражающій или новый фактъ, когда вы владете на мѣсто эти педагогическія книги? Нѣтъ, у васъ остается усталость и туманъ. О ясность, точность, краткость! Дидро, Вольтеръ и даже Галиани! Ма-

ленькій отрывокъ Сентъ-Бѣва, Шерера, Ренана, Виктора Шербюлье даетъ болѣе наслажденія, заставляетъ больше размышлять, чѣмъ тысячи этихъ нѣмецкихъ страницъ, туго набитыхъ до краевъ, въ которыхъ видишь одинъ трудъ, не видя его результатовъ. Нѣмцы наваливаютъ вязанки дровъ, французы приносятъ искры. Избавьте меня отъ эдукбрацій; подавайте мнѣ фактовъ и мыслей. Оставьте себѣ ваши чаны, вашъ виноградный сокъ, ваши выжимки. Я хочу уже готоваго вина, которое пѣнится въ стаканѣ и возбуждаетъ способности, вмѣсто того, чтобы отягощать ихъ.

26 апрѣля 1868 г. Гулялъ ночью одинъ. То, что видѣлъ, дало мнѣ цѣлый рядъ уроковъ мудрости. Видѣлъ колючіе кусты, покрывшіеся цвѣтами, и какъ вся долина воскресла къ жизни подъ дуновеніемъ весны. Присутствовалъ при ошибкахъ поведенія стариковъ, которые не хотятъ стариться и возмущаются въ своемъ сердцѣ противъ естественнаго закона. Я видѣлъ на дѣлѣ легкомысленные браки и болтливыя проповѣди. Я видѣлъ пустыя печали и достойныя сожалѣнія одиночества. Я слышалъ шуточные разговоры о сумасшествіи и радостныя пѣсни птицъ. И все это сказало мнѣ одно и то же. Приведи себя въ согласіе со всемірнымъ закономъ, прими волю Бога, религиозно трать данную тебѣ жизнь, трудись, покуда свѣтло, будь и серьезень и радостень. Умѣй повторять вмѣстѣ съ апостоломъ: „Я научился быть довольнымъ тѣмъ положеніемъ, въ которомъ нахожусь“.

26 августа 1868 г. Разочарованія, разбитость, усталость, апатія: это та послѣдовательность, которую надо постоянно повторять, пока еще катаешь Сизифову скалу. Ни короче-ли и проще было-бы головой впередъ броситься въ пропасть?

Нѣтъ, всегда только одно рѣшеніе: вернуться къ порядку, принять, подчиниться, отречься и сдѣлать все-таки все, что можешь. Пожертвовать нужно своей волею, своими желаніями, своей мечтой. Разъ навсегда откажись отъ счастья. Уничтоженіе своему „я“ — смерть своему „я“ — это единственное самоубійство, полезное и дозволенное. Въ твоемъ теперешнемъ отреченіи есть скрытая досада, есть оскорбленная гордость, немного упрека, однимъ словомъ, эгоизмъ, потому что есть преждевременное исканіе покоя. Отреченіе совершенно только въ полномъ смиреніи, которое стираетъ свое „я“ для Бога.

У тебя нѣтъ болѣе силъ, ты ничего не желаешь; это не то, что нужно: нужно желать того, чего хочетъ Богъ, нужно переходить отъ отреченія къ жертвѣ и отъ жертвы къ самопожертвованію.

Чаша, которая ты желалъ-бы, чтобы миновала тебя, — это есть казнь твоей жизни: это стыдъ жить и страдать какъ ничтожный

человѣкъ, который не нашель своего призванія,— это горькое и все увеличивающееся униженіе, чувствовать свое умаленіе, чувствовать, что старѣешься, не одобряя самого себя и огерчая своихъ друзей. „Хочешь ты быть испѣленнымъ“—это былъ текстъ воскресной рѣчи: „придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и я дамъ покой душамъ вашимъ“, „и если наше сердце осуждаетъ насъ, Богъ больше, чѣмъ наше сердце“.

16 декабря 1868 г. Я въ тревогѣ за моего бѣднаго милаго друга Шарля Гейма. Съ 30 ноября, когда онъ со мной простился, я не видалъ уже почерка дорогого больного. Какъ длинны показались мнѣ эти двѣ недѣли! Какъ я понялъ теперь это горячее желаніе услышать послѣднія слова, увидать послѣдніе взгляды тѣхъ, кого мы любили. Эти общенія подобны завѣщанію. Они носятъ на себѣ торжественный и священный характеръ. То, что умираетъ, отчасти причастно уже вѣчности. Кажется, что умирающій говоритъ съ нами изъ-за гроба. То, что онъ говоритъ намъ, кажется намъ изреченіемъ оракула, повелѣніемъ. Мы представляемъ его себѣ почти пророкомъ. Очевидно, что для того, который чувствуетъ уходящую жизнь и открывающійся гробъ, наступило время значительныхъ рѣчей. Сущность его природы должна проявиться. То божественное, которое находится въ немъ, не можетъ уже скрываться.

О, не будемъ медлить, чтобы быть справедливыми, сострадательными, внимательными къ тѣмъ, кого мы любимъ, не будемъ ждать, когда они или мы будемъ поражены болѣзью или угрожаемы смертью. Жизнь коротка, и не можетъ быть слишкомъ много времени, чтобы радовать сердце нашихъ спутниковъ въ этомъ мрачномъ переѣздѣ. Поспѣшимъ же быть добрыми.

26 декабря 1868 г. Если мужчина ошибается всегда болѣе или менѣе относительно женщины, это значить, что онъ забываетъ, что онъ и она говорятъ не совсѣмъ однимъ и тѣмъ-же языкомъ и что слова не имѣютъ для нихъ одинъ и тотъ-же вѣсь и одно и то-же значеніе, въ особенности въ вопросахъ чувства. Происходитъ-ли это отъ стыдливости, отъ осторожности или отъ коварства; женщина не высказываетъ никогда всю свою мысль, и даже то, что она о ней знаетъ, есть только часть того, что заключается въ этой мысли. Полная искренность ей представляется невозможною и полное знаніе самой себя ей кажется запрещеннымъ. Если она сфинксъ, то только потому, что она загадка и потому еще, что она столь-же двусмысленна и для самой себя. Ей нѣтъ никакой нужды быть коварной, она тайна. Женщина — это то, что ускользаетъ, что не поддается разуму, неопредѣлимое, нелогичное, противорѣчивое. Съ ней нужно

обращаться съ большою добротою и съ немалымъ благоразуміемъ, она, сама не зная того, можетъ причинить величайшія бѣдствія. Способная на всякія жертвы и на всякія измѣны, „непостижимое чудовище“, потому что она составляетъ отраду для мужчины, его отраду и его страхъ.

Чѣмъ больше любишь, тѣмъ больше страдаешь. Сумма страданій, возможныхъ для каждой души, пропорціональна степени ея совершенства.

Обращать горечь жизненнаго опыта въ благодушіе, неблагодарность въ благодареніе, оскорбленія въ прощеніе, вотъ въ чемъ святая алхимія высокихъ душъ. И это превращеніе должно сдѣлаться столь обычнымъ, столь легкимъ, чтобы оно представлялось людямъ естественнымъ и чтобы никто не одобрялъ насъ за это.

27 января 1869 г. Превращеніе церковнаго и исповѣднаго христіанства въ христіанство историческое есть дѣло библейской науки. Превращеніе историческаго христіанства въ философическое есть попытка почти невозможная потому что вѣра не можетъ совершенно раствориться въ наукѣ. Но выведеніе христіанства изъ области исторической въ область психологическую есть стремленіе нашего времени. Необходимо высвободить вѣчное Евангеліе. Для этого нужно, чтобы исторія и сравнительная философія религій опредѣлили истинное мѣсто христіанства и оцѣнили его. Затѣмъ надо выдѣлить вѣру, которую исповѣдовалъ Іисусъ, отъ той вѣры, которая сдѣлала Іисуса предметомъ своего поклоненія. И когда найдутъ то душевное состояніе, которое составляетъ основную клѣточку, начало вѣчнаго Евангелія, то нужно будетъ его держаться. Это есть *punctum saliens* чистой религіи.

Можетъ быть сверхъестественное будетъ замѣнено необыкновеннымъ, и великіе гени будутъ разсматриваемы какъ посланники Бога исторіи, какъ предопредѣленные избранники, посредствомъ которыхъ духъ Божій движетъ человѣческими массами. Уничтожается не прекрасное, но произвольное, случайное, чудесное. И какъ жалкія плоскія деревенскаго праздника, или ничтожныя восковыя свѣчи процессіи тухнуть передъ величіемъ солнца, потухнутъ всѣ эти маленькія, мѣстные, ничтожныя и сомнительныя чудеса передъ всемірнымъ закономъ дѣйствія великихъ умовъ, передъ несравненнымъ зрѣлищемъ исторіи челоуѣчества, руководимой тѣмъ всемогущимъ драматургомъ, котораго называютъ Богомъ. *Utinam.* (О! Если-бы!)

1 марта 1869 г. Безпристрастие и объективность такъ же рѣдки какъ и справедливость. Личный интересъ есть неисчерпаемый источникъ потворствующихъ иллюзій. Число людей, желающихъ видѣть правду, чрезвычайно мало. Надъ людьми властвуетъ страхъ передъ истиной — если только эта истина имъ не полезна, что сводится къ тому, что выгода составляетъ основу житейской философіи или что истина создана для насъ, а не мы для истины. Фактъ этотъ на столько униженъ, что большинство не хочетъ ни допускать, ни признавать его. И вотъ, такимъ-то образомъ предразсудокъ самолюбія защищаетъ всѣ предразсудки мышленія, которые вытекаютъ изъ уловки эгоизма. Человѣчество постоянно убивало или преслѣдовало тѣхъ, которые нарушали его, основанное на выгодѣ, спокойствіе. Человѣчество совершенствуется только неволью. Единственный, желаемый имъ прогрессъ — это увеличеніе наслажденій. Ко всякому прогрессу справедливости, нравственности, святости, человѣчество было принуждаемо какимъ-нибудь благороднымъ насиліемъ. Самопожертваніе — это наслажденіе великихъ душъ — никогда не было закономъ обществъ. Весьма часто великіе преобразователи для того, чтобы побороть рутину, употребляли одинъ порокъ, какъ орудіе противъ другого; напримѣръ, тщеславіе противъ скупости, жадность противъ лѣни. Однимъ словомъ, человѣческій міръ почти совершенно управляется законами природы, а законъ разума — дрожжи этого грубаго тѣста, только мѣстами приподнимаютъ его.

Европейское лицемѣріе закрываетъ собой лицо передъ добровольными жертвами фанатиковъ Индіи, которые бросаются подъ колесо торжественной колесницы своей великой богини. Но эти жертвы суть только символы того, что происходитъ въ Европѣ, также какъ и вездѣ, символы принесенія въ жертву своей жизни всѣми мучениками великихъ идей. Да, кровожадная и жестокая богиня, — это само человѣчество, которое движется впередъ только раскавленіемъ и раскаливается, только доведя до послѣдней степени ужаса свои преступленія. Отдающіе себя на жертву фанатики представляютъ вѣчный протестъ противъ всемірнаго эгоизма. Мы разрушили только видимыхъ идоловъ, но постоянная жертва существуетъ вездѣ, и вездѣ избранники поколѣній страдаютъ ради спасенія массъ. Въ этомъ строгій, горькій и таинственный законъ солидарности. Погибель и взаимное искупленіе — въ этомъ назначеніе нашего рода.

6 апрѣля 1869 г. Одно необходимо: отдаться Богу. Будь самъ въ порядкѣ и предоставь Богу распутывать мотокъ міра и его судебъ. Пусть будетъ уничтоженіе или безсмертіе! То, что должно быть, — будетъ. То, что будетъ, — будетъ благомъ. Чтобы совершить путь жизни, можетъ быть ничего болѣе не нужно для человѣка, кромѣ

вѣры въ добро. Но нужно быть на сторонѣ Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона въ борьбѣ противъ матеріализма, противъ религіи случая и противъ пессимизма. Можетъ быть даже надо отвергнуть буддѣйскій нигилизмъ, потому что поведеніе будетъ діаметрально противоположно, смотря по тому что мы будемъ трудиться для увеличенія своей жизни, или для уничтоженія ея; будемъ-ли развивать свои способности или методически атрофировать ихъ. Прилагать свои индивидуальныя силы къ увеличенію добра въ мірѣ — этого скромнаго идеала достаточно. Участвовать въ торжествѣ добра это — общая цѣль святыхъ и мудрецовъ: „*Socii Dei sumus*“, повторялъ Сенека послѣ Клеанты.

30 апрѣля 1869 г. Въ религіозное настроеніе входимъ черезъ чувство добровольной зависимости и радостной покорности принципамъ порядка и добра. Въ религіозномъ возбужденіи человѣкъ сосредоточивается, онъ снова находитъ свое мѣсто въ безконечномъ единствѣ, и чувство это свято.

8 декабря 1869 г. Эпикурейство приводитъ къ отчаянію. Философія долга менѣе безотраднa. Но спасеніе заключается въ согласованіи долга и счастья, въ соединеніи личной воли съ волей божественной, въ вѣрѣ, что эта высшая воля управляема любовью.

Истинно счастливые добры, добрые, посѣщаемые испытаніемъ, становятся лучше. Не испытавшіе страданій — легкомысленны, но не имѣющій счастья не умѣетъ и дать его другому. Можно дать лишь то, что самъ имѣешь. Счастье, горе, радость, печаль — все это заразительно. Принесите свою силу и здоровье разслабленнымъ и больнымъ — вы этимъ имъ будете полезны; сообщите имъ не упадокъ воли, но энергію вашу, — вы ихъ поддержите. Только жизнь возбуждаетъ къ жизни. И мы обязаны давать другимъ нашъ хлѣбъ и наше питье, а не нашу жажду и голодъ.

Благодѣтели рода человѣческаго тѣ, которые возвышенно думали о немъ. Но кумирами и господами являются тѣ, которые ему льстятъ и презируютъ его, тѣ, которые муздали, убивали, фанатизировали и эксплуатировали его. Благодѣтелями были: поэты, художники, изобрѣтатели, апостолы, все чистые сердцемъ. Владыками: Кесари, Константины, Григоріи VII, Иннокентіи III, Борджіи, Наполеоны.

23 февраля 1870 г. Испушеніе есть наше природное состояніе, но грѣхъ не есть необходимость. Грѣхъ состоитъ въ умышленномъ смѣшеніи хорошей независимости съ дурною; причина тому полу-нисходительность, съ которою мы принимаемъ первый оправдывающій

насъ софизмъ. Мы закрываемъ глаза на начинающееся зло изъ-за его ничтожества, и въ этой-то слабости и лежить зародышъ нашего паденія. „Principiis obsta“, если-бы точно исполнять это правило, мы избѣгли-бы большинства нашихъ несчастій.

Мы хотимъ повиноваться только своему капризу; иначе сказать, наше дурное *я* не хочетъ Бога, или то, что основа нашей природы непокорна, безбожна, дерзка и осуждаетъ все то, что хочетъ преобладать надъ нею, и потому противно порядку и неудобноуправляемо. Эту-то основу христіанство называетъ естественнымъ человѣкомъ. Но дикарь, который въ насъ живетъ и составляетъ нашу первобытную сущность, долженъ быть дисциплинированъ, цивилизованъ, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ. Человѣкъ же долженъ быть терпѣливо воздѣланъ, чтобы изъ него вышелъ мудрецъ. Мудрецъ же долженъ быть испытанъ, чтобы стать праведнымъ; а праведный долженъ замѣнить свою личную волю волею Божіею, чтобы стать святымъ.

И этотъ-то новый, возрожденный человѣкъ и есть тотъ духовный, небесный человѣкъ, о которомъ упоминаютъ какъ Веда, такъ и Евангеліе, какъ маги, такъ и неоплатоники.

30 марта 1870 г. Конечно природа зла, безстыдна, безчестна и невѣрна; она только милуетъ задаромъ и безумно ненавидитъ и за справедливость возмѣщаетъ только несправедливостью. Счастье нѣкоторыхъ покупается несчастіемъ многихъ. Безполезно разсуждать съ слѣпою силою.

Человѣческое сознание возмущается противъ этого закона, и чтобы удовлетворить своему инстинкту справедливости, оно придумало двѣ гипотезы, изъ которыхъ составило себѣ религію: идею личнаго провидѣнія и гипотезу другой жизни.

Въ этомъ протестъ противъ природы, признанной безнравственной и оскорбляющей. Человѣкъ вѣритъ въ добро и для того, чтобы подчиняться только справедливости, онъ утверждаетъ, что очевидная несправедливость есть только видимость, тайна, иллюзія, и что справедливость восторжествуетъ. *Fiat justitia pereat mundus!* Въ этомъ великое проявленіе вѣры. А такъ какъ человѣчество не сдѣлало себя самого, то есть вѣроятія того, что протестъ этотъ выражаетъ истину. Въ противорѣчій между истиннымъ міромъ и міромъ нравственнымъ, между реальностью и сознаниемъ — торжество должно принадлежать сознанию. Вовсе нѣтъ необходимости въ существованіи міра, но несомнима справедливость, и атеизмъ обязанъ объяснить безусловное упрямство совѣсти въ этомъ отношеніи.

Природа несправедлива: мы — произведеніе природы, почему же мы недовольны и пророчествуемъ о справедливости? Почему слѣдствіе возстаетъ противъ причины? Происходитъ-ли это возмущеніе отъ

пустого и дѣтскаго тщеславія? Нѣтъ, это крикъ, вырвавшійся изъ глубины нашего существа, и крикъ этотъ во славу Божию! Небо и земля могутъ уничтожиться; но добро должно существовать, а несправедливость быть уничтожена. Таково *credo* человечества. Духъ побѣдить природу, бессмертное восторжествуетъ надъ временемъ.

1 апрѣля 1870 г. Мнѣ кажется, что для женщины любовь есть высшій авторитетъ, судящій обо всемъ и рѣшающій вопросы добра и зла. Для мужчины любовь подвластна добру; она — великая страсть, но не есть источникъ порядка, синонимъ разума, безусловный критерій превосходства. Кажется, что для женщины идеаломъ служить совершенство любви, какъ для мужчины — совершенство справедливости. Въ этомъ смыслѣ и могъ сказать апостолъ Павелъ, что женщина слава мужчины, а мужчина слава Божія. Поэтому женщина, вся поглощенная предметомъ своей нѣжности, находится, такъ сказать, на природномъ пути; она вполнѣ женщина и осуществляетъ свой основной образъ. Напротивъ, мужчина, который ограничилъ-бы свою жизнь въ супружескомъ обожаніи и который считалъ-бы, что пожилъ достаточно, сдѣлавшись жрецомъ любимой женщины — былъ-бы полумужиной; его презираетъ свѣтъ, а, втайнѣ, можетъ быть, и сами женщины.

Истинно любящая женщина хочетъ потеряться въ сіяніи любимаго человѣка; она хочетъ, чтобы любовь ея сдѣлала мужчину болѣе великимъ, болѣе сильнымъ, болѣе мужественнымъ, болѣе дѣятельнымъ. Поэтому каждый полъ исполняетъ свое назначеніе: женщина какъ-бы предназначена мужчинѣ, а мужчина — обществу. Она отдается одному, онъ — всемъ. И каждый изъ нихъ только тогда находитъ спокойствіе и счастье, когда познаетъ этотъ законъ и послѣдуетъ ему.

26 октября 1870 г. Общественная жизнь опирается на сознание, а не на науку. Цивилизація, прежде всего, дѣло нравственное. Если нѣтъ честности, нѣтъ уваженія къ праву, нѣтъ уваженія къ обязанностямъ, нѣтъ любви къ ближнему, словомъ, если нѣтъ добродѣтели — все находится въ опасности, все рушится; и ни науки, ни искусства, ни роскошь, ни промышленность, ни риторика, ни полиція, ни таможня не въ состояніи задержать висящее на воздухѣ зданіе, не имѣющее основанія.

Государство, основанное только на расчетѣ и скрѣпленное страхомъ, представляетъ сооруженіе и гнусное и непрочное. Средняя нравственность массъ и достаточное проявленіе добродѣтели есть фундаментъ всякой цивилизаціи, краеугольнымъ камнемъ его служить долгъ. Тѣ, которые въ тиши исполняютъ его, подавая этимъ добрый примѣръ, являются такимъ образомъ спасеніемъ и поддержкою того блестящаго свѣта, который и не знаетъ о нихъ. Десять праведни-

ковъ могли спасти Содомъ, но нужны тысячи и тысячи добрыхъ людей, чтобы предохранить народъ отъ развращенія и гибели.

Если нравственность народа страдаетъ отъ невѣжества и страстей, то, съ другой стороны, нужно сознаться, что нравственный индифферентизмъ есть болѣзнь людей высококультурныхъ. Этого-то разладъ между просвѣщеніемъ и добродѣтелью, между мыслью и совѣстью, между умственной аристократіей и честной и грубой толпой, представляетъ наибольшую опасность для свободы. Увеличеніе числа эстетиковъ, сатириковъ, скептиковъ, блестящихъ говорунновъ указываетъ на химическое разложеніе общества. Примѣръ: вѣкъ Августа и Людовика XV. Пресыщенные насмѣшники — это эгоисты, которые освобождаютъ себя отъ общихъ обязанностей и которые, освободивъ себя отъ всякаго усилія, не противодействуютъ никакому бѣдствію. Утонченность ихъ состоитъ въ отсутствіи сердца. Это удаляетъ ихъ отъ истинной человѣчности, приближая ихъ къ природѣ демонической. Чего недоставало Мефистофелю? Не ума, конечно, а доброты.

16 ноября 1870 г. Глядя въ глубину бездны, испытываешь что-то захватывающее, ошеломляющее и неизяснимое, а каждая душа есть та-же бездна, тайна любви и состраданія. Проникая въ глубину этого святилища, слыша сладкій шопотъ молитвъ, жалобъ, гимновъ, исходящихъ изъ глубины сердца — я всякій разъ испытываю чувство священнаго трепета: съ нѣжнымъ умиленіемъ и съ религіозной сдержанностью присутствую я при этихъ невольныхъ признаніяхъ. Это мнѣ кажется чудеснымъ, какъ поэзія, и божественнымъ, какъ всякое рожденіе. Я смолкаю, преклоняюсь и обожаю. Если не могу — то утѣшаю и подкрѣпляю.

4 февраля 1871 г. Вѣчное напряженіе характеризуетъ новѣйшую нравственность. Это болѣзненное стремленіе замѣнило собою гармонію, равновѣсіе, радость, т. е. бытіе. Мы всё представляемъ изъ себя фавновъ, сатировъ, силенъ, стремящихся стать ангелами, уродовъ, старающихся себя прикрасить, неуклюжихъ кризалидъ (chrysalides), съ трудомъ производящихъ каждая свою бабочку. Идеаль — уже не ясная красота души, а ужасъ Лаокоона, отбивающагося отъ гидры зла. Жребій брошенъ. Нѣтъ больше людей совершенныхъ и счастливыхъ, есть только кандидаты на небо — валторжники на землѣ.

22 февраля 1871 г. Вечеръ у М***. Человѣкъ тридцать самага лучшаго общества; счастливое распредѣленіе половъ и возрастовъ. Сѣдые головы, молодежь, умныя лица... Все въ роскошной и блестящей обстановкѣ. Въ свѣтѣ надо дѣлать видъ, что будто живешь амврозіей и не имѣешь никакихъ заботъ, кромѣ благородныхъ: забота, нужда, страсть — не существуютъ. Всякая реальность устранена, какъ нѣчто слишкомъ грубое.

Однимъ словомъ, то, что называется большимъ свѣтомъ, живетъ мгновенною и льстящею иллюзіей, что оно находится въ эфирномъ состояніи и дышетъ миеологическою жизнью. А потому всякая страстность, всякій крикъ природы, всякое истинное страданіе, всякая необдуманная фамиллярность, всякій признакъ истинной страсти поражаютъ и дѣлаютъ диссонансъ въ этой утонченной средѣ и мгновенно уничтожаютъ совокупное произведеніе этого дворца изъ облаковъ, эту волшебную, воздвигнутую съ общаго согласія, архитектуру.

29 іюль 1871 г. Жизнь состоитъ въ непрерывномъ обновленіи. Въ этомъ искусствѣ Гёте, Шлейермахеръ, Гумбольдтъ были великими мастерами. Чтобы сохранить въ себѣ жизнь, необходимо постоянно молодѣть помощью внутреннаго обновленія и платонической любви. Душа должна непрерывно совершенствоваться, испытывать себя во всѣхъ своихъ состояніяхъ, звучать всеми фибрами, создавать самой себѣ новые интересы...

Письма и эпиграммы Гёте, которыя я читалъ сегодня, не возбуждаютъ любви къ нему. Почему? потому что въ немъ мало души. Его пониманіе любви, религіи, долга, патріотизма имѣетъ что-то мелочное и отталкивающее. Ему не достаетъ горячности, великодушія.

Скрытая сухость, плохо скрываемый эгоизмъ проглядываютъ сквозь этотъ богатый и гибкій талантъ.

Правда, что этотъ Гётевскій эгоизмъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то преимущество, что онъ уважаетъ свободу каждаго и привѣтствуетъ всякую оригинальность, но онъ не помогаетъ никому въ ущербъ себѣ, онъ ни за кого не мучится, не отягчаетъ себя чужимъ бременемъ, словомъ, въ немъ нѣтъ состраданія, этой великой христіанской добродѣтели. Совершенство для Гёте состоитъ въ личномъ благородствѣ, а не въ любви. Его центръ — эстетика, а не нравственность. Ему не понятна святость, и онъ никогда не далъ себѣ труда подумать надъ страшною загадкою зла.

Онъ спиновистъ до мозга костей. Онъ вѣритъ въ личную удачу, но не въ свободу и въ отвѣтственность.

Это грекъ лучшаго времени, котораго не коснулся внутренній переломъ религіознаго сознанія. Такимъ образомъ онъ изображаетъ состояніе души, предшествующее или послѣдующее христіанству, то, что осторожные критики нашего времени называютъ современнымъ духомъ; и современнымъ духомъ, разсматриваемымъ только въ одномъ своемъ направленіи, именно въ культъ природы, такъ какъ Гёте всегда чуждъ социальныхъ и политическихъ стремленій толпы и нисколько не интересуется обездоленными, слабыми, угнетен-

ными, такъ-же, какъ и не интересуется ими и сама природа. Недомоганіе нашего времени не существуетъ для Гёте и для его школы. И это понятно: диссонансы не существуютъ для глухихъ. Тотъ, кто не слышитъ голоса совѣсти, голоса сожалѣнія и раскаянія, не можетъ понять волненія тѣхъ, которые признають двухъ властителей, два закона, и которые принадлежать двумъ мірамъ: миру природы и міру свободы.

15-го августа 1871 г. Прочитана 2-ой разъ „Жизнь Иисуса“ Ренана, 16-тое популярное изданіе. Характерно въ этомъ анализѣ христіанства то, что грѣху не отведено въ немъ роли. А между тѣмъ, если что объясняетъ успѣхъ Благой Вѣсти среди людей, то это то, что она принесла имъ освобожденіе отъ грѣха, т. е. спасеніе. Слѣдовало-бы, однако, религіозно истолковывать религію, а не скрадывать центра ея предмета. Этотъ бѣло-мраморный христосъ не тотъ, который давалъ силу мученикамъ и осушалъ столько слезъ. Авторъ лишень нравственной серьезности и смѣшиваетъ благородство со святостью.

Онъ говоритъ какъ чуткій артистъ о трогательномъ предметѣ, но совѣсти его какъ будто не принимаетъ участія въ вопросѣ.

Какъ смѣшивать эпикуреизмъ воображенія, наслаждающагося эстетическимъ зрѣлищемъ, съ муками души, страстно ищущей истину?

Въ Ренанѣ есть остатокъ семинарской хитрости; онъ давитъ священными веревками. Пускай-бы онъ обращался съ своей слащавой презрительностью къ болѣе или менѣе хитрящему духовенству, но къ искреннимъ душамъ слѣдовало-бы обращаться съ искренностью болѣе уважительной. Издѣвайтесь надъ фарисействомъ, но говорите прямо съ людьми честными.

29 декабря 1871 г. Читалъ Банзена: критика эволюціонизма Гегеля-Гартмана во имя принциповъ Шопенгауэра. Что за писатель! Онъ, бѣснуясь, производитъ море чернилъ, которое скрываетъ во мракѣ его мысль, и что за ученъе! Отчаянный пессимизмъ, находящій міръ безумнымъ, „положительно идиотичнымъ“. Онъ упрекаетъ Гартмана въ томъ, что онъ допустилъ хоть немного логичности въ эволюціи міра, тогда какъ эволюція эта существенно противорѣчива, и малая частичка разума находится только въ головѣ разсуждающаго. Изъ всѣхъ возможныхъ міровъ тотъ, который существуетъ самый дурной. Единственное его оправданіе то, что онъ самъ собою стремится къ разрушенію. Надежда философа только въ томъ, что разумныя существа сократятъ агонію этого міра и ускорятъ возвращеніе всего въ ничто. Это сатанинская, отчаянная философія, которая не даетъ даже тѣхъ перспективъ самоотреченія, которыя даетъ буддизмъ разочарованной душѣ. Личность можетъ только протестовать и проклинать.

Этотъ бѣшеный Сиваизмъ вытекаетъ изъ представленія о томъ, что мѣръ произошелъ отъ слѣпой воли и что она составляетъ начало всего.

Эволюціонизмъ, фатализмъ, пессимизмъ, нигилизмъ: и не странно-ли видѣть расцвѣтъ этого ужаснаго и отчаяннаго ученія въ то самое время, когда нѣмецкій народъ празднуетъ свое величіе и свои побѣды? Контрастъ такъ поразителенъ, что заставляетъ задуматься. Это—оргія философской мысли, отождествляющей заблужденіе съ самимъ существованіемъ и развивающей прудоновскую аксіому: „Богъ есть—зло“, она приведетъ толпу къ христіанству, которое не есть ни оптимизмъ, ни пессимизмъ, но которое объявляетъ благо доступнымъ, называя его „вѣчной жизнью“.

Насмѣшка надъ самимъ собою, сопротивленіе всякому внутреннему единству, всякой истинной серьезности, изъ болѣзни обмана и глупости,—вотъ къ чему приводитъ одинъ умъ, если совѣсть не вмѣшается въ дѣло.

Ясное представленіе объ обязанности должно служить балластомъ для ума, иначе умъ захлебнется въ недугѣ и горечи.

7 февраля 1872 г. Ничего нельзя сдѣлать безъ вѣры, но вѣра можетъ уничтожить всякую науку.

Что же это за Протей, и откуда онъ?

Вѣра есть достовѣрность безъ доказательствъ. Какъ достовѣрность, она составляетъ энергическое побужденіе къ дѣятельности; какъ нѣчто недоказанное—она составляетъ противоположность наукѣ. Отъ этого ея два вида и два различные вывода изъ нея. Въ чемъ ея исходная точка? Въ мысли? Нѣтъ; мысль можетъ поколебать и утвердить вѣру, но не можетъ породить ее. Гдѣ ея происхожденіе? Въ волю? Нѣтъ; добрая воля можетъ содѣйствовать ей, злая воля можетъ препятствовать ей, но вѣрятъ люди не вслѣдствіе воли, и вѣра не есть обязанность! Вѣра есть чувство, потому что въ ней заключается надежда, она инстинктъ, потому что она предшествуетъ всякому внѣшнему поученію. Вѣра есть наслѣдство рождающейся личности, есть то, что соединяетъ ее со всѣмъ существующимъ. Личность отдѣляется только съ трудомъ отъ лона матери, съ усиліемъ только объединяется среди окружающей ее природы, отдѣляется отъ любви, окружавшей ее, отъ идей и колыбели, содержавшихъ ее. Она рождается въ единеніи съ человѣчествомъ, міромъ и Богомъ. Слѣдъ этого первобытнаго единенія и есть вѣра. Вѣра есть воспоминаніе того неопредѣленнаго эдема, изъ котораго вышла наша личность и въ которомъ она жила въ сомнамбулическомъ состояніи, предшествовавшемъ личной жизни.

Наша индивидуальная жизнь состоитъ въ выдѣленіи себя изъ нашей среды, въ воздѣйствіи на нее и сознаніи ея, посредствомъ котораго мы и дѣлаемся духовными, т. е. разумными и свободными

личностями. Наша первоначальная вѣра составляетъ только матеріалъ, перерабатываемый нашимъ опытомъ жизни, и который, вслѣдствіе нашихъ разнообразныхъ приобретаемыхъ познаній можетъ совершенно потерять свою форму. Мы можемъ умереть, не найдя той гармоніи, которую даетъ намъ личная вѣра, удовлетворяющая нашъ разумъ, нашу совѣсть и наше сердце, но потребность вѣры никогда не оставляетъ насъ. Она есть постулатъ высшей всеогласующей истины. Она есть двигатель всякаго изслѣдованія, она указываетъ возможность награды, указываетъ путь.

Такова, по крайней мѣрѣ, вѣра совершенная. Суевѣрная вѣра дѣтства, та, которая никогда не знала сомнѣній, не знала науки, та, которая не уважаетъ, не понимаетъ и не терпитъ противныхъ убѣжденій—это вѣра ненависти, это мать всѣхъ фанатизмовъ.

Чтобы обезоружить въ насъ вѣру, лишить ее ея ядовитости, она должна быть подчинена любви къ истинѣ. Высшій культъ истины есть единственный способъ очищенія всѣхъ религій, всѣхъ исповѣданій, всѣхъ сектъ.

Вѣра должна быть на второмъ мѣстѣ, потому что у нея есть судья.

Когда она становится высшимъ судьей, міръ впадаетъ въ рабство; христіанство IV и XVI вѣка даетъ намъ доказательство этого.

Очищенная вѣра побѣдитъ ли когда вѣру грубую? Будемъ надѣяться на лучшее будущее.

Трудность, однако, вотъ въ чемъ. Вѣра ограниченная имѣетъ гораздо больше энергіи, чѣмъ вѣра просвѣщенная; міръ принадлежитъ болѣе волѣ, чѣмъ мудрости. И потому нельзя быть увѣреннымъ, что свобода восторжествуетъ надъ фанатизмомъ, притомъ же независимость мысли никогда не будетъ имѣть грубой силы предразсудка. Разрѣшеніе вопроса въ раздѣленіи труда. Послѣ тѣхъ, которые высвободятъ идеалъ чистой и свободной вѣры, придутъ насильники, которые вложатъ эту вѣру въ предразсудки и учрежденія. Развѣ не то же самое случилось съ христіанствомъ. Но все-таки христіанство сдѣлало больше добра, чѣмъ зла человѣчеству. Такъ двигается міръ послѣдовательнымъ гніеніемъ все высихъ и высихъ идей.

30 августа 1872 г. Эдукубраціи à rigori надоѣли мнѣ теперь до крайности.

Всѣ схоластическія теоріи заставляютъ меня сомнѣваться въ томъ, что онѣ доказываютъ, потому что, вмѣсто того, чтобы исвать, онѣ уже съ самаго начала утверждаютъ. Ихъ задача въ томъ, чтобы создавать укрѣпленія вокругъ предразсудка, а не въ томъ, чтобы отгрызать истину.

Онѣ собираютъ тучи, а не солнечные лучи. Всѣ онѣ придерживаются католическаго пріема, исключашащаго сравненіе и изслѣдованіе.

Главное дѣло для нихъ овладѣть согласіемъ, дать аргументы для вѣры и уничтожить изслѣдованія.

Чтобы убѣдить меня, нужно не имѣть предвзятого мнѣнія и прежде всего быть критически искреннимъ, нужно дать мнѣ осмотрѣться, ознакомить меня съ вопросами, съ ихъ происхожденіемъ, трудностями, различными попытками разрѣшеній и степенью ихъ вѣроятности.

Я хочу, чтобы уважали мой разумъ, мою совѣсть и мою свободу.

Всякій схоластицизмъ есть уловленіе, его власть какъ будто объясняетъ что-то, она только притворяется и ея уваженіе обманчиво. Игральные кости поддѣланы. И послышки предрѣшены. Неизвѣстное предполагается извѣстнымъ, и все остальное вытекаетъ изъ этого. Философія есть полная свобода ума, и поэтому — независимость отъ всякаго предразсудка религіознаго, политическаго и общественнаго. Философія начинается съ того, что она не христіанская, не языческая, не монархическая, не демократическая, не социалистическая, не индивидуалистическая — она критическая и безпристрастная. Пускай это нарушаетъ готовые мнѣнія церкви, государства, исторической среды, въ которой родился философъ. *Est ut est aut non est.* Философъ есть человѣкъ трезвый — среди всеобщаго пьянства, онъ видитъ разсужденія, которымъ охотно подчиняются существа. Собственная природа обманываетъ его менѣе, чѣмъ всякаго другого. Онъ судитъ болѣе здраво о сущности вещей.

Свобода его въ томъ, чтобы видѣть ясно, быть трезвымъ, отдавать себѣ отчетъ.

11 декабря 1872 г. Сколько перегородокъ между нами и предметами! Расположеніе духа, здоровье, всё ткани глаза, стекла нашей клѣточки, туманъ, дымъ, дождь или пыль и даже самый свѣтъ — и все это безконечно измѣняющееся. Гераклитъ говорилъ: „нельзя выкупаться два раза въ одной и той же рѣкѣ“, я-бы сказалъ: нельзя видѣть два раза одинъ и тотъ же пейзажъ, потому что оно это одинъ калейдоскопъ, а зритель — другой.

Мудрость состоитъ въ томъ, чтобы судить и о здоровомъ смыслѣ и о безуміи, подчиняться всеобщей иллюзіи, не будучи обманутымъ ею. Поддаваться игрѣ волшебницы магіи и безъ принужденія играть свою роль въ фантастической трагикомедіи, которая называется Міромъ. Это приличіе всего для человѣка со вкусомъ, умѣющаго рѣзвиться съ рѣзвыми и быть серьезнымъ съ серьезными. Мнѣ кажется, что интеллектуальность приводитъ насъ къ этому. Мысль приводитъ насъ къ сознанию того, что всякая реальность есть только сновидѣніе въ сновидѣніи. Выводитъ насъ изъ сферы волшебныхъ сновидѣній только

страданіе, личное страданіе, выводитъ также чувство обязанности или то, что соединяетъ то и другое — страданіе грѣха; это все та же любовь, однимъ словомъ, нравственныя требованія. Только совѣсть отрываетъ насъ отъ очарованія Маи; она разсѣваетъ пары кейфа, галлюцинаціи опиума и спокойствіе созерцательнаго равнодушія.

Она, совѣсть, вталкиваетъ насъ въ ужасный водоворотъ чело-вѣческаго страданія и чело-вѣческой отвѣтственности. Это будильникъ, это крикъ пѣтуха, который разгоняетъ привидѣнія, это архангелъ, вооруженный мечемъ, который выгоняетъ чело-вѣка изъ его искусственнаго рая.

Идеаль, который себѣ составляетъ жена и мать, то понятіе, которое она имѣетъ о долгѣ и жизни, опредѣляютъ судьбу общества.

Ея вѣра дѣлается путеводною звѣздою супружеской ладьи и ея любовь началомъ жизни, которая опредѣляетъ будущее всѣхъ близкихъ.

Женщина есть спасеніе или гибель семьи. Ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы утишить смятеніе мысли. Ея роль аналогична роли азота въ воздухѣ.

23 мая 1873 г. Основное заблужденіе Франціи заключается въ ея психологіи.

Ей всегда казалось что то, что сказано, все равно, что сдѣлано, точно слово есть дѣло, будто краснорѣчіе можетъ восторжествовать надъ склонностями, привычками, характеромъ, надъ дѣйствительною жизнью, будто говореніе можетъ замѣнить собою волю, совѣсть, воспитаніе. Франція дѣйствуетъ выстрѣлами краснорѣчія, пушекъ или декретовъ; она воображаетъ измѣнить такимъ образомъ природу вещей, и производитъ только фразы или развалины. Она никогда не понимала первой строчки Монтескье: „законы суть необходимыя соотношенія, вытекающія изъ природы вещей“. Она не хочетъ видѣть, что ея безсиліе создать свободу лежитъ въ самой натурѣ ея, ея понятійхъ о личности, обществѣ, религіи, правѣ, долгѣ, въ ея системѣ воспитанія дѣтей.

Она сажаетъ деревья корнями вверхъ и удивляется послѣдствіямъ! Всеобщая подача голосовъ, при ложной религіи и дурномъ народномъ образованіи, заставляетъ ее вѣчно колебаться между анархіей и диктатурой, между краснымъ и чернымъ, между Дантономъ и Лайолой. Сколько еще зарѣжетъ Франція козловъ отпущенія, прежде, чѣмъ покается?

18 августа 1873 г. Тысячи мыслей бродили въ моемъ мозгу. Я думалъ, сколько должно было совершиться историческихъ фактовъ, чтобы создать то, что я видѣлъ: Іудея, Египетъ, Греція, Германія,

Галлія, всё эти вѣка отъ Моисея до Наполеона, и всё географическіе пояса отъ Батавіи до Гвіаны, всё участвовали въ общей работѣ для этого соединенія. Промышленность, наука, искусство, географія, торговля, религія всего человѣческаго рода отражаются во всякомъ человѣческомъ проявленіи и то, что тутъ вотъ передъ нашими глазами, необъяснимо безъ всего предшествующаго. Поразителенъ тотъ фактъ, что нужно сплетеніе цѣлыхъ десятковъ тысячъ людей, чтобы создать *одно* явленіе. Чувствуется присутствіе закона, таинственная мастерская природы.

Преходящій созерцаетъ вѣчное.

22 августа 1873 г. Почему доктора очень часто даютъ плохіе совѣты? — Потому, что они недостаточно индивидуализируютъ свою діагностику и леченіе. Они причисляютъ больного къ категоріи, соответствующей ихъ наукѣ о болѣзняхъ, а между тѣмъ каждый больной своеобразенъ. Можетъ-ли быть основательно леченіе при такой грубой сортировкѣ? Всякая болѣзнь есть простой или сложный факторъ, который увеличивается другимъ всегда сложнымъ факторомъ, а именно — особенностями больного индивидуума, такъ что результатъ есть частная задача, требующая всегда частнаго рѣшенія, въ особенности по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ дѣтства и отъ деревенской жизни. Главный упрекъ мой докторамъ въ томъ, что они оставляютъ истинную задачу, состоящую въ томъ, чтобы понять индивидуумъ, которымъ они заняты въ его отдѣльности. Ихъ приемы изслѣдованія слишкомъ элементарны.

11 сентября 1873 г. Амстердамъ. Только что вышелъ докторъ. Онъ нашель у меня лихорадку и полагаетъ, что выѣхать мнѣ черезъ три дня небезопасно. Я не рѣшаюсь писать своимъ женежскимъ друзьямъ, что возвращаюсь съ морскихъ купаній съ ухудшеннымъ состояніемъ горла и гораздо болѣе разстроенымъ, чѣмъ когда я ѣхалъ туда, и что я потерялъ свое время, свой трудъ, свои деньги и свои надежды.

Этотъ сложный противорѣчивый фактъ наивной надежды, возрождающейся послѣ всѣхъ разочарованій и опыта, почти всегда неблагоприятнаго, объясняется, какъ всё мечты, волею природы, которая хочетъ, чтобы мы были обмануты или, освободившись отъ обмана, поступали, все-таки, какъ обманутые. Скептицизмъ — разумнѣе, но онъ парализуетъ жизнь, уничтожая заблужденія. Зрѣлость ума состоитъ въ томъ, чтобы участвовать въ принудительной игрѣ, притворяясь, что вѣришь въ нее. Эта благодушная снисходительность, смягченная улыбкой, есть лучшій выходъ изъ этого положенія. Предаешься оптической иллюзіи, и эта добровольная уступка похожа на свободу. Разъ ты пойманъ въ существованіе, нужно добродушно подчиняться его зако-

намъ. Борьба съ жизнью приводитъ къ бесполезному ожесточенію, если не допускается самоубійство.

Покорное смиреніе или религіозная точка зрѣнія; разочарованная снисходительность съ отгнѣнкомъ ироніи, или точка зрѣнія свѣтской мудрости: только эти два положенія возможны.

Второе достаточно при разочарованіяхъ и непріятностяхъ, первое-же, я думаю, необходимо въ великихъ страданіяхъ жизни.

Пессимизмъ Шопенгауэра предполагаетъ, по крайней мѣрѣ—здоровье и дѣятельность мысли, чтобы поддержать себя. Но нуженъ стоическій или христіанскій оптимизмъ, чтобы переносить страданія плоти, души и сердца. Чтобы избѣгнуть порывовъ отчаянія, нужно вѣрить, по крайней мѣрѣ, что все есть благо, или что страданіе есть отеческая милость, очистительное испытаніе.

Мой символъ вѣры разрушился, но я вѣрю въ добро, въ нравственный порядокъ и спасеніе; религія для меня состоитъ въ томъ, чтобы жить и умереть въ Богѣ, предаваясь всецѣло святой волѣ, выражающейся въ природѣ и судьбѣ.

Я вѣрю даже въ Добрую Вѣсть, т. е. въ возвращеніе грѣшника въ милость Божию черезъ вѣру въ любовь Отца, который все прощаетъ.

4 октября 1873 г. Каждый человѣкъ переживаетъ все съ самаго начала и ни одна ошибка перваго человѣка не была избѣгнута его тысячнымъ наслѣдникомъ. Общественный опытъ накапливается, а личный опытъ исчезаетъ вмѣстѣ съ личностью. Естественное послѣдствіе этого то, что учрежденія становятся болѣе мудры, безымянная наука увеличивается, но нынѣшній юноша, хотя и болѣе образованный чѣмъ прежде, все также самонадѣянъ и не менѣе подверженъ ошибкамъ, какъ и прежде. Быть можетъ все улучшилось, но самъ человѣкъ положительно не сталъ лучше, онъ только сталъ другимъ. Его недостатки и добродѣтели измѣняютъ только форму, но въ общемъ выводѣ нѣтъ обогащенія. Тысяча вещей идетъ впередъ, девятьсотъ девяносто восемь назадъ,—въ этомъ—прогрессъ. Тутъ нечѣмъ гордиться, хотя можно утѣшиться.

4 февраля 1874 г. У Гаве есть такого рода ошибка. Онъ христіанство дѣлаетъ синонимомъ римскаго католичества и церкви. Я хорошо знаю, что римская церковь дѣлаетъ то-же самое и что съ ея стороны это приравниваніе законно, но научно это несправедливо.

Не слѣдуетъ даже отождествлять христіанства съ евангелиемъ, ни евангеліе съ религіей вообще. Критическая точность должна разсѣивать эти постоянныя смѣшенія, которыми изобилуетъ практика и проповѣдь. Распутывать идеи, различать ихъ, опредѣлять ихъ, ставить ихъ на свое мѣсто—есть главная обязанность науки, когда она ка-

сается такихъ хаотическихъ и сложныхъ вещей какъ нравы, языки или вѣрованія. Запутанность есть условіе жизни, порядокъ и ясность есть признакъ серьезной и побѣдоносной мысли.

Въ старину превратны и ложны были понятія о природѣ, теперь такovy понятія психологическія и нравственныя. Наилучшимъ исходомъ изъ этого столпотворенія вавилонскаго было бы составленіе или подготовленіе науки о человѣкѣ, которая была бы истинно научна.

16 февраля 1874 г. Обращаясь къ толпѣ, которая уже составляетъ силу, а въ понятіи республиканцевъ даже и право, Клеоны всегда кричали, что въ ней кромѣ того и свѣтъ, и мудрость, и мысль, и разумъ. Льстить толпѣ, чтобы сдѣлать себѣ изъ нея орудіе, такова игра этихъ фокусниковъ и претидигитаровъ всеобщей подачи голосовъ. Они притворяются, что обожаютъ маріонетку, которую они заставляютъ двигаться.

Теорія радикализма есть шарлатанство, потому что она предполагаетъ посылки, ложность которыхъ она знаетъ. Она фабрикуетъ оракула, и притворяется, что обожаетъ его откровеніе, она предписываетъ законъ, и дѣлаетъ видъ, что принимаетъ его, она утверждаетъ, что толпа думаетъ, тогда какъ ловкій человѣкъ думаетъ за нее и внушаетъ ей то, что это она, будто-бы, придумываетъ. Льстить, чтобы властвовать, въ этомъ приѣмъ придворныхъ во всѣхъ самодержавіяхъ, любимцевъ всѣхъ тирановъ. Онъ старъ и пошлъ; тѣмъ не менѣе онъ ненавистенъ.

Честная политика должна поклоняться только справедливости и разуму и должна проповѣдывать ихъ народу, который въ среднемъ представляетъ изъ себя дѣтскій возрастъ, а не возрастъ возмужалости. Развращаютъ дѣтство, если говорятъ ему, что оно не можетъ обманываться и что въ немъ больше свѣта, чѣмъ въ тѣхъ, которые предшествуютъ ему въ жизни. Развращаютъ народъ, когда говорятъ, что онъ есть мудрость, ясновидѣніе и обладаетъ даромъ непогрѣшимости.

Монтескье тонко замѣтилъ, что чѣмъ больше собрать мудрецовъ, тѣмъ меньше получится мудрости. Радикализмъ же предполагаетъ, что чѣмъ болѣе соберется невѣждъ, людей, живущихъ страстями и неразумныхъ, въ особенности людей молодыхъ, тѣмъ болѣе выдѣлится изъ нихъ свѣта.

27 февраля 1874 г. Среди народовъ съ очень развитою общественностью, личность боится болѣе всего смѣшного, а быть оригинальнымъ—кажется смѣшнымъ. Никто не хочетъ быть въ сторонѣ отъ общества, каждый хочетъ быть со „всеми“. Общее мнѣніе—это вели-

кая сила, она есть властелинъ и называется *вст*. *Вст* одѣваются, *вст* обѣдаютъ, *вст* гуляютъ, *вст* выходятъ, *вст* входятъ—вотъ такъ, а не вотъ этакъ. Эти *вст* всегда правы, что бы они ни дѣлали. Подданные *встхъ* болѣе низкопоклонны передъ ними, чѣмъ рабы Востока передъ падишахомъ. Прихоть этого властелина рѣшаетъ безапелляціонно; его капризъ есть законъ. То, что говорятъ или дѣлаютъ *вст*, называется обычаемъ, то, что они думаютъ, называется мнѣніемъ, то, что они находятъ прекраснымъ или хорошимъ, называется модой.

У народовъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, *вст*—есть мозгъ, сознание, сужденіе, вкусъ и разумъ людей, каждый находитъ все рѣшеннымъ, помимо своего участія; онъ избавленъ отъ напряженія обдумывать и рѣшать чтобы-то ни было. Ему нечего бояться, только бы онъ подражалъ, копировалъ и повторялъ образцы, представляемые ему *встми*; онъ знаетъ все, что нужно знать, и спасенъ.

29 апреля 1874 г. Наше сознание подобно книгѣ, листы которой, перевертываемые жизнью, послѣдовательно закрываютъ другъ друга вслѣдствіе своей непрозрачности; и хотя-бы книга была открыта на страницѣ настоящаго, вѣтеръ всякую минуту можетъ перевернуть листы и открыть передъ нами первыя страницы. Быть можетъ при смерти листы перестанутъ прикрывать другъ друга и мы увидимъ все наше прошедшее сразу? Можетъ быть это будетъ переходъ отъ послѣдовательнаго къ одновременному, т. е. отъ времени къ вѣчности? Можетъ быть мы поймемъ тогда въ ея единствѣ всю поэму или таинственный эпизодъ нашего существованія, произносимый до того времени по-складамъ—фраза за фразой? Не оттого-ли часто облекается такимъ величіемъ (побѣды надъ смертью) лицо и чело тѣхъ, которые только что умерли? Тутъ есть аналогія съ положеніемъ путешественника, достигшаго вершины большой горы, откуда развертывается передъ нимъ вся панорама страны, видѣнная прежде урывками. Обозрѣвать свою собственную исторію, угадывать смыслъ ея во всеобщей гармоніи и въ божескомъ планѣ—это было бы началомъ блаженства. До этого приносились жертвы ради порядка, теперь-же намъ становится доступно наслажденіе красотой его. То мы были исполнителями подъ управленіемъ калельмейстера, теперь становимся изумленными и восхищенными слушателями. То мы видѣли только свою маленькую тропинку въ туманѣ; теперь-же чудесная панорама неизмѣримыхъ перспективъ развертывается вдругъ передъ ослѣпленнымъ взоромъ. Почему-же и не такъ?

1 сентября 1874 г. Равнодушная природа? Сатанинская сила? Или добрый, праведный Богъ? Три точки зрѣнія. Вторая—неправдо-

подобна и ужасна. Первая—призываетъ къ стоицизму. Мой организмъ былъ скорѣе слабымъ. Онъ протянулся сколько могъ. Каждому своей чередъ, нужно покориться. Уничтожиться сразу это особенное счастье; но ты будешь погибать понемножку. Покорись. Раздраженіе было бы бессмысленно и бесполезно. Ты все-таки изъ лучше надѣленныхъ и твоя доля выше средней.

Одна третья точка зрѣнія можетъ дать радость. Но допустима ли она? Есть ли особый промыселъ Божій, руководящій всеми обстоятельствами нашей жизни и, слѣдовательно, посылающій намъ наши несчастія въ воспитательныхъ цѣляхъ? Эта героическая вѣра совмѣстима ли съ нынѣшнимъ знаніемъ законовъ природы? Трудно. Но можно субъективировать то, что эта вѣра признаетъ объективнымъ. Нравственное существо можетъ придать нравственный смыслъ своимъ страданіямъ, пользуясь естественнымъ явленіемъ для своего внутренняго воспитанія. То, чего оно не можетъ измѣнить—оно называетъ волей Бога, желать же того, чего желаетъ Богъ—доставляетъ ему миръ. Природа равнодушна и къ нашей стойкости, и къ нашей нравственности. Богъ же, напротивъ, если Онъ есть, хочетъ нашей святости и, если страданіе очищаетъ насъ, мы можемъ утѣшаться въ страданіи. Въ этомъ-то и состоитъ высшее преимущество христіанской вѣры; она есть торжество надъ страданіемъ, побѣда надъ смертью. Одно только нужно: смерть грѣху, умерщвленіе собственной воли, сыновняя жертва своими желаніями. Зло есть желаніе своего, т. е. своего тщеславія, своей гордости, своей чувственности, даже своего здоровья. Благо есть желаніе своей доли, принятіе своего назначенія и соединенія съ нимъ, желаніе того, что велитъ Богъ, отреченіе отъ того, что Онъ намъ запрещаетъ, согласіе съ тѣмъ, въ чемъ онъ насъ поправляетъ или въ чемъ отказываетъ намъ.

21 сентября 1874 г. Когда вѣнецъ молодости блекнетъ на нашемъ челѣ, постараемся, по крайней мѣрѣ, имѣть добродѣтели зрѣлости; будемъ дѣлаться лучше, кротче, степеннѣе, какъ плодъ винограда по мѣрѣ того, какъ листья желтѣютъ и опадаютъ.

Умѣть старѣться есть верхъ мудрости, и одна изъ самыхъ трудныхъ сторонъ великаго искусства жить.

Тотъ, кто требуетъ отъ жизни только улучшенія своего существа, нравственнаго усовершенствованія въ смыслѣ внутренняго удовлетворенія и религіозной покорности, менѣе, чѣмъ кто-либо, подверженъ опасности не исполнить призванія своей жизни.

22 января 1875 г. Французскій умъ, по Джиоберти, принимаетъ только форму истины и преувеличиваетъ ее, изолируя ее такъ, что исчезаютъ тѣ дѣйствительности, которыми онъ занятъ. Онъ принимаетъ тѣнь за добычу, слово за вещь, кажущееся за дѣйствительность и абстрактную формулу за истинное. Онъ не выходитъ изъ умственныхъ ассигнацій. Поговорите съ французомъ объ искусствѣ, объ языкѣ, о религіи, о государствѣ, о долгѣ, о семьѣ, и вы почувствуете въ его манерѣ говорить, что его мысль остается внѣ предмета, что она не входитъ въ его сущность, въ его сердцевину. Онъ не старается понять ее въ ея существенномъ, но только—сказать о ней что-либо похожее на правду. Въ его устахъ самыя прекрасныя слова дѣлаются узкими, пустыми; напр., умъ, идея, религія. Этотъ умъ поверхностенъ и не обнимаетъ вещей, онъ колеблется съ тонкостью, но не проникаетъ. Французскій умъ хочетъ наслаждаться собой по поводу вещей; но онъ не имѣетъ уваженія, безпристрастія, терпѣнія, забвенія себя, которые необходимы, чтобы понимать вещи такими, каковы онѣ есть. Это не философскій умъ, но только поддѣлка подъ него, потому что онъ не содѣйствуетъ разрѣшенію ни одной задачи и безсиленъ схватить все, что живо, сложно и конкретно. Абстракція есть его первородный порокъ, самонадѣяльность—его неизлечимый недостатокъ и правдоподобность—его роковой предѣлъ.

Французскій языкъ не можетъ выразить ничего рождающагося, зачинающагося, онъ изображаетъ только послѣдствія, результаты, *carut mortuum*, но не причину, не движеніе, не силу, не совершеніе какого-бы то ни-было явленія. Онъ аналитиченъ и описателенъ, но онъ ничего не объясняетъ, потому что онъ не показываетъ началъ и образованія изъ ничего. Кристаллизація не есть для него таинственный актъ, посредствомъ котораго вещество переходитъ изъ состоянія жидкаго въ состояніе твердое, а только послѣдствіе этого акта.

Жажда истины не французская черта. Во всемъ предпочитается то, что кажется, тому, что есть, внѣшнее—внутреннему, фасонъ—матеріи, то, что блеститъ, тому, что служитъ, мнѣніе людей—сознанію. Это значитъ, что центръ тяжести француза всегда внѣ его, въ другихъ, въ публикѣ. Отдѣльныя личности—нули; единицы, которыя дѣлаютъ изъ нихъ число, сообщаются имъ извнѣ; эти единицы суть—государь, модный писатель, любимый журналъ, словомъ, мгновенный хозяинъ моды. Все это можетъ происходить отъ чрезынрной общительности, которая убиваетъ въ душѣ мужество сопротивленія, способность изслѣдованія и личнаго убѣжденія, уничтожаетъ стремленіе къ идеалу.

27 января 1875 г. Ламартинъ въ „Прелюдіяхъ“ удивительно выразилъ тяжесть блаженства для слабаго существа. Я подозреваю,

что причина этой тяжести есть вторженіе безконечнаго въ существо конечное. Тутъ есть головокруженіе, ищущее поглощенія (слиянія съ безконечнымъ). Слишкомъ интензивное ощущеніе жизни стремится къ смерти. Для человѣка умереть, это значитъ стать Богомъ. Трогательная иллюзія. Посвященіе въ великую тайну!

16 августа 1875 г. Жизнь есть только ежедневное колебаніе между возмущеніемъ и покорностью, между истиннымъ личности, которая стремится расширяться и наслаждаться въ своей неприкосновенности, въ своемъ царственномъ величїи, и истинномъ души, который стремится къ повиновенію всеобщему порядку, къ принятію воли Бога.

Холодное отреченіе разочарованнаго разума не есть миръ. Миръ состоитъ только въ примиреніи съ судьбой, когда судьба является благой въ религіозномъ смыслѣ, т. е. когда человѣкъ чувствуетъ себя непосредственно въ присутствїи Бога. Тогда только воля покоряется. Но совершенно она покоряется только тогда, когда она обожаетъ. Душа подчиняется жестокостямъ судьбы, только когда пойметъ великое возмездіе за нихъ, состоящее въ любви Всемогущаго. Другими словами—она не можетъ привыкнуть ни къ скудости, ни къ голоду, она ужасается пустоты, и ей нужно счастье надежды или счастье вѣры. Она можетъ легко переменить объектъ надежды, но объектъ нуженъ ей. Она откажется отъ своихъ прежнихъ идоловъ, но она будетъ требовать другого культа. Душа алчетъ и жаждетъ счастья и если бы даже все покинуло ее, она никогда не признаетъ себя покинутой.

26 октября 1875 г. Всѣ начала — тайны; причина всякой индивидуальной или коллективной жизни—тайна, т. е. нѣчто неподдающееся разуму, неизяснимое, неопредѣленное. Однимъ словомъ: всякая индивидуальность есть неразрѣшимая загадка и никакое начало не объясняется. Въ самомъ дѣлѣ, все то, что сдѣлалось, объясняется прошедшимъ, но начало чего-бы то ни-было не сдѣлалось. Оно представляетъ всегда fiat lux, начальное чудо, твореніе; потому что оно не есть слѣдствіе чего-либо другого: оно является только между прежними вещами, которыя составляютъ ему среду, случай, обстановку, но которыя сопутствуютъ его появленію, не понимая, откуда оно явилось.

Быть можетъ также истинныхъ индивидуумовъ нѣтъ, а—въ этомъ случаѣ нѣтъ и начала, кромѣ одного только первоначальнаго толчка, перваго движенія. И всѣ люди составляютъ только одного двухполагаго человѣка, и человѣкъ не отдѣляется отъ животнаго и животное

отъ растенія и единственный индивидуумъ есть только вся живая природа, сведенная въ живой матеріи, въ головоизму Өалеса. Но и при этой гипотезѣ только одного начала, въ абсолютномъ смыслѣ, оставались-бы относительныя начала, многообразные символы перваго начала. Всякая жизнь, которую мы называемъ приблизительно индивидуальной, представила-бы въ миниатюрѣ исторію міра, для философа-же была-бы микроскопическимъ сокращеніемъ этого міра.

Исторія образованія идей болѣе всего освобождаетъ разумъ.

Философическая истина дѣлается популярной, только очеловѣчившись черезъ ораторскую душу, только тогда, когда она передала черезъ даровитую личность. Чистая истина неусвояема толпою: чтобы сообщиться, она должна сдѣлаться заразительной.

30 января 1876 г. При помощи искусства возвратиться къ природѣ: эта задача была-бы прекрасна для такой архисложной литературы, какъ наша.

Также и Руссо нападалъ на литературу, обладая всѣми средствами писательскаго искусства, и восхвалялъ прелести дикости со всѣми уловками самаго изощреннаго цивилизованнаго человѣка. Это-то соединеніе противоположностей и нравится особенно: пряная сладость, ученая невинность, разсчитанная простота, да и нѣтъ, безумная мудрость. Въ сущности, это та высшая иронія, которая льститъ вкусу эпохъ разложенія, которыя желаютъ двухъ ощущеній за-разъ, какъ улыбка Жюконды соединяетъ два противоположныхъ значенія. Удовлетвореніе выражается тогда также двусмысленной улыбкой, которая говорить: я очарованъ, но не обмануть, я подъ иллюзіей и виѣ ей; я вамъ уступаю, но понимаю васъ; я снисходителенъ, но я гордъ; я испытываю ощущенія, но я свободенъ; вы талантливы—я уменъ, мы квиты и понимаемъ другъ друга.

1-го февраля 1876 г. Сегодня вечеромъ мы бесѣдовали о безконечно-большомъ и безконечно-маломъ. Безконечно-большое кажется г-жѣ X.... болѣе яснымъ, чѣмъ безконечно малое, потому что безконечно-большое есть число, слагающееся изъ самого себя, тогда какъ она не умѣетъ анализировать то, что должно быть измѣряемо другими способомъ.

Существо мыслящее можетъ поставить себя на всѣ точки зрѣнія, и заставить жить свою душу всѣми способами, но надо признаться, что очень мало людей пользуются этой возможностью. Люди вообще какъ-бы заключены въ тюрьмѣ, привинчены къ своимъ обстоя-

тельствамъ, почти какъ животныя. Они не подозрѣваютъ этого со-вѣмъ, потому что они не судятъ себя. Поставить себя внѣ вѣсхъ своихъ состояній и смотрѣть внутрь своей жизни и своего существа, есть дѣло критика и философа.

Пускай воображеніе боится призраковъ, которые оно само себѣ творитъ,— это простиительно ему потому, что оно воображеніе. Но чтобы умъ подчинялся или боялся тѣхъ категорій, которыя онъ порождаетъ — непростиительно ему, потому что онъ, какъ сила критическая, не можетъ быть обмануть.

А между тѣмъ суевѣрія величины есть обманъ ума, творящаго понятіе пространства. Сотворенное же не можетъ быть больше творца, сынъ не больше отца. Тутъ необходима поправка. Умъ долженъ освободиться отъ пространства, дающаго ему ложное понятіе о немъ самомъ. Но освобожденіе это возможно только тогда, когда мы научимся видѣть пространство въ умѣ, вмѣсто того, чтобы видѣть умъ въ пространствѣ. Какъ же такъ? Возвративъ пространство къ его основному свойству. Пространство есть разсѣяніе, умъ—сосредоточеніе.

Поэтому Богъ звездъ, не занимая милліардовъ кубическихъ верстъ, ни въ сто разъ меньше, ни въ сто разъ больше.

Въ мысли міръ занимаетъ точку, но въ состояніи разсѣянія и анализа для этой мысли нужны небеса въ небесахъ.

Время, число также въ разумѣ, поэтому человекъ, возвратившись къ сосредоточенію разума, не меньше, а больше ихъ.

12 июля 1876 г. Горе за горемъ. Припадокъ кашля; ни хорошая погода, ни прекращеніе работы не улучшаютъ состояніе моего здоровья. Разрушеніе ускоряется. Разрушеніе преждевременное, тяжелое испытаніе? „Послѣ столькихъ несчастій что-же тебѣ остается?— Я самъ“.

Это, *я* и есть центральное сознаніе, стволъ вѣсхъ срѣзанныхъ вѣтвей, основа, на которой совершались всѣ урѣзыванія. Скоро ничего больше не останется кромѣ этого, кромѣ голой мысли. Смерть приводитъ насъ къ математической точкѣ; разрушеніе, предшествующее ей концентрическими кругами, все болѣе и болѣе тѣсными, приводитъ насъ къ этому послѣднему неразрушимому убѣжищу. Я предвкушаю этотъ ноль, въ которомъ уничтожаются всѣ формы. Я вижу, какимъ образомъ совершается возвращеніе въ мракъ и обратно—вижу, какъ выходятъ изъ него. Жизнь есть только метеоръ, путь котораго виденъ мнѣ. Рожденіе, жизнь, смерть получаютъ новый смыслъ при каждомъ фазисѣ нашего существованія. Видѣть себя какъ летящую ракету, присутствовать при убѣгающемъ феноменѣ своей жизни,— вотъ практическая психологія. Я предпочитаю созерцать міръ, который представляетъ фейерверкъ болѣе обширный и богатый; но когда болѣзнь суживаетъ мой горизонтъ и приводитъ меня къ моему ничтожеству,

мое ничтожество представляет всетаки зрѣлище для моей любознательности. Интересуетъ меня во мнѣ, не смотря на мое отвращеніе, то, что я нахожу въ себѣ подлинный экземпляръ человѣческой природы, слѣдовательно образчикъ общей цѣнности. По образчику я понимаю безчисленное количество подобныхъ же положеній и моихъ ближнихъ...

Если исторія разума и сознанія есть сердцевина и сущность существованія, то быть пригнаннымъ къ психологіи, даже личной, не значитъ выходить изъ вопроса. Напротивъ, въ этомъ положеніи находишься въ самой серединѣ вопроса, въ центрѣ всемірной драмы.

Мысль эта утѣшительна. Все можетъ быть у насъ отнято; но если намъ остается мысль, то мы держимся еще за ось міра магической нитью. Но мы можемъ потерять мысль и слово. Остается тогда только простое чувство; чувство присутствія Бога и смерти въ Богѣ; это есть послѣдній остатокъ преимущества человѣка; преимущество участія во всемъ, въ общеніи съ абсолютнымъ.

Твоя жизнь есть молнія, которая исчезаетъ въ своей тучѣ.

Но молнія спасла тебя, если она показала тебѣ небо.

26 июля 1876 г. Дневникъ располагаетъ къ лѣни, онъ избавляетъ отъ необходимости разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ, онъ допускаетъ повторенія, слѣдуетъ за всѣми капризами и извилинами внутренней жизни и не ставитъ себѣ никакой цѣли. Этотъ дневникъ содержитъ въ себѣ матеріалъ для многихъ томовъ. Какая страшная трата времени, мысли и силъ. Онъ не будетъ ни для кого полезенъ, даже для меня онъ послужитъ скорѣе къ тому, чтобы вернуться отъ жизни, чѣмъ войти въ нее. Дневникъ замѣняетъ повѣреннаго, т. е. друга и жену; онъ замѣняетъ дѣятельность, онъ замѣняетъ отечество и общество. Это есть забвеніе страданія, отводящее средство, увертка. Но этотъ фактотумъ, который замѣняетъ все, самъ по себѣ ничего не представляетъ.

Что-же составляетъ исторію души? Это есть наслаиваніе ея успѣховъ, списокъ ея прибрѣтеній и ходъ ея судьбы. Чтобы твоя исторія просвѣтила кого-нибудь и заинтересовала тебя самого, нужно, чтобы она высвободилась изъ своего матеріала, упростилась и очистилась. Эти тысячи страницъ суть только куча листьевъ и кора дерева, изъ которой еще нужно извлечь ея сущность. Цѣлый лѣсъ хинныхъ деревьевъ не стоитъ бочки хинина. Цѣлый садъ розовыхъ кустовъ въ Смирнѣ сгущается въ одинъ флаконъ розовыхъ духовъ. Эта 29 лѣтняя болтовня резюмируется, быть можетъ, въ ничто, каждый вѣдь интересуется только своимъ романомъ и своей личной жизнью. Ты, можешь быть, и самъ никогда не удосуужишься перечитать его.

Итакъ..... итакъ что-жь? Ты прожилъ, а жизнь вѣдь состоитъ въ повтореніи человѣческаго типа и все той же человѣческой ригурнели, — какъ это дѣлали, дѣлають и будутъ дѣлать во вѣки вѣковъ легіоны тебѣ подобныхъ. Сознать эту ригурнель и этотъ типъ — уже что нибудь да значить и мы не можемъ сдѣлать ничего большаго. Реализація типа лучше удается и ригурнель болѣе радостна, если обстоятельства благопріятны и милостивы, но сдѣлають ли маріонетки такъ или иначе... *Trois petits tours et puis s'en vont.* Три раза повернутся и потомъ уходятъ ¹⁾).

Все это падаетъ въ ту же бездну и все почти одинаково.

Бороться съ судьбой, отбиваться отъ нея, чтобы спастись отъ неизбѣжнаго исхода — это почти ребячество. Столѣтняя жизнь и жизнь эфемериды суть величины очевидно эквивалентныя, — геологія или астрономія позволяютъ намъ разсматривать эти жизни съ этой точки зрѣнія, — что значуть наши незамѣтныя тревоженія, наши усилія, наши злобы, наше честолюбіе, наши надежды? Смѣшно поднимать мнимыя бури ради сна во снѣ. Что значить для насъ тѣ сорокъ милліоновъ инфузорій, которыя занимають полувершковый кубъ мѣла? Что значать для селенита тѣ сорокъ милліоновъ людей, которые составляютъ Францію? Быть сознательной монадой, быть ничѣмъ, но признавать себя микроскопическимъ привидѣніемъ міра — вотъ все то, чѣмъ мы можемъ быть.

19 сентября 1876 г. Дудану ²⁾ недоставало только дозы матеріальности, грубости и необходимаго честолюбія, чтобы занять блестящее положеніе; но оцѣненный въ лучшемъ обществѣ Парижа, онъ не искалъ ничего другаго. Онъ напоминаетъ мнѣ Жуберта.

20 сентября 1876 г. Умъ состоитъ въ удовлетвореніи ума другаго, доставляя ему заразъ два наслажденія: именно понять вещь и угадать по ней о другой, такъ сказать, убить двухъ зайцевъ заразъ. Такимъ образомъ Дуданъ никогда почти не высказываетъ прямо свою мысль, онъ скрываетъ ее и осторожно вводитъ ее въ сознаніе читателя намекомъ, образомъ, гиперолою, легкой ироніей, притворнымъ гнѣвомъ, разыгрываемымъ смиреніемъ, любезной хитростью. Чѣмъ болѣе различается та вещь, которую надо угадать, отъ той, которая сказана, тѣмъ болѣе пріятнаго изумленія для собесѣдника или корреспондента. Эта тонкая и прелестная манера выражаться даетъ возможность поучать безъ педантизма и быть смѣлымъ, не оскорбляя. Въ этой манерѣ есть что-то воздушное и аттическое, серьезное съ

¹⁾ Французская колыбельная пѣсенка.

²⁾ Французскій писатель, умершій при жизни Аміеля.

шуточнымъ, фикція съ истиной, и все это— съ легкой граціей, отъ которой не отказались бы Лафонтенъ и Алкивиадъ.

15 ноября 1876 г. Вотъ еще новыя приложенія закона ироніи. Каждая эпоха имѣетъ два противорѣчивыхъ стремленія, которыя логически отталкиваютъ другъ друга, фактически же соединяются. Такимъ образомъ въ прошломъ вѣкѣ философскій матеріализмъ былъ сторонникомъ свободы. Теперь же дарвинисты стоятъ за равенство, тогда какъ дарвинизмъ доказываетъ право сильнаго. Безсмысленное есть характеръ жизни; существа реальныя суть живыя противорѣчія, одушевленные и движущіеся паталогизмы. Согласіе съ самимъ собой было бы примиреніемъ, отдыхомъ и можетъ быть неподвижностью. Почти всѣ люди признають дѣятельность и прилагають ее только въ видѣ войны, внутренней войны за существованіе, виѣшной и кровавой войны націй, наконецъ, войны съ самимъ собой. Итакъ, жизнь есть вѣчная битва, которая хочетъ того, чего она не хочетъ, и не хочетъ того, чего она хочетъ. Отсюда то, что я называю закономъ ироніи, т. е. бессознательный обманъ; опроверженіе себя самимъ собой, конкретное осуществленіе абсурда. Неужели это необходимо? Я не думаю. Борьба есть карикатура гармоніи. Гармонія же, которая состоитъ въ соединеніи противоположностей, можетъ быть тоже началомъ движенія. Война есть грубое и жестокое умиротвореніе, подавленіе противодѣйствія черезъ истребленіе или рабство побѣжденныхъ. Взаимное уваженіе было бы лучше. Борьба происходитъ отъ эгоизма, признающаго своимъ предѣломъ только постороннюю силу. Законы животности преобладають почти во всей исторіи. Человѣческая исторія преимущественно зоологична; она очеловѣчивается только поздно и то только въ лучшихъ душахъ, преданныхъ справедливости, добротѣ, энтузіазму и самоотверженію. Ангель только рѣдко и съ трудомъ пробивается сквозь животное.

Христіанскія націи обнаруживаютъ вполне законъ ироніи. Онѣ исповѣдуютъ небесную буржуазію, исключительный культъ вѣчныхъ благъ, и никогда алчное преслѣдованіе тлѣнныхъ благъ, привязанность къ землѣ, жажда пріобрѣтенія не были болѣе сильны, чѣмъ у этихъ націй. Ихъ оффиціальныи девизъ прямо противоположенъ ихъ положительнымъ стремленіямъ. Подъ чужимъ знаменемъ, подъ ложнымъ флагомъ, онѣ производять контрабанду съ шутовскою безопасностью совѣсти. Есть-ли это лицемѣрный обманъ? Нѣтъ, это есть приложеніе закона ироніи.

Плутство столь обычно, что оно становится незамѣтнымъ самому преступнику. Всѣ націи противорѣчатъ себѣ каждую минуту и ни одна не чувствуетъ, на сколько она смѣшна. Нужно быть япон-

цемъ, чтобы замѣтить шутовскія противорѣчія христіанской цивилизаціи. Нужно быть селенитомъ, чтобы понять вполнѣ глупость человѣка и его постоянную иллюзію. Философъ также подпадаетъ закону ироніи, потому что послѣ того, какъ онъ мысленно освободился отъ всѣхъ предразсудковъ, т. е. вполнѣ обезличился, ему нужно снова входить въ свое рубище, въ свою гусеницу, ѣсть и пить, испытывать голодъ, жажду и холодъ, и поступать какъ всѣ другіе смертные, послѣ того, какъ онъ на мгновеніе поступитъ какъ никто. Здѣсь-то и ожидаютъ его комическіе поэты; животныя потребности мстятъ за эту экскурсію въ эмпирию и съ насмѣшкой кричатъ ему: Ты грязь, ты ничтожество, ты человѣкъ!

26 ноября 1876 г. Люди гениальные поставляютъ сущность исторіи, тогда какъ толпа есть только критическій фильтръ, ограниченіе, замедленіе, необходимое, но пассивное отрицаніе идей, приносимыхъ гениемъ. Глупость динамически есть необходимый противовѣсъ ума. Нужно много, нужно три четверти азота, примѣшаннаго къ кислороду, чтобы сдѣлать воздухъ годнымъ для дыханія, жизненнымъ; чтобы создать исторію, нужно имѣть много силы для того, чтобы побѣдить сопротивленіе и увлечь за собой массы.

5 января 1877 г. И вотъ я опять совсѣмъ несчастенъ нынче утромъ, полузадушенный своимъ бронхитомъ, стѣсненный въ ходбѣ, съ ослабленнымъ мозгомъ—то, чего я боюсь больше всего, потому что размышленіемъ я защищаю себя противъ другихъ непріятностей. Быстрое убываніе силъ, незамѣтная порча высшихъ органовъ, разрушеніе мозга; какое испытаніе, и никто не подозрѣваетъ его. Нѣкоторые жалѣютъ васъ за то, что вы наружно старѣетесь, но это ничего. Ровно ничего, если чувствуешь свои способности сохранившимися.

Это благодѣяніе даровано было столькимъ людямъ уметвенной дѣятельности, что и я немного надѣялся. Увы! Неужели и этимъ надо пожертвовать? Жертва легка, если вѣрить, что она возложена или скорѣе отечески потребована Богомъ, особеннымъ Его промысломъ. Но у меня нѣтъ этой религіозной радости. Это мое увѣче умаляетъ меня, не принося никому пользы. Мнѣ остается только одинъ мотивъ: мужественная покорность передъ неизбѣжнымъ и примѣръ для другихъ; чистая стоическая мораль.

Это нравственное воспитаніе отдѣльной души пропадетъ ли? Когда наша планета окончитъ цѣль своего назначенія, кому и на что въ небѣ это послужитъ на пользу? Прозвучать одной своей нотой въ симфоніи творенія. Мы создаемъ цѣлое и неизмѣнное, потомъ исчезаемъ, мы, индивидуальныя атомы, ясновидящія монады. Развѣ этого

мало? Да мало, потому что если нѣтъ прогресса, приращенія, улучшенія, есть только химическая игра и эквивалентность сочетаній. Брама создалъ и поглощаетъ. Если мы—лабораторія духа, то по крайней мѣрѣ пусть духъ увеличивается нашими силами. Если мы осуществляемъ высшую волю, то пусть Богъ радуется этому. Если доврчивая покорность души болѣе радуется его, чѣмъ величіе мысли, будемъ входить въ его планъ, въ его намѣреніе. Это-то и значитъ жить для славы Бога, выражаясь теологическимъ языкомъ. Религія состоитъ въ сыновнемъ принятіи божеской воли, какова бы она ни была, лишь бы только отчетливо понимать ее. А развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что убываніе, болѣзнь и смерть находятся въ программѣ нашего существованія? То, что неизбѣжно, есть судьба. А судьба не есть ли безыменное указаніе Того, котораго религіи называютъ Богомъ. Спускаться безъ ропота по рѣкѣ своей судьбы, переживать безъ возмущенія посвященіе въ тайну послѣдовательныхъ отреченій, непредѣльныхъ умаленій, непредѣльныхъ до 0 (нуля) — вотъ что нужно. Свигіе также естественно, какъ и развитіе. Входишь также постепенно въ мракъ, какъ постепенно выходилъ изъ него. Игра силъ и органовъ, грандіозный механизмъ жизни часть за частью скрываются въ коробѣ. Начинаешь инстинктомъ, нужно умѣть кончить ясновидѣніемъ, нужно видѣть себя разрушающимся и умирающимъ.

6 февраля 1877 г. То, что рѣже всего встрѣчается, это вѣрность ума, методъ, критика, соразмѣрность, постепенность... Общее состояніе мыслей есть путаница, безсвязность, самоувѣренность, и общее состояніе сердець есть страстность, невозможность быть справедливымъ, безстрастнымъ, уступчивымъ, открытымъ; воля всегда впереди ума; желанія впереди воли; и случай рождаетъ желаніе; такъ, что люди выражаютъ только случайныя мнѣнія, которыя не стоятъ того, чтобы ихъ принимать серьезно, и которыя не могутъ оправдать себя ничѣмъ инымъ, какъ дѣтскимъ разсужденіемъ: я есмь, потому что я есмь. Искусство познавать истину рѣдко прикладывается къ дѣлу, да оно даже и неизвѣстно, потому что нѣтъ личнаго смиренія и даже нѣтъ любви къ истинѣ. Мы хотимъ познаній, которыя вооружили бы наши руки или языкъ, которыя служили бы нашему тщеславію или нашей потребности власти, но критика самихъ себя, своихъ предразсудковъ, своихъ слонностей намъ антипатична.

Человѣкъ животное своевольное и жадное, которое пользуется своей мыслию, чтобы удовлетворять своимъ наклонностямъ, но которое не служитъ истинѣ, которое имѣетъ отвращеніе къ личному исправленію, которое ненавидитъ безпристрастное созерцаніе и работу надъ самимъ собой. Мудрость раздражаетъ его, потому что она при-

водитъ его въ смущеніе и потому что онъ не хочетъ видѣть себя такимъ, каковъ онъ есть.

Большая часть людей только запутанные мотки, неполная клавиатура, хаосъ, существа или всегда стоящія или всегда шумящія, и что дѣлаетъ ихъ положеніе почти неизлечимымъ, это то, что это положеніе имъ нравится. Нельзя излечить больного, который считаетъ себя здоровымъ...

5 апрѣля 1877 г. Освятить на минуту глубокую душу, сдѣлать добро тѣмъ, которые несутъ, сострадая, тягость столькихъ сокрушенныхъ сердецъ и столькихъ страдающихъ жизней, есть благословеніе, преимущество, цѣну котораго я чувствую. Есть какое-то религиозное блаженство въ томъ, чтобы подкрѣплять силу и мужество благородныхъ характеровъ. Самъ удивляешься, что обладаешь этой силой, которой не считаешь себя достойнымъ, и хочется прилагать ее съ сознаниемъ ея значенія. Я испытываю съ особенной силой, что человѣкъ во всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ или можетъ дѣлать прекраснаго, великаго и добраго, есть только органъ и орудіе чего-то или кого-то высшаго его. Это чувство есть религія. Человѣкъ религиозный присутствуетъ съ трепетомъ священной радости при этихъ совершающихся черезъ него, а не отъ него явленіяхъ, которыя происходятъ въ немъ. Онъ отдаетъ имъ въ распоряженіе свой голосъ, свои руки, свою волю, свое содѣйствіе, стараясь почтительно стереться, для того, чтобы какъ можно меньше извратить высшее дѣло этого генія, который на время пользуется имъ для исполненія своего дѣла. Онъ обезличивается, онъ уничтожается отъ восхищенія. Его „я“ должно исчезнуть, когда говорить святой Духъ, когда дѣйствуетъ Богъ. Такъ пророкъ слышитъ призывъ, такъ молодая мать чувствуетъ, какъ двигается плодъ въ ея утробѣ, такъ проповѣдникъ смотритъ, какъ текутъ слезы его слушателей. До тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ свое „я“, мы ограничены, эгоисты, плѣнники; когда мы въ согласіи съ общей гармоніей, когда мы вибрируемъ въ униссонъ съ Богомъ, наше „я“ исчезаетъ. Такъ въ совершенно согласномъ хорѣ нужно фальшивить, чтобы услышать самого себя. Состояніе религиозное это есть сдержанный энтузіазмъ, прочувственное созерцаніе, спокойный экстазъ. И какъ рѣдко это состояніе для несчастнаго существа, измученнаго долгомъ, необходимостью, злымъ свѣтомъ, грѣхомъ, болѣзнью! Это есть состояніе внутренняго счастья. Но основа существованія, обычная ткань нашихъ дней, есть дѣятельность, усиліе, борьба, слѣдовательно диссонансъ. Безпрестанно возобновляющаяся битва съ короткими и всегда непрочными перемиріями,—вотъ картина человѣческаго существованія. Будемъ же привѣтствовать, какъ отзвукъ неба, какъ пред-

внушеніе лучшаго устройства міра, эти краткія мгновенія полного согласія, эти затишья между двумя бурями. Миръ не химера, но есть только неустойчивое равновѣсіе—случайное. „Блаженны миротворцы,—они сынами Вождими назовутся“.

26 апрѣля 1877 г. Перелистывалъ „Парижъ“ Виктора Гюго. Въ 10 лѣтъ накопились изобличенія во лжи пророка, но довѣріе пророка къ тому, что онъ воображаетъ, — не уменьшилось. Смиреніе и здравый смыслъ приличны только лиллипутамъ. Викторъ Гюго гордо не вѣдаетъ всего того, чего онъ не предвидѣлъ. Онъ не знаетъ, что гордость есть граница ума и что гордость безграничная есть признакъ мелкости души. Еслибъ онъ ставилъ себя на-ряду съ другими людьми, а Францію съ другими народами, онъ видѣлъ бы вѣрнѣе и не впадалъ бы въ свои безразсудныя преувеличенія и свои нелѣпыя предсказанія. Но соразмѣрность и вѣрность не въ его струнахъ. Онъ обреченъ титаническому. Его золото всегда смѣшано со свинцомъ, его созерцанія съ ребячествомъ, его разумъ съ безуміемъ. Онъ не можетъ быть простъ. Онъ освѣщаетъ, какъ бы пожаромъ, только ослѣпляя. Словомъ, онъ удивляетъ, но онъ раздражаетъ, онъ волнуетъ, но онъ оскорбляетъ. Онъ всегда на половину или на двѣ трети во лжи, это-то и есть секретъ тягостнаго чувства, которое онъ постоянно заставляетъ испытывать. Великій поэтъ не можетъ отдѣлаться отъ шарлатана, который сидитъ въ немъ. Можно назвать общественнымъ бѣдствіемъ Франціи то, что самый могучій поэтъ ея не понималъ лучше своей роли, и что противно тому дѣлали еврейскіе пророки, которые, любя свой народъ, наказывали его, онъ систематически и вслѣдствіе своей гордости кадитъ своимъ согражданамъ. Франція—это міръ; Парижъ—это Франція; Гюго—это Парижъ. Народы, падайте ницъ!

2 мая 1877 г. Какая нація лучше всѣхъ? Нѣтъ ни одной, въ которой бы зло не составляло противовѣса добра. Каждая нація есть только карикатура человѣка, что и доказываетъ то, что ни одна не имѣетъ тѣхъ качествъ, вслѣдствіе которыхъ она могла бы устранить всѣ другія націи, то, что всѣ они должны поучаться другъ отъ друга. Я постоянно поражаюсь качествами и недостатками каждой изъ нихъ... Моя точка зрѣнія философская, т. е. непристрастная и не личная. Единственный типъ, который мнѣ нравится, это совершенство, человѣкъ, просто человѣкъ, человѣкъ идеальный. Что касается національнаго человѣка, я терплю, изучаю его, но я не восхищаюсь имъ. Я могу восхищаться только прекрасными образцами рода, великими людьми, геніями, характерами возвышенными,

душами благородными и эти образцы находятся во всѣхъ этнографическихъ отдѣлахъ. Мое отечество „по выбору“ (выражаясь словами г-жи Сталь) состоитъ изъ избранныхъ личностей. Я не чувствую никакого внутренняго пристрастія ни къ французамъ, ни къ нѣмцамъ, ни къ швейцарцамъ, ни къ англичанамъ, ни къ полякамъ, ни къ итальянцамъ столько же, сколько къ бразильцамъ или китайцамъ. Иллюзія патриотическая, шовинистская, семейная, профессиональная не существуетъ для меня. Напротивъ, я почувствую съ большей живостью недостатки, пороки и несовершенства группы, къ которой я принадлежу. Моя склонность—это видѣть вещи такими, каковы онѣ есть, отвлеченными отъ моей личности, освобожденными отъ всякаго желанія и всякой воли. Моя антипатія не къ тому или этому, но къ заблужденію, къ предвзятости, къ предрасудеу, глупости, исключительности, преувеличенію.

4 іюня 1877 г.—Слушалъ Ромео и Джульетту Гектора Берліоза. Сочиненіе озаглавлено: „Драматическая симфонія для оркестра съ хорами“. Исполненіе было очень хорошо. Произведеніе интересное, тонкое, обработанное, любопытное, но оно не трогаетъ. Обдумывая свое впечатлѣніе, я объясняю его себѣ такъ: подчинять человѣка вещамъ, присоединять голоса, какъ добавленіе къ оркестру — мысль ложная. Обращать драматическое положеніе въ простой разсказъ — это значитъ изъ болѣе высокаго дѣлать ничтожное. Ромео и Джульетта, гдѣ нѣтъ ни Ромео, ни Джульетты, вещь нелѣпая. Поставить низменное, темное, туманное, вмѣсто высокаго и яснаго, это пари вопреки здравому смыслу. Нарушается естественный порядокъ вещей, и нарушается не безнаказанно. Музыкантъ фабрикуетъ рядъ симфоническихъ картинъ, безъ внутренней связи, представляющихъ наизынанна загадки, единственный ключъ къ которымъ есть текстъ въ прозѣ, составляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и единственную связь между этими картинами. Единственно понятный голосъ, который является въ произведеніи, это отецъ Лоренцо; его проповѣдь не могла быть передана аккордами и поется отчетливо; но поученіе драмы не есть драма и драма вся исчезла въ речитативахъ. Не будучи въ состояніи достигнуть прекраснаго, слятся дать новое. Ложная оригинальность, ложное величіе, ложный гений! Это измученное искусство мнѣ антипатично. Наука, которая хочетъ казаться гениальной, есть только разновидность шарлатанства. Берліозъ критикъ, блестящій умомъ, ученый музыкантъ, умный и изобрѣтательный, но онъ хочетъ создать большее, не будучи въ состояніи создать и малаго. Тридцать лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ я получилъ то же самое впечатлѣніе, послѣ того какъ прослушалъ „Дѣтство Христа“, исполненное подъ его же

управленіемъ. Я не нахожу у него здороваго и производительнаго искусства, прочной и истинной красоты.

Я долженъ сказать, однако, что публика, довольно многочисленная въ этотъ вечеръ, казалась очень довольной.

9 августа 1877 г. Возрастающее торжество дарвинизма, т. е. матеріализма или грубой силы, угрожаетъ понятію справедливости. Но придетъ и ея чередъ. Высшій человѣческій законъ не можетъ быть заимствованъ у животности. А справедливость есть право въ высшей степени индивидуальной независимости, совмѣстимое съ такой же свободой для другихъ; другими словами, это уваженіе къ человѣку, къ меньшему, къ слабому, къ ничтожному, это гарантія человѣческихъ совокупностей, ассоціацій, государствъ, національностей, союзовъ непосредственныхъ или сознательныхъ, которые могутъ увеличить сумму блага и удовлетворить желанію личныхъ существованій. Эксплуатація однихъ другими нарушаетъ справедливость. Право сильного не есть право, но простой фактъ, который можетъ быть правымъ, только покуда не встрѣчаетъ протеста и сопротивленія. Это какъ бы холодъ, тѣма, тяжесть, которые должны быть переносимы до тѣхъ поръ, покуда не найдешь отопленія, освѣщенія, рычага. Вся человѣческая промышленность есть освобожденіе изъ-подъ власти грубой природы, прогрессъ же справедливости есть ничто иное, какъ рядъ ограниченій, которымъ подвергалась тиранія сильного. Какъ медицина состоитъ въ побѣдѣ надъ болѣзнию, такъ благо состоитъ въ побѣдѣ надъ слѣпымъ звѣрствомъ и необузданными вождельніями человѣка—звѣря. Такимъ образомъ я вижу всегда одинъ и тотъ же законъ, возрастающее освобожденіе личности, восхожденіе всего существа къ жизни, къ благу, къ справедливости, къ мудрости. Алчная жадность есть точка отпавленія; разумное великодушіе есть точка достиженія.

6 ноября 1877 г. Мы много говоримъ о любви, прежде чѣмъ познаемъ ее, и мы думаемъ, что мы знаемъ ее, если повторяемъ о ней то, что говорятъ о ней люди, или то, что разсказываютъ о ней въ книгахъ. Такимъ образомъ есть незнаніе нѣсколькихъ степеней и степени призрачнаго знанія. Отъ этого-то и скука общества, что въ немъ происходятъ эти вѣчные турниры съ горячими и неистощимыми разговорами, которые имѣютъ видъ, что знаютъ вещи, потому что говорятъ о нихъ, имѣютъ видъ, что вѣрятъ, любятъ, думаютъ, ищутъ, тогда какъ все это есть только подобіе и болтовня. Хуже же всего въ этомъ то, что когда болтовня эта вызывается самолюбіемъ, эти незнанія обыкновенно дѣлаются отчаянными въ своихъ утвержденіяхъ; лепетаніе принимается за мнѣніе, предразсудки выдаются за принципы. Попугай считаетъ себя мыслящими существами; подражаніе выдается

за оригиналы и вѣжливость требуетъ допущенія этихъ условностей. Это несосно.

Языкъ есть орудіе этого смѣшенія и безсознательнаго обмана, и это зло чудовищно преувеличивается всеобщимъ образованіемъ, періодической прессой и всѣми теперь изобрѣтенными средствами распространенія знаній. У всѣхъ въ обращенія кучи ассигнацій, и немногіе дотрогивались до золота. Всѣ живутъ символами и даже символами символовъ и никто никогда не держалъ въ рукахъ и не провѣрялъ самихъ вещей. Судятъ обо всемъ и ничего не знаютъ.

Какъ мало существъ оригинальныхъ, индивидуальныхъ, искреннихъ, которыхъ стоитъ труда послушать! Истинное *Я* у большинства облечено чуждою и заимствованной атмосферой. Какъ мало такихъ, которые представляли бы что-нибудь кромѣ извѣстныхъ склонностей,— кромѣ животныхъ, только языкомъ и своими двумя ногами напоминающихъ о своей высшей природѣ.

Огромное большинство нашей расы представляетъ только кандидатуру на человѣчество, не болѣе. Мы имѣемъ возможность быть людьми, мы можемъ быть ими, мы должны бы быть ими, но мы не осуществляемъ типъ нашей расы. Подобія людей, поддѣлки подъ людей наполняютъ обитаемую землю, населяютъ острова и континенты, деревни и города. Чтобы уважать людей, надо забывать про то, что они такое, и думать объ идеалѣ, который они носятъ скрытымъ въ себѣ, думать о человѣкѣ справедливомъ и благородномъ, умномъ и добромъ, вдохновенномъ и творцѣ, честномъ и правдивомъ, вѣрномъ и надежномъ, словомъ, о человѣкѣ высшемъ, о божественномъ образцѣ, который мы называемъ душой. Единственные люди, которые заслуживаютъ носить это имя, это герои, гени, святые, существа гармоничныя, могущественныя и совершенныя.

Мало лицъ, заслуживающихъ вниманія, съ сострадательнымъ любопытствомъ и смиренною проникательностью. Вѣдь всѣ мы — потерпѣвшіе крушеніе, приговоренные больные, остальные же должны быть наблюдаемы. Пусть каждый трудится надъ своимъ совершенствованіемъ и осуждаетъ только самого себя; такъ будетъ лучше для всѣхъ. Какое бы нетерпѣніе ни вызывалъ въ насъ нашъ ближній, какое бы негодованіе ни внушала намъ наша порода, мы сцѣплены вмѣстѣ и товарищи по каторгѣ; мы только все потеряемъ, если будемъ взаимно упрекать и осуждать другъ друга. Будемъ молчать, будемъ помогать, будемъ терпѣть, будемъ даже любить другъ друга. Если не можемъ быть нѣжны, то будемъ хоть сострадательны. Оставимъ бичъ сатиры, раскаленное желѣзо гнѣва, лучше масло и вино милосерднаго самарянина. Можно извлечь презрѣніе изъ идеала; но не лучше ли извлекать изъ него доброту?

Кто отдает справедливость веселости? тѣ, кто не печаленъ? Они именно знаютъ, что веселость есть порывъ и бодрость, что обыкновенно она есть скрытая доброта и что даже еслибы она была дѣломъ только темперамента и расположенія духа, она все-таки благо.

26 июля 1878 г. Каждое утро я пробуждаюсь съ однимъ и тѣмъ-же чувствомъ напрасной борьбы противъ прилива, который поглотитъ меня. Я долженъ погибнуть отъ задушенія, и оно уже началось.

Нельзя ничего предпринять, когда каждый день приводитъ къ какой-нибудь новой непріятности. Нельзя даже рѣшиться на что-нибудь въ смутномъ и неопредѣленномъ положеніи, гдѣ предвидишь худшее, но гдѣ все сомнительно. Предстоитъ ли тебѣ еще нѣсколько лѣтъ или только нѣсколько мѣсяцевъ? Будетъ ли смерть медленная или ускоренная катастрофа? Какъ я буду переносить дни и чѣмъ я ихъ наполню? Какъ кончить со спокойствіемъ и достоинствомъ? Не знаю. Я дурно дѣлаю все то, что я дѣлаю въ первый разъ; здѣсь же все ново; ничего не испытано; кончаешь какъ попало. Какая обида для того, кто слишкомъ любилъ независимость; зависишь отъ тысячи случайностей. Не знаешь того, что будешь дѣлать, того, что изъ тебя станеть. Хотѣлось-бы побесѣдовать объ этихъ вещахъ съ другимъ здравомыслящимъ и добрымъ совѣтчикомъ, но съ кѣмъ? Не рѣшаешься тревожить привязанностей, наиболѣе преданныхъ, и навѣрное знаешь, что другіе умудрятся смутить тебя и не войдутъ въ истинное положеніе.

И въ ожиданіи (въ ожиданіи чего? здоровья? достовѣрности?) недѣли текутъ, какъ вода, сила расходуется, какъ дымящая свѣча.

Имѣешь ли ты право идти къ смерти, не сопротивляясь ей? Само-сохраненіе составляетъ ли обязанность чедовѣка? Обязаны ли мы для тѣхъ, которые любятъ насъ, продолжать наивозможно больше эту безнадежную борьбу? Мнѣ кажется, что да, но это опять стѣсненіе. Нужно тогда притворяться, что имѣешь надежду, которой не имѣешь, скрыть то совершенное отчаяніе, которое испытываешь. И почему нѣтъ? Будетъ великодушно со стороны тѣхъ, которые умираютъ, не уменьшать пыла тѣхъ, которые сражаются или которые радуются.

Два параллельныхъ пути ведутъ къ одному и тому-же результату; размышленіе парализируетъ меня, фізіологія осуждаетъ меня. Душа умираетъ, тѣло тоже. Такъ или иначе я прихожу къ концу. Оставаясь одинъ съ собою, я извожу себя грустью, и медицина мнѣ говоритъ также: ты не пойдешь дальше. Оба эти приговора означаютъ одно и то же, что у меня нѣтъ болѣе будущаго. Это кажется нелѣпостью моему невѣрію, которое хотѣло-бы видѣть въ этомъ только дурной сонъ. Сколько-бы умъ ни говорилъ, что это такъ, нѣтъ внутренняго согласія. Еще противорѣчіе! У меня нѣтъ силы надѣяться,

и я не имѣю силы безропотно поворотиться. Я не вѣрю и все-таки еще вѣрю. Я чувствую, что кончаюсь, и не могу вообразить себѣ, что это такъ. Ужъ не безуміе-ли это? Но нѣтъ, это только человѣческая природа въ своемъ проявленіи. Противорѣчіе въ самой жизни, потому что она есть безпрестанная смерть и ежедневное воскресеніе, потому что она утверждаетъ и отрицаетъ, разрушаетъ и созидаетъ, собираетъ и разсѣиваетъ, унижаетъ и возвышаетъ въ одно и то же время. Жить— это значить умирать постоянно, это значить пребывать въ этомъ вихрѣ двухъ противоположныхъ направленій, это значить быть загадкой.

Если невидимый еще типъ, намѣчаемый этимъ двойнымъ теченіемъ въ противоположныхъ направленіяхъ, если эта форма, на основаніи которой совершается твоя метаморфоза, сама имѣетъ въ себѣ свое само-бытное значеніе, что нужды, что она продолжить свою игру на нѣсколько оборотовъ луны или солнца больше! Она сдѣлала то, что она должна была сдѣлать, она представила извѣстную, единственную комбинацію, представила особенное выраженіе рода. Эти типы суть тѣни, души умершихъ. Вѣка кажутся занятыми ихъ созданіемъ. Слава есть доказательство того, что одинъ типъ явился для другихъ типовъ болѣе новымъ, болѣе рѣдкимъ, болѣе прекраснымъ, чѣмъ другіе. Люди обыкновенныя также души; но они имѣютъ значеніе только для Создателя и для совѣтъ маленькаго числа личностей.

Сознавать свою брѣнность — хорошо, но быть къ ней равнодушнымъ — это высшій взглядъ.

Знать мѣру немощи полезно; но понимать смыслъ своей жизни еще полезнѣе. Жалѣть самого себя есть также тщеславіе; должно сожалѣть только о томъ, что стоитъ того, а жалѣть самого себя — это значить безсознательно придавать себѣ значеніе. Это значить въ то-же время не признавать своего истиннаго значенія. Нѣтъ необходимости жить, но нужно не портить своего типа, оставаться вѣрнымъ своему идеалу, охранять свою монаду отъ измѣненія и извращенія.

7 ноября 1878 г. Есть люди, которые убиваютъ истину истинами. Самое обычное явленіе нашего педантизма точности состоитъ въ томъ, дабы разбить въ порошокъ статую для того, чтобы подробно разсмотрѣть ее. Я называю ложными умами тѣ, которые видятъ только часть предмета, также какъ и тѣ, которые уродуютъ эти части. Видѣть вещи и людей такими, какими они есть, видѣть то, чѣмъ они могли-бы быть и то, чѣмъ они должны быть — въ этомъ состоитъ дѣло хорошаго критика, соединяющаго въ одно эти три способности.

Понимать вещи—значить побывать въ нихъ и потомъ выйти изъ нихъ, нужно стало быть плѣненіе и потомъ освобожденіе,— очарованіе

и разочарованіе, увлеченіе и охлажденіе. Тотъ-же, который находится еще подъ очарованіемъ, также, какъ и тотъ, который не былъ очарованъ — одинаково не компетентны. Мы знаемъ хорошо только то, чему прежде повѣрили и потомъ обсудили. Чтобы понимать — надо быть свободнымъ, но прежде этого быть плѣненнымъ. Это справедливо относительно любви и искусства, и религій, и патріотизма. Любовь есть первое условіе критики, разумъ и справедливость предполагаютъ въ началѣ чувство.

13 января 1879 г. Никакъ не могу вспомнить, какія я вчера писалъ письма. Ночь вырываетъ пропасть между мной вчерашнимъ и мной сегодняшнимъ. Моя жизнь безъ единства дѣйствія, потому что я не помню того, что дѣлаю. Вѣроятно моя мыслящая сила, расходуясь на овладѣваніе собой въ формѣ сознанія, пропускаетъ все то, что заполняетъ обыкновенно мысли, какъ ледникъ отбрасываетъ камни и обломки, упавшіе въ его трещины, чтобы остаться чистымъ кристалломъ. Философскому уму противно загромождать себя фактами и ничтожными воспоминаніями. Мысль дѣпляется только за мысль, т. е. за себя, за душевное движеніе. Обогащать свой опытъ есть единственное его стремленіе. Внутреннее изученіе игры своихъ способностей дѣлается его удовольствіемъ и даже его склонностью и привычкой. Размышленіе есть только аппаратъ, записывающій впечатлѣнія; эмоціи, идеи, которыя проходятъ въ умѣ.

Все это очень хорошо, но очень опасно.

Пока находишься въ числѣ живыхъ, т. е. погруженъ въ среду людей, интересовъ, борьбу тщеславія, страстей, а также обязанностей, нужно отказаться отъ этого уточненнаго состоянія, нужно соглашаться быть опредѣленной личностью, имѣя свое имя, свое положеніе, свой возрастъ, свою сферу дѣятельности. Какъ ни соблазнительно безличіе, нужно все-таки возвратиться къ состоянію существа, заключеннаго во временныя и пространственныя условія, къ состоянію личности, которая имѣетъ свое окруженіе, своихъ друзей, враговъ, профессію, отечество, которая должна имѣть помѣщеніе, кормиться, вести свои счеты, заботиться о своихъ дѣлахъ; нужно поступать, однимъ словомъ — поступать какъ всякій встрѣчный. Есть дни, когда всѣ эти подробности кажутся мнѣ сномъ, когда я удивляюсь пошутру, который подъ моей рукой, своему собственному тѣлу, когда я спрашиваю себя, есть-ли улица передъ моимъ домомъ, и реальна-ли вся эта географическая и топографическая фантазмагорія. Время и пространство сводится тогда къ простымъ точкамъ. Я присутствую тогда при моемъ существованіи въ области чистаго духа. Я вижу себя *sub specie aeternitatis*.

И потому умъ можетъ произвести въ себѣ опытъ безконечнаго; изъ человѣческой личности выдѣляется иногда божественная искра,

которая позволяет ему проникнуть въ существо — источникъ, существо—основу, существо—начало, въ которомъ находится все, какъ рядъ въ своей производящей формулѣ. Мiръ есть только изліяніе лучей духа; изліянія лучей божескаго Духа болѣе, чѣмъ правдоподобіе для насъ, — они имѣютъ реальность параллельную нашей.

Идеаль есть предвареніе божескаго порядка умомъ. Умъ способенъ къ идеалу, потому что онъ умъ, т. е. потому, что онъ проникаетъ въ вѣчное. Дѣйствительное, напротивъ, есть отрывокъ, есть переходящее. Только законъ вѣченъ. Идеаль такимъ образомъ есть неразрушимая надежда на лучшее, невольный протестъ противъ настоящаго, ферментъ будущаго. Онъ то, что сверхъестественно въ насъ или скорѣе сверхъ-животно; онъ причина способности человѣка къ совершенствованію.

Тотъ, кто не имѣетъ идеала, довольствуется тѣмъ, что есть, онъ не споритъ съ фактомъ, который становится для него тождественнымъ съ справедливостью, съ благомъ, съ красотой. Но почему божеское изліяніе лучей несовершенно? Потому что оно еще продолжается. Наша планета, напр., находится въ серединѣ своихъ опытовъ. Флора, фауна продолжаютъ преобразовываться. Эволюція человѣчества болѣе близка къ своему началу, чѣмъ къ своему окончанію. Совершенная спиритуализація животности кажется особенно трудной и это есть дѣло нашей породы. Наперекоръ этому идутъ заблужденія, зло, эгоизмъ, смерть, не считая теллурическихъ переворотовъ. Устройство благосостоянія, знанія, нравственности, справедливости для всѣхъ начато, но только начато. Тысяча задерживающихъ и извращающихъ причинъ нарушаетъ эту гигантскую работу, въ которой участвуютъ націи, породы, континенты. Въ настоящее время человѣчество не составляетъ еще физической единицы, его воспитаніе, какъ цѣлаго, еще впереди. Всѣ опыты порядка были только мѣстные кристаллизаціи, зачатки мгновенной организаціи. А теперь начинаютъ приближаться осуществленія (единство почтъ и телеграфовъ; всемірныя выставки; путешествія вокругъ планеты; международные конгрессы, и т. д.). Наука и взаимные интересы связываютъ большія фракціи человѣчества, раздѣляемыя языками и вѣрою. Такой годъ, когда проектируютъ сѣть африканскихъ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ отъ береговъ до центра, соединяющихъ сухимъ путемъ Атлантическій океанъ, Средиземное море и Индійскій океанъ, — такой годъ лучше всего характеризуетъ новую эру. Фантастическое сдѣлалось постижимымъ. Возможное стремится сдѣлаться реальнымъ. Планета дѣлается садомъ человѣка. Человѣкъ имѣетъ главной задачей сдѣлать возможнымъ сожитіе людей между собой, т. е. найти равновѣсіе, право, порядокъ новаго времени. Раздѣленіе труда позволяетъ ему искать

всего сразу: промышленность, наука, искусство, право, воспитаніе, нравственность, религія, политика, экономическія отношенія—все рождается.

19 января 1879 г. Доброта произвольно ограничивает остроту ума; доброта ставитъ экранъ на слишкомъ острые лучи пронизательности; она-то именно отказывается освѣщать безобразіе и нищету интеллектуальнаго госпиталя. Доброта боится признать свое преимущество, она предпочитаетъ быть смиренной и милосердной; она старается не видѣть того, что рѣжетъ ей глаза, т. е. несовершенства, калѣчества, уклоненія. Ея состраданіе принимаетъ видъ одобренія. Она побѣждаетъ свои отвращенія, чтобы ободрять и возвышать.

Умъ аристократиченъ, доброта демократична. Въ демократіи равенство самолюбій, при неравенствѣ заслугъ, создало на правителѣ огромное затрудненіе. Одни выпутываются изъ него, обуздывая благоразуміемъ свою откровенность, другіе—поправляя свою пронизательность кротостью. Кажется, что добродушіе надежныѣ осторожности. Оно не оскорбляетъ и ничего не убиваетъ.

Доброта великодушна; она охотно рискуетъ и, не смотря на сотню опытовъ, не предполагаетъ зла. Нельзя быть въ одно и то же время добрымъ и осторожнымъ, нельзя служить двумъ господамъ: своему эгоизму и любви. Надо умѣть быть обманутымъ. Это та жертва, которую должны принести умъ и самолюбіе совѣсти.

Кажется, Фенелонъ сказалъ: прекрасныя души однѣ только понимаютъ величіе доброты.

21 января 1879 г. Религія занимаетъ сначала мѣсто науки и философіи; потомъ же она должна удержать только свое мѣсто, т. е. быть задушевнымъ чувствомъ сознанія, тайной жизнью души въ общеніи съ божественной волей и всемірнымъ порядкомъ. Благочестіе есть ежедневное освѣженіе идеала, возвращеніе къ равновѣсію нашего внутренняго существа, колеблемаго, смущаемаго, раздражаемаго ежедневными случайностями жизни. Молитва есть духовный бальзамъ, драгоценное вѣрительное лекарство, которое возвращаетъ намъ миръ и мужество. Она напоминаетъ намъ прощеніе и долгъ, она говоритъ намъ: Ты любимъ, люби; ты получилъ, давай; ты долженъ умереть, дѣлай свое дѣло; побѣждай гнѣвъ великодушіемъ, зло добромъ. Что нужды до слѣплаго мнѣнія, до ложнаго сужденія о тебѣ, до испытанныхъ тобой неблагодарностей. Ты не обязанъ ни слѣдовать пошлымъ примѣрамъ, ни имѣть успѣха. Дѣлай что должно, пусть будетъ что будетъ. Твой свидѣтель—твоя совѣсть, а твоя совѣсть—это Богъ, который говоритъ тебѣ.

3 марта 1879 г. Ученіе равенства уравниваетъ дарвинизмъ, подобно тому, какъ волкъ держитъ на почтительномъ разстояніи другого волка. Но оба чужды долгу. Ученіе равенства утверж-

дасть право не быть съѣденнымъ своимъ ближнимъ, дарвинизмъ констатируетъ фактъ, что сильные поѣдаютъ слабыхъ и прибавляетъ: тѣмъ лучше. Ни тотъ, ни другой не сознаютъ ни любви, ни братства, ни доброты, ни благочестія, ни добровольной покорности, ни самоотреченія.

Всѣ силы и всѣ принципы дѣйствуютъ одновременно въ мирѣ. Ихъ равнодѣйствующая скорѣе добро, чѣмъ зло. Но война безобразна, потому что она распатываетъ всѣ истины и вводитъ въ бой заблужденія противъ заблужденій, партіи противъ партій, т. е. половинки существъ, однихъ уродовъ противъ другихъ. Эстетическая натура не уживается съ этимъ зрѣлищемъ, она хочетъ внимать гармоніи, а не всегдашнему скрипѣнію диссонанса. Нельзя не допустить это условіе существованія человѣческихъ обществъ: шумъ, ненависть, обманъ, преступленіе, дикость интересовъ, упорство предразсудковъ; но философъ вдыхаетъ объ этомъ и не можетъ полагать въ этомъ своего сердца; ему нужно смотрѣть съ высоты на исторію и слышать часто музыку вѣчныхъ сферъ.

15 марта 1879 г. Я перелистываю „Исторію моего крестнаго“, соч. Сталь, и нѣсколько главъ „Наши сыновья и наши дочери“, соч. Легувъ. Эти писатели ставятъ умъ, грацію, веселость и пріятность на сторону добрыхъ нравовъ; они хотятъ показать, что добродѣтель не такъ ужъ прѣсна и здравый смыслъ не такъ уже скученъ. Это убѣдительные моралисты и плѣнительные рассказчики; они возбуждаютъ аппетитъ къ добру. Эта привлекательность имѣетъ, однако, свою опасность. Мораль въ сахарѣ, конечно, принимается охотно, но нельзя не бояться, что ее принимаютъ только изъ-за сахара. Сибариты переносятъ проповѣдь, если она на столько утончена, что льститъ ихъ литературной чувствительности; но прельщенъ только ихъ вкусъ, совѣсть же не пробуждается; основаніе ихъ поведенія не затрунуто.

Веселить, просвѣщать, поучать суть различные роды, которые, конечно, можно смѣшивать и соединять, но которые нужно умѣть раздѣлять, чтобы произвести реальное и искреннее дѣйствіе. Ребенокъ съ дравымъ умомъ не любитъ, вообще, смѣсей, въ которыхъ есть хитрость и обманъ. Долгъ требуетъ повиновенія, ученіе требуетъ прилежанія, игра требуетъ только добраго расположенія духа. Обращать повиновеніе и прилежаніе въ пріятную игру—это значитъ ослаблять волю и умъ. Эти усилія сдѣлать добродѣтель модой похвальны, но если они и дѣлаютъ честь писателямъ, они доказываютъ нравственную анемію общества. Неиспорченнымъ желудкамъ не нужно столько ухищреній, чтобы вызвать въ нихъ вкусъ къ хлѣбу.

22 мая 1879 г. (Вознесеніе). Звонъ всѣхъ колоколовъ. Наступаетъ время церковной службы. Къ живописнымъ музыкальнымъ и поэтическимъ впечатлѣніямъ присоединяются впечатлѣнія историческія

и религиозныя. Всѣ народы христіанства, всѣ церкви, распредѣленные вокругъ нашей планеты, празднуютъ прославленіе Распятаго.

А что дѣлаютъ въ эту минуту столько націй, которыя имѣютъ другихъ пророковъ и иначе чествуютъ божество? Что дѣлаютъ евреи, мусульмане, буддисты, вишнуисты, гебры? Они имѣютъ другія благочестивыя даты, другіе обряды, другія торжества, другія вѣрованія. Но всѣ имѣютъ религію, всѣ даютъ жизни идеаль и желаютъ, чтобы человекъ возвышался надъ несчастями и мелочами настоящаго эгоистическаго существованія. Всѣ вѣруютъ во что-нибудь болѣе великое, чѣмъ они сами, всѣ молятся, всѣ смиряются, всѣ обожаютъ. Всѣ видятъ по ту сторону Природы Духъ, по ту сторону зла добро. Всѣ свидѣтельствуютъ о Невидимомъ. Въ этомъ-то братство всѣхъ народовъ. Всѣ люди существа воздыханія и желанія, беспокойства и надежды. Всѣ хотѣли-бы привести себя въ согласіе со всеобщимъ порядкомъ и чувствовать себя одобренными и благословенными Творцомъ вселенной. Всѣ знаютъ страданіе и желаютъ счастья. Всѣ знаютъ грѣхъ и просятъ прощенія.

Христіанство, въ его первоначальной простотѣ, есть примиреніе грѣшника съ Богомъ, чрезъ увѣренность въ томъ, что Богъ все-таки любитъ насъ и наказуетъ только любя. Христіанство дало людямъ новый двигатель и новую силу для достиженія высшей нравственности, оно привлекало людей къ святости, сблизивъ ее съ сыновней благодарностью.

9 сентября 1879 г. Небытіе совершенно, бытіе несовершенно; этотъ поразительный софизмъ становится прекраснымъ только въ платонизмѣ, потому что небытіе замѣняется тамъ Идеей, которая существуетъ и которая Божественна.

Идеаль, химера, пустота не должны стоять такъ высоко надъ реальнымъ, которое имѣетъ несравненное преимущество существованія. Идеаль убиваетъ наслажденіе и довольство, заставляя унижать настоящее и дѣйствительное. Его голосъ говорить: нѣтъ, какъ и Мефистофель. Нѣтъ, ты не достигъ того, къ чему стремился; нѣтъ, ты не найдешь покоя; все то, что ты видишь, все то, что ты дѣлаешь, недостаточно, незначительно, передѣлано, недодѣлано, несовершенно. Жажда идеала есть бичъ Сивы, который ускоряетъ жизнь только для того, чтобы ускорить смерть. Это неизлѣчимое желаніе составляетъ страданіе личности и прогрессъ рода. Оно убиваетъ счастье ради достоинства.

Единственное положительное благо—это порядокъ, слѣдовательно возвращеніе къ порядку, возвращеніе къ равновѣсію. Мысль дурна безъ дѣйствія, и дѣйствіе безъ мысли. Идеаль—это ядъ, если онъ не осуществляется въ дѣйствительности; и дѣйствительность портится

безъ благоуханія идеала. Ничто частное не хорошо безъ своего дополненія и безъ своей противоположности. Изученіе себя опасно, если оно преобладаетъ надъ расходованіемъ своихъ силъ; мечтаніе вредно, когда оно усыпляетъ волю; кротость дурна, когда она отнимаетъ силу; созерцаніе гибельно, когда оно разрушаетъ характеръ. Излишество и недостатокъ—одинаково грѣшатъ противъ мудрости. Крайность—зло, апатія другое зло. Энергія въ умѣренности—въ этомъ долгъ; прелесть въ тишинѣ—въ этомъ счастье. Подобно тому, какъ жизнь дана намъ на время, на нѣсколько лѣтъ и мы не владѣемъ ею, также и добро, которое есть въ насъ, не принадлежитъ намъ. Вовсе не трудно разсматривать себя съ такимъ внутреннимъ отреченіемъ отъ себя; для этого достаточно немного знанія самого себя, нѣкотораго постигновенія идеала и немного религіи. Есть даже много прелести въ той мысли, что мы ничто сами по себѣ, и что намъ однако даровано призывать другъ друга къ жизни, къ радости, къ поэзіи, къ святости.

Законъ ироніи: Зенонъ, хотя и фаталистъ въ теоріи, дѣлаетъ своихъ учениковъ героями; Эпикуръ-же напротивъ, утверждая свободу, дѣлаетъ своихъ учениковъ безпечными и изнѣженными. Направленіе даетъ только идеаль; идеаль стоическій—это долгъ, идеаль эпикурейскій—разсчетъ. Два направленія, двѣ морали, два міра. Также ясенисты и, передъ ними, великіе реформаторы стояли за несвободную волю, а іезуиты за свободу, и однако первые основали свободу, вторые рабство совѣсти. Такимъ образомъ важенъ не теоритическій принципъ; существенное—это скрытое направленіе, стремленіе, цѣль.

Въ какомъ возрастѣ видишь всего вѣрнѣе? Это должно быть въ старости передъ физическими немощами, которыя ослабляютъ или дѣлаютъ мрачными. Древніе имѣли правильную точку зрѣнія. Старецъ, добрый и безкорыстный, созерцаетъ, а созерцаніе и есть то, вслѣдствіе чего мы, наблюдая вещи въ ихъ относительномъ и пропорціональномъ значеніи, должны видѣть ихъ лучше всего.

2 января 1880 г. Чувство отдыха, даже успокоенія. Тишина въ домѣ и внѣ его. Огонекъ въ каминѣ—общее благосостояніе. Портретъ моей матери какъ будто улыбается мнѣ; тишина этого утра не смущаетъ, но радуется меня. Какъ ты велика, прелесть чувствъ,—что можетъ сравниться съ сладостью этихъ часовъ безмолвнаго сосредоточенія...

Желанья и страхъ, грусть и злоба не существуютъ... Это счастье, какъ понимаютъ его восточные люди, блаженство анахоретовъ, которые не борются уже, ничего не желаютъ, обожаютъ и наслаждаются. Не знаешь, какими словами выразить это нравственное состояніе, потому

что наши языки, знающіе только частныя и мѣстныя вибраціи жизни, неспособны выразить это неподвижное сосредоточеніе, это божественное спокойствіе, это состояніе затихшаго океана, который отражаетъ небо и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ самъ собою, во всей своей глубинѣ... Душа сознаетъ себя только душою и перестаетъ чувствовать свою индивидуальность, свою отдѣленность. Она чувствуетъ себя чѣмъ-то ощущающимъ всемірную жизнь, становится одной изъ чувствительныхъ точекъ божества. Она ничего не присвоитъ себѣ и не чувствуетъ пустоты... Это состояніе, соединяющее радости бытія и небытія, состояніе, которое не есть ни размышленіе, ни воля, но которое выше нравственнаго и интеллектуальнаго существованія, которое составляетъ возвращеніе къ единству... одинъ изъ желательныхъ видовъ нирваны.

Несомнѣнно, что люди Запада и въ особенности американцы чувствуютъ иначе. Для нихъ жизнь есть пожирающая, непрестанная дѣятельность. Имъ нужно завоевывать золото, власть, могущество, давить людей, подчинять природу. Они упорствуютъ въ пріобрѣтеніи средствъ и ни минуты не думаютъ о цѣли. Они смѣшиваютъ бытіе съ личнымъ существованіемъ и расширение этой жизни съ счастьемъ. Это значить, что они не живутъ душой, они не знаютъ неподвижнаго и вѣчнаго, они бьются на периферіи, потому что они не могутъ проникнуть до оси своего существованія. Они безпокойны, пылки, положительны, потому что они поверхностны. Зачѣмъ столько суматохи, шума, алчности и борьбы? Все это только одурманеніе себя. Неужели на одрѣ смерти они не замѣчаютъ этого? А если да, то отчего не замѣчаютъ они этого раньше? Дѣятельность хороша только тогда, когда она свята, т. е. направлена на то, что вѣчно.

9 февраля 1880 г. Жизнь бѣжить, тѣмъ хуже для раненыхъ. Какъ только слабѣютъ силы, потокъ молодыхъ и жадныхъ сбиваетъ тебя съ ногъ. „*Vae victis, vae dibilibus*“ („горе побѣжденнымъ, горе слабымъ“) вричитъ толпа, несущаяся на приступъ земныхъ благъ. Какъ ни умалай себя, ты всегда стоишь на дорогѣ кому-нибудь, всегда занимаешь какое-нибудь пространство, потому что, какъ мало ни завидуй, сколь малымъ ни владѣй, кто-нибудь непременно завидуетъ тебѣ и желаетъ того, что ты имѣешь. Подлый міръ, міръ подлецовъ! Чтобы утѣшиться, нужно думать объ исключеніяхъ, о благородныхъ, о возвышенныхъ душахъ. Онѣ есть, не будемъ-же думать о другихъ.

Какъ пропасть близко! Мой челнокъ тонокъ, какъ орѣховая скорлупа, быть можетъ даже, какъ яичная. Пусть увеличится немного поврежденіе—и я чувствую, что все кончено для пловца. Самая ничтожная случайность отдѣляетъ меня отъ идиотизма, отъ сумасшествія,

самая ничтожная случайность отдѣляетъ меня отъ смерти. Легкой брѣши достаточно, чтобы причинить опасность этому искусному и ломкому сооружеію, которое называется моимъ бытіемъ и моей жизнью. Стрекоза не достаточно хрупка, чтобы быть символомъ этого бытія; мыльный пузырь лучше передаетъ это призрачное великолѣпіе, это убѣгающее проявленіе маленькаго я, которое и составляетъ насъ.....

Ночь довольно плачевная, пробуждался 3 или 4 раза отъ моего бронхита. Меланхолія, безпокойство. Возможно, что я задохнусь въ одну изъ этихъ зимнихъ ночей. Я предвижу необходимость быть въ готовности и привести все въ порядокъ. Прежде всего сотремъ всѣ обиды, горечи, простимъ всѣмъ, не будемъ судить никого; будемъ смотрѣть на недоброежелательство и на вражду, какъ на недоразумѣніе. „Насколько это зависитъ отъ насъ, будемъ въ мирѣ со всѣми людьми“. На смертномъ одрѣ умъ долженъ созерцать только вѣчное. Всѣ пошлости исчезаютъ. Битва кончена. Можно вспомнить только о полученныхъ благодѣяніяхъ и обожать пути Господни. Естественно сосредоточиться на чувствѣхъ христіанскаго смиренія и милосердія. „Отецъ, прости намъ долги наши, какъ мы прощаемъ должникамъ нашимъ“.

Приготовься, какъ если бы ближайшая Пасха была бы твоей послѣдней пасхой, ибо твои дни отнынѣ будутъ коротки и тяжки.

31 мая 1880 г. Вѣроятно самъ Богъ смотритъ снисходительно на иллюзіи человѣческаго рода, когда онѣ невинны. Дурень только грѣхъ, т. е. эгоизмъ и возмущеніе. Что касается до заблужденія, то человѣкъ такъ часто мѣняетъ ихъ, что никогда не выходитъ изъ нихъ. Если всегда путешествуешь, то всегда гдѣ-нибудь да находишься; такъ всегда находишься на какой-нибудь точкѣ истины, какъ путешествуя находишься на какой-нибудь точкѣ земного шара. Только общество представляетъ нѣкоторую полную единицу. Личность должна довольствоваться тѣмъ, чтобы быть однимъ изъ камней зданія, однимъ колесомъ огромной машины, однимъ словомъ поэмы. Личность составляетъ часть семьи, государства, человѣчества, всѣхъ тѣхъ особенныхъ совокупностей, которыя слагаются вслѣдствіе интересовъ, вѣрованій и стремленій. Души самыя возвышенныя суть тѣ, которыя сознаютъ всемірную симфонію и добровольно сотрудничаютъ въ томъ огромномъ и сложномъ концертѣ, который называется цивилизаціей.

Умъ принципиально способенъ уничтожить всѣ границы, которыя онъ находитъ въ себѣ, границы языка, національности, религіи, расы, эпохи. Но нужно сказать, что чѣмъ болѣе онъ одухотворяется и обобщается, тѣмъ менѣе онъ дѣйствуетъ на другихъ. Вліяніе свойственно людямъ дѣйствія, а чтобы дѣйствовать, ничто такъ не полезно, какъ узость мысли, соединенная съ энергіей воли.

Полетъ мысли огроменъ, но дѣйствуетъ ничтожно. Умамъ узкимъ, нуженъ успѣхъ, слава и выгода: и довольно съ нихъ. Но зато они никогда не узнаютъ восторговъ свободы и радости путешествія въ безконечномъ. Впрочемъ, я не предпочитаю однихъ другимъ, потому что каждый счастливъ только по своей природѣ. Исторія совершается специалистами и борцами, но я думаю небезполезно и то, чтобы среди этой горячечной дѣятельности западнаго міра было-бы хоть нѣсколько браманизирующихъ душъ.

1 іюня 1880 г. Стэндалъ (La Chartreuse de Parme). Произведеніе замѣчательное, типичное, образцовое (une tête de ligne). Стэндалъ открываетъ рядъ натуралистическихъ романовъ, которые устраиваютъ участіе нравственнаго чувства и насмѣхаются надъ предполагаемой свободой. Личности безотвѣтственны; онѣ управляемы своими страстями и зрѣлище человѣческихъ страстей доставляетъ радость непріятелю, пищу художнику. Стэндалъ — романистъ во вкусѣ Тэна, вѣрный изобразитель, не волнующійся, не негодующій и котораго все забавляетъ: мошенникъ и мошенница, и честный человѣкъ, и честная женщина, но который не имѣетъ ни вѣры, ни предпочтенія, ни идеала. Литература здѣсь подчинена естественной исторіи, наукѣ; она не составляетъ уже части „гуманитарныхъ“ знаній, она не дѣлаетъ уже челоуѣку чести ставить его въ особый рядъ, она ставитъ его въ рядъ съ муравьями, бобрами и обезьянами. И это-то нравственное равнодушіе ведетъ къ безнравственности. Недостатокъ всей этой школы состоитъ въ цинизмѣ, презрѣніи къ челоуѣку, принимаемому до скотины; это есть культъ силы, беззаботность души, недостатокъ великодушія, уваженія, благородства, котораго видишь, несмотря на всѣ увѣренія противнаго; словомъ, это антигуманность. Нельзя быть безнаказанно матеріалистомъ; люди бывають грубы при самой утонченной культурѣ. Свобода мысли, конечно, великая вещь, но сердечное благородство, вѣра въ добро, способность къ энтузиазму и самопожертвованію, жажда совершенства и святости еще болѣе прекрасны.

26 іюня 1880 г. Демократія существуетъ; напрасный трудъ замѣчать ея недостатки и смѣшныя стороны. Всякій образъ правленія имѣетъ свои недостатки, а этотъ образъ правленія есть все-таки наименьшее зло. Онъ невыгоденъ для вещей, но зато полезенъ для людей, потому что развиваетъ личность, приучая каждого заниматься множествомъ различныхъ вопросовъ. Онъ производитъ дурную работу, но образуетъ гражданъ. Въ этомъ его оправданіе, и оправданіе это не только можетъ быть принято, но имѣетъ серьезное значеніе въ гла-

захъ филантропа, потому что въ концѣ концовъ общественныя учрежденія сдѣланы для человѣка, а не наоборотъ.

1 июля 1880 г. (3 часа). Воздухъ тяжелый. Я долженъ буду пересмотрѣть мои замѣтки, подумать о завтрашнихъ экзаменахъ. Внутреннее отвращеніе, недовольство, пустота. Ворчить-ли это совѣсть, вздыхаетъ-ли сердце, душа-ли раздрается? Или это ощущеніе уходящей силы и теряющагося времени? Откуда эта смутная тревога? Отъ печали-ли, отъ сожалѣнія-ли о чемъ-нибудь, или отъ предчувствія? Не знаю, но это неясное подтачиваніе сердца опасно; оно наталкиваетъ на быстрыя и безумныя рѣшенія. Хочется убѣжать отъ самого себя, заглушить надоедливый голосъ того, чего намъ недостаетъ. Недовольство отецъ соблазновъ. Нужно насытить невидимую змѣю, которая скрывается въ глубинѣ нашего колодца, насытить ее, чтобы усыпать. И всѣ эти тщотные порывы, о чемъ свидѣлствуютъ они? О стремленіи къ чему-то. Мы жаждемъ безконечнаго, любви, чего-то непонятнаго. Это счастье рыцать въ глубинѣ пропасти. Это Богъ зоветъ или отмщаетъ.

8 июля 1880 г. Не подобна-ли жизнь духа жизни старыхъ ивъ или неумирающихъ баобабовъ? Не нарастаетъ ли живой слой сознанія на сотни умершихъ слоевъ? Умершихъ? Это слишкомъ сильно сказано, но когда память ослабѣваетъ, прошедшее какъ будто уничтожено. Вспоминать, что зналъ что либо, не есть богатство, но признакъ потери, это номеръ гравюры, которой уже нѣтъ на своемъ гвоздѣ, заглавіе книги, которой нѣтъ на ея полкѣ. Таковъ мой умъ; онъ представляетъ собою пустую раму тысячъ стертыхъ образовъ. Выработанный тысячами упражненій мой умъ есть только культура, но онъ почти ничего не удержалъ въ своей сѣти. Онъ уже только форма безъ содержанія. Онъ не имѣетъ болѣе знанія, а есть только методъ. Онъ этеризовался, алгебраизовался. Жизнь поступила съ нимъ такъ, какъ смерть поступаетъ обыкновенно съ другими умами; она уже приготовила его къ дальнѣйшей метаморфозѣ. Съ 16-ти лѣтъ я уже умѣлъ смотрѣть глазами слѣпного, которому только что сняли катаракты, т.-е. отрѣшиться отъ воспитанія зрѣнія и уничтожить разстоянія; теперь я могу смотрѣть на жизнь почти какъ изъ-за гроба; все мнѣ странно, я могу быть внѣ своего тѣла, внѣ своей личности, я обезличенъ, отрѣшенъ, улетученъ.— Не сумасшествіе-ли это?—Нѣтъ. Сумасшествіе составляетъ невозможность вернуться къ своему равновѣсію послѣ странствованія въ чуждыхъ формахъ, послѣ Дантовскихъ посѣщеній невидимыхъ міровъ. Сумасшествіе состоитъ въ невозможности судить самого себя и остановиться. Мнѣ же кажется, что мои

умственные превращенія суть только философическіе опыты. Я не связанъ ни съ однимъ изъ нихъ. Но я не скрываю отъ себя того, что эти попытки утончаютъ нить здраваго смысла, потому-что уничтожаютъ предрасудки и личные интересы.

29 августа 1880 г. Мнѣ нѣсколько лучше. Пользуюсь этимъ, чтобы возвратиться къ оставленнымъ упражненіямъ и прерваннымъ привычкамъ. Но я состарился на нѣсколько мѣсяцевъ въ одну недѣлю. Это очень замѣтно. Окружающіе меня притворяются, что ничего не видятъ, но зеркало правдивѣе. Облегченіе есть, но я все-таки слышу навотившій челнокъ судьбы и чувствую какъ бѣгу къ смерти, не смотря на остановки и короткія перемирія.

Самая прекрасная жизнь была бы подобна жизни рѣки, въ которой водопады и пороги встрѣчаются только при колебелѣ, и усиливающееся теченіе которой образовалось бы изъ послѣдовательнаго ряда богатыхъ долинъ, переходящихъ каждая въ озеро съ разнообразными видами одинаково живописными, и завершилась бы среди равнинъ старости соединеніемъ съ океаномъ, въ которомъ все усталое находитъ свое успокоеніе. Мало такихъ полныхъ, плодотворныхъ и пріятныхъ существованій. Къ чему желать ихъ или сожалѣть о нихъ? Мудрѣе и труднѣе считать свой удѣлъ наилучшимъ и сказать себѣ, что все-таки и самый лучший портной не можетъ намъ сдѣлать кафтанъ болѣе въ пору, чѣмъ наша кожа. „Настоящее имя счастья это довольство своей судьбой“. Главное для каждаго то, чтобы помириться съ своей судьбой. Она не сдержала того, что обѣщала тебѣ, ты иногда сердился на нее—довольно взаимныхъ упрековъ; надо заснуть примиреннымъ.

9 сентября 1880 г. Мнѣ кажется, что съ уменьшеніемъ моей дѣятельной силы, я дѣлаюсь болѣе духовнымъ. Все дѣлается для меня прозрачнымъ, я вижу типы, основу существъ, смыслъ вещей.

Всѣ личныя событія представляются мнѣ только частными опытами, только предлогами для размышленія, фактами для обобщенія ихъ въ законы, реальностями для преобразованія ихъ въ мысли; жизнь представляется мнѣ только документомъ, который надо растолковать, матеріей, которую надо одухотворить. Такова жизнь мыслителя; онъ все болѣе и болѣе обезличивается съ каждымъ днемъ. Если онъ соглашается испытывать и дѣйствовать, то только для того, чтобы лучше понимать. Если онъ чего хочетъ, то только для того, чтобы познать волю. Хотя ему пріятно быть любимымъ, и онъ не знаетъ ничего столь радостнаго, но и тутъ ему кажется, что онъ только поводъ для явленія, но не цѣль его. Онъ созерцаетъ зрѣлище любви и любовь остается для него зрѣлищемъ. Онъ не считаетъ даже своего тѣла своимъ; онъ чувствуетъ проходящимъ черезъ себя жизненный вихрь,

который данъ ему на время только для того, чтобы онъ могъ познавать вибраціи міра. Онъ только мыслящій субъектъ и удерживаетъ только форму вещей, онъ не приписываетъ себѣ никакой матеріальной собственности, онъ требуетъ отъ жизни для себя только мудрости. Это настроеніе дѣлаетъ его непонятнымъ для всего наслаждающагося, властвующаго, захватывающаго. Онъ воздущенъ, какъ привидѣніе, которое можно видѣть, но нельзя схватить. Онъ подобенъ человѣку столько-же, сколько тѣнь Ахиллеса подобна живому человѣку. Я еще не умеръ, но уже привидѣнье. Люди кажутся мнѣ сновидѣніями, и я представляюсь имъ сномъ.

Категорія времени уже не существуетъ для моего сознанія и вслѣдствіе этого всѣ перегородки, которыя дѣлаютъ изъ жизни дворецъ въ тысячу комнатъ, падаютъ для меня, и я не выхожу изъ первобытнаго, одноклѣточного состоянія. Я знаю себя только въ состояніи монады, и чувствую, что мои способности вновь возвращаются въ ту субстанцію, которую они индивидуализировали. Всѣ выгоды животности, такимъ образомъ, откинута, уничтожено также все то, что дало изученіе и культура... Птица вернулась въ яйцо, организмъ въ зародышъ.— Это психологическое явленіе есть предвареніе смерти; оно изображаетъ жизнь загробную, возвращеніе къ тому, изъ чего я вышелъ, уничтоженіе среди привидѣній, паденіе въ область „матерей“, или скорѣе укрощеніе личности, которая, откинувъ всѣ случайности, существуетъ уже только въ состояніи нераздѣльности, въ состояніи точки, въ состояніи потенціи, въ состояніи нуля, но нуля плодотворнаго... Это ничто есть все. Этотъ „punctum“ безъ измѣреній есть „punctum saliens“.

Что такое желудь, какъ не дубъ, лишенный своихъ вѣтвей, листьевъ, ствола, корней, т.-е. всѣхъ своихъ приспособленій, всѣхъ формъ, всѣхъ особенностей, но который сосредоточенъ въ своей сущности, въ своей производительной силѣ, который вновь можетъ завоевать все, что она отбросила. Это обѣдненіе стало быть есть только внѣшнее сокращеніе.

Возвратиться къ своей вѣчности, это-то и значитъ умереть, но не уничтожиться, это значитъ возвратиться къ своей потенціальности.

9 октября 1880 г. (Кларенсъ). Прогулка. Умиленіе и восхищеніе. Это было такъ прекрасно, такъ ласкающе, такъ поэтично, такъ матерински любовно. Лучи, листья, небо, колокола говорили мнѣ: соберись съ силами и мужайся, бѣдный страдалецъ. Это времена благоволенія; здѣсь забвеніе, тишина, покой. Ошибки и страданья, безпокойства и сожалѣнія, заботы и обиды все это одно и то же время. Мы не различаемъ; мы облегчаемъ всѣ страданья, мы распространяемъ миръ, мы утѣшеніе. Привѣтъ усталымъ, огорченнымъ, больнымъ, грѣшнымъ.

камень, всему тому, что страдаетъ сердцемъ, совѣстью и тѣломъ. Мы благодѣтельный источникъ, пейте и живите! Богъ повелѣваетъ восходить своему солнцу надъ праведными и неправедными. Его щедрость не жалѣетъ благодѣяній, не взвѣшиваетъ ихъ, какъ мѣняла, и не ну-меруетъ, какъ кассиръ. Приходите! всѣмъ достанетъ!

29 октября 1880 г. ... Какъ узнать про человѣка, что онъ такое? Прежде всего, по его поступкамъ, но и еще по чѣмъ-то такому, что познается только интуиціей. Душа судить о душѣ по своему срод-ству съ нею, черезъ слова, черезъ молчаніе, черезъ поступки, черезъ взгляды.

Положимъ, что этотъ критерій субъективенъ и подверженъ ошибкамъ, но, во первыхъ, у насъ нѣтъ болѣе вѣрнаго, а потомъ точность при-ближенія соотвѣтственна нравственному развитію судящаго.

Мужество знаетъ толкъ въ мужествахъ, доброта въ добротѣхъ, благо-родство въ благородствѣхъ, прямодушіе въ прямодушіи. Истинно знаешь только то, что потерялъ, т. е. то, о чѣмъ сожалѣешь, напр., дѣтская чистота, стыдливость дѣвственницы, незапятнанность чести. Настоящій судья, стало быть, безконечная доброта, а послѣ нея возрожденный грѣшникъ или святой, человѣкъ, прошедшій испытанія, или мудрецъ. Справедливо, что нашъ пробный камень тѣмъ болѣе чувствителенъ, чѣмъ менѣе мы дурны.

22 ноября 1880 г. Какъ побѣдить дурное расположеніе духа? Прежде всего смиреніемъ: когда знаешь свою слабость, зачѣмъ раздра-жаться, когда другіе указываютъ на нее? Это не любезно съ ихъ сто-роны, но они правы. Потомъ разсужденіемъ: въ концѣ концовъ остаться все-таки тѣмъ, чѣмъ былъ, и если слишкомъ уважалъ себя, то прихо-дится только измѣнить о себѣ мнѣніе; неучтивость ближняго оставляетъ насъ такими, какими мы и были. Главное-же прощеніемъ: есть только одно средство не ненавидѣть тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ зло и обиды, это дѣлать имъ добро; побѣдить свой гнѣвъ добротою; ихъ не пере-мѣнишь этой побѣдой надъ своими чувствами, но обуздаешь себя. Недостойно возмущаться за себя; должно возмущаться только ради общихъ и важныхъ дѣлъ.

Ничѣмъ нельзя вынуть изъ раны отравленнаго жала, какъ только бальзамомъ молчаливаго и предупредительнаго милосердія. Зачѣмъ поз-волять себѣ раздражаться на человѣческую злобу, на неблагодарность, на зависть, даже на коварство. Перекурамъ, жалобамъ, наказаніямъ никогда не будетъ конца. Самое простое стереть все. Обиды, упрёки, вспышки смущаютъ душу. Человѣкъ любитъ судить, но есть одно зло, ко-торое онъ не призванъ наказывать—это то, которое сдѣлано ему са-

мому. Надо имѣть средство исцѣленія противъ этихъ золъ. Огонь очищаетъ все.

Моя душа подобна огню,
Который пожираетъ и окуриваетъ
Все то, что бросаютъ на него,
Чтобы заглушить его.

28 декабря 1880 г. Есть два способа опредѣленія людей, которыхъ мы знаемъ: первый утилитарный, по отношенію къ себѣ, различаетъ друзей, враговъ, симпатичныхъ, индифферентныхъ, тѣхъ, которые могутъ оказать намъ услугу или повредить намъ; второй, безпристрастный, распредѣляетъ ихъ по ихъ внутреннему значенію, по ихъ собственнымъ качествамъ или недостаткамъ, внѣ чувствъ, которыми они питаютъ къ намъ или которыми мы испытываемъ къ нимъ.

Мнѣ свойственъ второй родъ опредѣленія. Я оцѣниваю людей менѣе по привязанности, которую они оказываютъ мнѣ, чѣмъ по ихъ личному совершенству, и не смѣшиваю благодарность съ уваженіемъ. Хорошо, когда можно соединить оба чувства. Но тяжело быть обязаннымъ благодарностью, не испытывая уваженія и увѣренности.

Ревность—ужасное чувство. Оно кажется похожимъ на любовь—только совершенно противоположно ей. Ревность не ищетъ блага любимаго предмета, но хочетъ его зависимости и своего торжества. Любовь есть забвеніе своего „я“; ревность есть самая страстная форма эгоизма, усиленіе своего деспотическаго, требовательнаго, тщеславнаго „я“, которое не можетъ себя забыть и подчинить. Контрастъ совершенный.

Притупленіе совѣсти узнается по неспособности къ негодованію, которую не нужно смѣшивать съ кротостью любви, ни съ сдержанностью смиренія.

Человѣкъ есть страсть, которая приводитъ въ движеніе волю, которая въ свою очередь толкаетъ умъ, и такимъ образомъ органы, которые какъ-будто предназначены для служенія уму, суть только орудія страсти. Детерминизмъ правъ для людей толпы; свобода внутренняя существуетъ только какъ исключеніе, и только вслѣдствіе побѣды надъ собой. Даже тотъ, кто вкусилъ свободы, свободенъ только промежутками и порывами. Истинная свобода не есть такимъ образомъ постоянное состояніе, она не есть неразрушимое и всегда одинаковое свойство. Человѣкъ свободенъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ не обманутъ собой, своими изворотами, своими инстинктами, своей природой. Человѣкъ свободенъ только вслѣдствіе критики

и энергіи, т. е. вслѣдствіе отреченія отъ себя и управленія самимъ собой. Такъ-что мы въ рабствѣ, но способны къ освобожденію; мы связаны, но способны развязаться...

Матеріальные результаты суть только позднее проявленіе невидимыхъ дѣятельностей. Ядро уже давно вылетѣло, когда звукъ выстрѣла доходитъ до насъ. Рѣшающія событія совершаются въ мысли.

Жизнь должна быть рожденіемъ души, выдѣленіемъ высшаго вида реальности. Животное должно быть очеловѣчено, плоть должна быть претворена въ духъ; физиологическая дѣятельность должна быть превращена въ мысль, въ сознаніе, въ разумъ, въ справедливость, въ великодушіе, какъ свѣча въ свѣтъ и теплоту. Слѣпая, жадная, эгоистическая природа должна быть превращена въ красоту, въ благородство. Эта высшая алхимія оправдываетъ наше присутствіе на землѣ; въ этомъ наша миссія и наше достоинство.

Отказаться отъ счастья и думать только о долгѣ, замѣнить желанія сердца совѣстью: въ этомъ добровольномъ мученичествѣ есть свое благородство. Наша природа противится намъ въ этомъ, но лучшее нашего „я“ покоряется этому. Надежда на справедливость признакъ болѣзненной чувствительности. Нужно умѣть обходиться безъ нея. Мужественный характеръ состоитъ въ этой независимости. Пусть свѣтъ думаетъ о насъ что хочетъ, это его дѣло. Если онъ намѣренъ поставить насъ на наше мѣсто только послѣ нашей смерти, или даже никогда, въ этомъ его право. Наше же — въ томъ, чтобы поступать такъ, какъ будто отечество признательно, какъ будто міръ правосуденъ, какъ будто общественное мнѣніе проницательно, какъ будто жизнь справедлива, какъ будто люди добры.

Даже смерть можетъ быть согласіемъ и потому нравственнымъ поступкомъ. Животное издыхаетъ, человѣкъ долженъ вручить свою душу ея Создателю.

5 января 1881 г. Еслибъ я имѣлъ здоровье, я былъ бы чело-вѣкомъ самымъ свободнымъ изъ тѣхъ, кого знаю, хотя немного сухости для моего сердца было бы необходимо, чтобы увеличить мою независимость.

Не будемъ преувеличивать: моя свобода только отрицательна. Никто не имѣетъ преимуществъ передо мной, но многія вещи мнѣ менѣе возможны и, еслибъ я имѣлъ глупость желать ихъ, границы моей свободы сдѣлались бы очевидны. Отъ этого-то я остерегаюсь

желать этихъ вещей и вызывать ихъ въ моемъ умѣ. Я хочу только того, что я могу, и такимъ образомъ я не толкуюсь ни о какую стѣну, я уничтожаю даже загородку моего дуга. Я хочу скорѣе немного меньше того, что могу, чтобы даже не касаться препятствія. Отреченіе есть охрана своего достоинства. Отнимемъ у себя все, и ничто не будетъ у насъ отнято. Тотъ, кто отдалъ свою жизнь, можетъ смотрѣть въ лицо смерти. Что же еще можетъ она отнять у него? Отреченіе отъ желаній и исполненіе закона любви — въ этомъ методъ Будды, въ этомъ все искусство „освобожденія“...

Мое горло мучаетъ меня. Идетъ снѣгъ. Такимъ образомъ я завишу отъ природы и Бога. Но я не завишу отъ человѣческаго каприза: въ этомъ-то и дѣло. Правда, мой аптекарь можетъ сдѣлать ошибку и отравить меня, мой банкиръ привести меня къ сумѣ, также какъ и землетрясеніе — разрушить мой домъ, безъ вознагражденія. Полная независимость есть, стало быть, только чистая химера. Но у меня есть независимость относительная, независимость стойка, который уходитъ въ свою волю и запираетъ двери этой крѣпости.

„Поклянемся, исключая Бога, не имѣть господина“.

Клятва древней Женевы останется моимъ девизомъ.

10 января 1881 г. Огорчаться недоброжелательствомъ, неблагодарностью, равнодушіемъ людей — это слабость, къ которой я склоненъ. Мнѣ тяжело быть непонятымъ, осуждаемымъ, у меня нѣтъ суроваго мужества, мое сердце уязвимо болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. А впрочемъ, мнѣ кажется, что я притерпѣлся къ этому и закалился. Недоброжелательство людей тревожить меня теперь меньше, чѣмъ бывало. Обязанъ-ли я этому философіи? Есть-ли это слѣдствіе возраста? Или, можетъ быть, причина этому просто въ уваженіи и расположеніи, которыя были мнѣ оказаны? Мнѣ нужны были эти доказательства для того, чтобы внушить мнѣ какое-либо уваженіе къ самому себѣ. Иначе я легко повѣрилъ бы въ свое ничтожество и незначительность всѣхъ моихъ попытокъ. Для робкихъ успѣхъ необходимъ. Одобреніе нравственно возвышаетъ, похвала — вѣрительный элексиръ.

23 января 1881 г. Въ эту минуту я чувствую себя хорошо и мнѣ кажется страннымъ, что я приговоренъ, и такъ скоро. Жизнь не чувствуетъ никакого родства со смертью. Поэтому-то, вѣроятно, всегда и возрождается въ насъ машинальная, инстинктивная надежда, затемняющая разумъ и заставляющая сомнѣваться въ вѣрности научнаго рѣшенія. Жизнь стремится упорствовать въ бытіи. Она повторяетъ, какъ попугай въ баснѣ, даже въ ту минуту, когда его думать: „Это, это ничего“.

Мысль видитъ дѣло, какъ оно есть, т. е., что положеніе плохо, но животное протестуетъ. Оно вѣрить въ зло, только когда оно наступило. Такъ-ли дурно это? Вѣроятно, нѣтъ. Природа хочетъ, чтобъ живущій защищался отъ смерти; надежда сливается съ любовью къ жизни; это — органическій импульсъ, принимающій иногда религіозный характеръ.

Кто знаетъ, Богъ можетъ спасти насъ, сдѣлать чудо. При томъ никогда нельзя быть увѣреннымъ, что нѣтъ какого-нибудь исцѣляющаго средства. Неизвѣстность есть убѣжище надежды. Сомнительное считается между благоприятными шансами. Бренность смертныхъ хватается за всякую опору. Какъ упрекать ее въ этомъ. Даже со всею этою помощью она не избѣгаетъ бѣдственности и отчаянія. Лучшее рѣшеніе все-таки покоряется необходимости, называя ее отеческою волею Бога, и нести мужественно свой крестъ, во имя властителя судебъ.

Воинъ не разсуждаетъ о полученномъ приказѣ, онъ повинуется и умираетъ безъ ропота. Если бы прежде исполненія онъ хотѣлъ знать, на что служить его жертва, онъ не зналъ бы покорности.

Я думалъ сегодня утромъ, что очень немногіе люди имѣютъ понятіе о нашихъ физическихъ немощахъ, что наши близкіе и даже наши самые интимные друзья не знаютъ нашихъ бесѣдъ съ Царемъ ужасовъ. Есть мысли, которыхъ нельзя повѣрить другому, есть печали, которыя не раздѣляются. Нужно даже изъ великодушія скрывать ихъ. Мечтаешь одинъ, страдаешь одинъ, умираешь одинъ, одинъ и занимаешь домъ изъ шести досокъ. Но не запрещено открывать Богу это одиночество. Суровый монологъ дѣлается такимъ образомъ діалогомъ, отвращеніе становится покорностью, отреченіе становится миромъ, болѣзненная раздавленность вновь дѣлается свободой.

„Желать того, чего хочетъ Богъ, есть единственное знаніе, которое даетъ намъ покой“.

Каждый изъ насъ испытываетъ много противоположныхъ побужденій, но какъ только онъ узнаетъ, въ чемъ законъ, и подчиняется закону, все хорошо.

О если бы, какъ умирающій мудрецъ, мы бы могли сказать съ миромъ:

„Я слишкомъ долго блуждалъ, искалъ, я обманывался. Все благо; мой Богъ обнимаетъ меня“.

29 января 1881 г. Ужасная ночь. Боролся три или четыре часа подъ-рядъ съ моими удшителями и заглянулъ близко въ глаза смерти... Ясно, что меня ожидаетъ задушеніе, асфикція. Я захохоталъ. Я-бы не избралъ этой смерти; но когда нѣтъ выбора, нужно

только покориться. Спиноза умерь передь докторомъ, котораго онъ привазалъ позвать. Ты долженъ свыкнуться съ мыслью умереть внезапно, въ одну прекрасную ночь, удушенный своимъ ларингитомъ. Это не то, что послѣдній вздохъ патриарха, окруженнаго своимъ колѣбно-преклоненнымъ семействомъ. Въ этомъ нѣтъ красоты, величія и поэзіи; но стоицизмъ состоитъ въ отреченіи. *Abstine et sustine.*

Ты вѣдь знаешь, что у тебя есть вѣрные друзья; такъ лучше не мучить ихъ. Стоны и волненія только дѣлаютъ еще болѣе труднымъ великій переходъ. Одно слово замѣняетъ всѣ другія: да будетъ воля Бога, но не моя! Лейбница провожалъ къ кладбищу только одинъ его слуга. Въ одиночествѣ одра смерти и гроба нѣтъ ничего дурного. Тайнственное непередаваемо. Діалогъ между душою и Царемъ ужасовъ не требуетъ свидѣтелей. Живымъ хочется поклониться тому, кто уходитъ. И потомъ никто не знаетъ навѣрно, что ему предназначено. Что будетъ, то будетъ. Наше дѣло только сказать „аминь“.

4 февраля 1881 г. Испытываешь странное ощущеніе, ложась въ постель съ мыслью, что не увидишь, можетъ быть, завтрашняго дня. Это ощущеніе было у меня вчера довольно сильно, и между тѣмъ вотъ я живъ. Чувство чрезвычайной брѣнности способствуетъ покорности и уничтожаетъ всякое честолюбіе:

„Оставьте долгую надежду и общпрныя замыслы“.

Работа на отдаленный срокъ кажется абсурдомъ; живешь только со дня на день.

Если не мечтаешь о томъ, чтобы видѣть передъ собой свободные пятнадцатіе, годъ, мѣсяцъ, если рассчитываешь только на 12 часовъ и если ближайшая ночь есть уже угроза и неизвѣстность, то очевидно, что отказываешься отъ искусства, науки и политики, довольствуясь діалогомъ съ самимъ собой, возможнымъ до самаго конца. Внутренній монологъ есть единственное утѣшеніе осужденнаго на смертную казнь, которая отсрочивается. Онъ уходитъ самъ въ себя, онъ не проявляется болѣе наружу, онъ поглощенъ самоанализомъ. Онъ не дѣйствуетъ болѣе, онъ созерцаетъ. Онъ еще пишетъ тѣмъ, которые ждутъ этого отъ него, но отказывается отъ публики и уходитъ самъ въ себя. Какъ заяцъ, онъ возвращается умирать на свое логово, и это логово есть его совѣсть, его мысль. Также и его задушевный дневникъ. До тѣхъ поръ, пока онъ можетъ держать перо и пока у него есть минута уединенія, онъ сосредоточивается передъ этимъ отзвукомъ самого себя и бесѣдуетъ съ своимъ Богомъ. Но это не нравственное испытаніе, не актъ раскаянія, не призывный крикъ. Это только „аминь покорности“... „Дитя мое, отдай Мнѣ твое сердце“.

7 февраля 1881 г. Сегодня прекрасное солнце. Но я имѣю едва достаточно силы, чтобы замѣчать его. Восхищеніе, радость предполагаютъ хоть нѣкоторое облегченіе. Тяжесть головы утомляетъ шею, тяжесть жизни удручаетъ сердце; это не эстетическое состояніе... Я думалъ о разныхъ вещахъ, которыя надо-бы написать, но самое оригинальное, самое лучшее въ насъ самихъ то, что мы чаще всего теряемъ. Мы откладываемъ на будущее, которое никогда не приходитъ. Omnis moriatur.

14 февраля 1881 г. Предполагал, что твои недѣли сочтены, что долженъ ты дѣлать, чтобы быть въ согласіи съ міромъ? Возвратить каждому то, что ему приходится, отдать дань справедливости, благоразумію, добротѣ, оставить по себѣ добрую память. Попробуй не забыть ничего полезнаго и никого изъ тѣхъ, которые чего-нибудь ожидаютъ отъ тебя.

18 февраля 1881 г. Погода туманная. Ночь провелъ довольно хорошо. Продолжаю, однако, худѣть. Однимъ словомъ, коршунъ даетъ мнѣ отдыхъ, но паритъ надъ своей добычей. Возможность вернуться къ моимъ служебнымъ занятіямъ представляется мнѣ сновидѣніемъ.....

Не имѣя въ эту минуту впечатлѣній могилы, я чувствую себя навсегда плѣнникомъ, хроническимъ больнымъ. Это колебательное состояніе, которое не есть ни жизнь, ни смерть, имѣетъ свою прелесть, потому что если оно и есть отреченіе, оно позволяетъ мыслить. Это мечтаніе безъ страданій, тихая сосредоточенность. Окруженный привязанностями и книгами, я плыву по теченію времени такъ-же, какъ я скользилъ, бывало, иногда по каналамъ Голландіи, безъ сотрясенія и безъ шума. Мнѣ кажется, что я еще въ *трекшютт*. Едва слышишь иногда пріятное журчаніе воды, разсѣваемой бичевой баркой, или звуекъ копыта гужевой лошади, которая бѣжитъ по песчаной дорожкѣ. Путешествіе при этихъ условіяхъ имѣетъ нѣчто фантастичное. Не увѣренъ, что еще существуешь и держишься на землѣ. Вспоминаешь объ умершихъ душахъ, о тѣняхъ бѣгущихъ во мракѣ, объ inania regna... Я смотрю, какъ проходятъ мои впечатлѣнія, мои мечты, мои мысли, мои воспоминанія, какъ человекъ, который отрекся отъ всего.

22 февраля 1881 г. Типическое движеніе ума мы видимъ въ астрономіи: нѣтъ неподвижности, но и нѣтъ поспѣшности; орбиты, циклы, стремительность, но гармонія; движеніе, но порядоекъ; все вѣситъ и противовѣситъ; получаетъ и отдаетъ свѣтъ. Эта космическая и божеская дѣятельность не можетъ ли сдѣлаться нашей? *Взаимопомощаніе* борьбы всѣхъ противъ всѣхъ есть ли высшій типъ равно-

вѣсія? Мнѣ противно думать такъ. Фаза дикости принята нѣкоторыми теоретиками за послѣднюю форму. Тутъ должна быть ошибка. Справедливость восторжествуетъ, а справедливость не есть эгоизмъ. Независимость и доброта должны провести равнодѣйствующую, которая и будетъ требуемой линіей.

14 марта 1881 г. Меримэ умеръ отъ той же болѣзни, которая и меня мучаетъ. Бронхитъ и астма, отсюда инедія и наконецъ истощеніе. Онъ также испыталъ мышьякъ, зимы въ Каннахъ, сжатый воздухъ. Все было бесполезно. Удушеніе и истощеніе убили автора *Solomba*. *Nic tua res agitur...* Небо мрачное и сѣраго цвѣта моихъ мыслей. Впрочемъ, и неизбѣжное имѣетъ свою прелесть и свое успокоеніе. Блужданіе иллюзій, неопредѣленность желаній, скачки, надежды уступаютъ мѣсто тихой покорности. Находишься въ какомъ-то загробномъ положеніи. Кстати, на этой недѣлѣ долженъ быть купленъ мой уголокъ могильной земли въ *Oasis*. Все подходитъ къ концу, *festinat ad eventum*.

16 марта 1881 г. — Печальная ночь, утро грустное... Два конька доктора, дигиталисъ и бромъ, оказываются безсильными. Присутствую при своемъ разрушеніи съ усталостью и скукой. Сколько усилій, чтобы помѣшать умереть! Эта самозащита опротивѣла мнѣ.

Безполезная и безпрестанная борьба унижаетъ мужественную природу. Льву противнѣ всего бороться съ мошकारа. Человѣкъ естественный чувствуетъ то-же. Но человѣкъ духовный долженъ выучиться кротости и долготерпѣнію. Неизбѣжное, это воля Бога. Хотѣлось-бы другого, но надо принять тотъ жребій, который предназначенъ намъ. Впрочемъ, одно только нужно:

Сохрани въ моемъ сердцѣ вѣру въ Твою святую волю
И дѣлай со мной, Боже, все, что Ты хочешь.

19 марта 1881 г. Отвращеніе, уныніе. Сердце разрушается. А между тѣмъ какія нѣжныя заботы, какое участіе окружаетъ меня... Но безъ здоровья къ чему все это? Зачѣмъ все то, что дано мнѣ? Для чего нужны были испытанія Іова? Чтобы созрѣло его терпѣніе, изощрилась его покорность.

Такъ выйдемъ же изъ самихъ себя, страхнемъ это уныніе. Будемъ думать не о томъ, что потеряно, но о всемъ томъ, что могло-бы еще потеряться. Создаемъ наши преимущества. Постараемся быть достойными этихъ милостей.

21 марта 1881 г. Эта жизнь больного слишкомъ эпикуреична. Вотъ ужъ 5 недѣль, какъ я только то и дѣлаю, что выжидаю, уха-

живаю за собой, развлекаюсь, и пресыщеніе уже тутъ. Мнѣ недостаетъ труда. Трудъ есть приправа существованія. Безъ цѣли, безъ усилія жизнь приторна. Лѣность приводитъ къ вялости; вялость рождаетъ отвращеніе. Къ тому-же еще весенняя тоска. Это пора неопредѣленныхъ желаній, глухихъ недомоганій, безпредметныхъ вздоховъ. Видишь сны наяву. Ищешь чего-то ошущью. Стремись къ тому, что не имѣетъ имени, если только то, къ чему стремишься, не есть счастье или смерть.

28 марта 1881 г. Я не могу работать; мнѣ трудно существовать. Посвятимъ нѣсколько мѣсяцевъ баловству дружбы, потому что и это хорошо; но потомъ? Не лучше-ли уступить мѣсто живучему, дѣятельному, производительному?

Хотѣлъ-ли бы я еще жить? Не думаю. Я желаю одного — здоровья, не страданія. Но такъ какъ это невозможно, то остальное мнѣ не нужно. Пресыщеніе. Усталость. Отреченіе. „Укротимъ наши сердца терпѣніемъ“.

10 апрѣля 1881 г. (Воскресеніе). — Визитъ къ Х... Она перечла мнѣ письма 1844 — 1845 годовъ, писанныя моею рукой. Сколько общаній и какой ничтожный результатъ! Такъ вотъ что мы такое! Я потеряюсь въ пескахъ, какъ Рейнъ, и приближается часъ, когда моя струйка воды исчезнетъ.

Маленькая прогулка при заходящемъ солнцѣ, впечатлѣніе разсѣянныхъ лучей и грозовыхъ тучъ. Зеленая дымка обволакиваетъ всѣ деревья.

„И все ужъ возрождается, и уже боярышникъ Видѣлъ пчелу, прилетавшую на его цвѣтокъ“.

Мнѣ все это уже чуждо.

(Въ тотъ-же день). Какъ обманчивы желанія!.. Судьба сокрушаетъ насъ двоякимъ образомъ: отказывая намъ въ нашихъ желаніяхъ и исполняя ихъ. Но тотъ, кто хочетъ только того, чего хочетъ Богъ, избѣгаетъ обѣихъ бѣдъ. „Все обращается къ его благу“.

15 апрѣля 1881 г. Сегодня страстная седмица, праздникъ скорби. Мнѣ знакомы дни предсмертной тоски и ночи агоніи. Будемъ нести смиренно свой крестъ. У тебя вѣтъ болѣе будущаго. Твоя обязанность привести въ порядокъ настоящее и твои дѣла. Старайся хорошо кончить, потому что тебѣ нечего болѣе предпринимать, нечего и продолжать.

19 апрѣля 1881 г. — Изнеможеніе... Полная слабость плоти и духа...

Какъ трудно, жить, о, мое усталое сердце!

К о н е ц ъ .

ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ.

Стр.	Строко.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
5	1 сверху	1846 г.	1848 г.
7	7 сверху	le dépit	le dépit
9	7 снизу	принимал ее	принимая его
10	10 сверху	стыдящаяся ее	стыдящаяся его
20	16 сверху	овладѣвать собою и овладѣвать	овладѣвать собою и созрѣвать
21	4 сверху	Я принимаю ее	Я принимаю его
—	—	благодарю за нее	благодарю за него
32	13 сверху	1860 г.	1861 г.
34	12 снизу	чпстый типъ, чѣмъ	чистый типъ такого критика, чѣмъ
35	7 снизу	превращать виновныхъ	возрождать преступныхъ
38	8 снизу	нехорошій принципъ	несовершенный принципъ
44	11 снизу	неачѣмъ трудиться	неачѣмъ много заботиться
54	6 сверху	и его страхъ	и его опасность
55	19 снизу	закрываетъ собой	закрываетъ себя
56	8 снизу	которые муздали	которые вувдали
57	8 снизу	истиннымъ міромъ	міромъ природы
64	20 сверху	онъ видитъ разсужденія	онъ ясно видитъ иллювіи
66	7 сверху	тысячъ людей	тысячъ нитей
68	12 сверху	престижигиторовъ	престижидитаторовъ
70	11 сверху	вѣра совмѣстима ли	вѣра трудно совмѣстима
78	12 сверху	26 ноября	4 декабря
80	9 снизу	прочувственное	прочувствованное